

U $\frac{379}{317}$

b.1

Книгоиздательство „ИНОСТРАННАЯ АРМІЯ“.

У 379
317

НАСТАВЛЕНІЕ

КЪ САМОДИСЦИПЛИНѢ И САМОВОСПИТАНІЮ.

СОБРАНІЕ ПИСЕМЪ
СТАРАГО ОФИЦЕРА КЪ СВОЕМУ СЫНУ.

Составлено С. Х.

Выпускъ I.

Армія не должна имѣть въ своей
средѣ офицеровъ, которые служатъ
самимъ себѣ, а не долгу.

Цѣна 75 коп.

МОСКВА.

Тип. Борисенко и Бреславль. Б. Дмитровка, д. Благ. Собранія.

1900.

12250
и
98

Книгоиздательство „ИНОСТРАННАЯ АРМІЯ“.

И $\frac{279}{317}$

НАСТАВЛЕНІЕ

КЪ САМОДИСЦИПЛИНѢ И САМОВОСПИТАНІЮ.

СОБРАНІЕ ПИСЕМЪ
СТАРАГО ОФИЦЕРА КЪ СВОЕМУ СЫНУ.

~~~~~

Составлено С. К.

~~~~~

Выпускъ I.

Армія не должна имѣть въ своей
средѣ офицеровъ, которые служатъ
самимъ себѣ, а не долгу.

— ❖ —

МОСКВА.

Тип. Борисенко и Бреслинъ. Б. Дмитровка, д. Влаг. Собранія.

1900.

Дозволено цензурою. Петербургъ, октября 5 дня 1899 г.

2011137041

Государственной
опека Ленинград
Библиотека ГИИ
им. В. И. Ленин

58271-46

Предисловіе.

Твердо убѣдясь въ томъ, что теперь болѣе, чѣмъ когда либо нужно заботиться о воспитаніи солдатъ, и вполнѣ признавая ту старую истину, что только тотъ способенъ служить дѣлу воспитанія, кто прежде всего самъ воспиталъ себя, я постарался выяснить въ этихъ письмахъ назначеніе и долгъ офицера на основаніи военнаго устава и постановленій о судахъ чести отъ 2-го мая 1874 г. и 1 января 1897 г. Говоря отъ лица стараго, посѣдѣвшаго на службѣ офицера, я желаю, чтобы мои слова были убѣдительнѣе, и пусть тотъ читатель, который обратитъ вниманіе на мои письма, поставитъ себя въ положеніе сына, къ которому я обраща-

юсь со словами: учись вникать въ задачи и обязанности твоего прекраснаго призванія, приучай себя къ постоянной, строгой самодисциплинѣ и будь достойнымъ хранителемъ своей чести.

И такъ, мои письма должны помочь юнымъ офицерамъ въ трудномъ дѣлѣ самовоспитанія, старшихъ же офицеровъ побудить неустанно трудиться въ дѣлѣ воспитанія своихъ младшихъ товарищей и тѣмъ постоянно поддерживать и развивать среди офицеровъ старый духъ прусской арміи. Всѣ письма вмѣстѣ составляютъ одно цѣлое, но каждое можетъ быть исключено, не нарушая общаго смысла. Отсюда слѣдуетъ, что мнѣ было нельзя иногда обойтись безъ повтореній, хотя я и старался ихъ избѣгнуть.

И такъ, шлю свои письма въ армію; дай Богъ, чтобы они достигли своей доброй цѣли!

ПЕРВОЕ ПИСЬМО.

Подготовленіе къ военному званію.

Введеніе.—Значеніе офицера въ арміи.—Назначеніе офицера.—Гордость и самомнѣніе.—Справедливая сословная гордость.—Положеніе въ обществѣ и отношеніе къ службѣ.—Выборъ знакомства.—Стремленія.—Заключеніе.

Мой милый сынъ!

Еще нѣсколько недѣль и ты предстанешь передъ твоимъ старымъ отцомъ, какъ офицеръ, со всѣми атрибутами своего почетнаго званія. Въ то время, какъ твои школьные товарищи ведутъ въ университетѣ веселую, свободную жизнь буршей, причемъ ихъ шалости вызываютъ даже снисходительную улыбку филистера и оправдываются избыткомъ кипучихъ юношескихъ силъ, находящихся въ броженіи,—ты сразу вступаешь въ кругъ обязанностей, которыя неустанно напоминаютъ тебѣ о серьезныхъ задачахъ жизни.

И такъ, ты сдѣлался мужемъ, хотя по годамъ ты еще юноша. Теперь ты долженъ самъ опредѣлять свой образъ дѣйствій и отвѣчать за него.

Для меня является потребностью поговорить съ тобой о твоихъ трудныхъ, но прекрасныхъ обязанностяхъ и помочь тебѣ совѣтомъ въ затруднительныхъ случаяхъ, указавъ на тѣ камни преткновенія, которые отъ времени до времени встрѣчаются всякому офицеру на жизненномъ пути. Дай Богъ, чтобы ты счастливо миновалъ ихъ и сдѣлался дѣльнымъ офицеромъ и воиномъ, въ которомъ живетъ старый нѣмецкій духъ, возвеличившій нашу армію!

Укажу сначала на значеніе офицера для арміи и для отечества.

Величіе арміи, т. е. ея внутренняя сила, достоинство и слава заключаются въ ея офицерскомъ корпусѣ, такъ какъ составъ унтеръ-офицеровъ и простыхъ рядовыхъ мѣняется черезъ болѣе или менѣе продолжительныя промежутки времени; офицеры же остаются, составляя душу арміи.

Подобно тому, какъ у человѣка кровь начинаетъ свое обращеніе съ сердца, а сердце регулируетъ пульсъ, и переставая биться, безусловно вызываетъ смерть,—такъ и изъ среды офицеровъ, какъ изъ сердца арміи, исходитъ жизненный духъ въ разумъ и душу солдатъ; тамъ же, гдѣ они бездѣйствуютъ, армія лишена внутренней опоры; другими словами: если офицеры стоятъ на высотѣ всѣхъ человѣческихъ и военныхъ добродѣтелей, всецѣло посвящаютъ себя святому призванію и проявляютъ полное мужество при

его исполненіи, то они дѣйствуютъ на массу уже однимъ своимъ примѣромъ и высокою степенью образованія; въ этомъ случаѣ они воспитываютъ въ одно и то же время хорошихъ солдатъ и честныхъ гражданъ, такъ какъ армія есть ничто иное, какъ вооруженный народъ. И такъ, они увеличиваютъ духовныя силы народа съ помощью арміи: невольно ихъ духъ передается и ихъ подчиненнымъ. Но если офицеры не стоятъ на высшей ступени развитія, то одновременно съ пониженіемъ ихъ нравственнаго уровня падаетъ и нравственный уровень арміи. Никакое растеніе, даже здоровое, не можетъ хорошо расти и приносить плоды, если оно не пользуется заботливымъ уходомъ садовника; никакое зданіе, воздвигнутое даже изъ лучшаго матеріала, не можетъ быть настолько прочно, чтобы устоять противъ всякой бури, если надъ нимъ не порабатаетъ искусная, вѣрная рука мастера. Если нѣмецкое офицерское сословіе, состоя изъ потомковъ хорошихъ фамилій и вліяя на массу уже однимъ своимъ образованіемъ, можетъ сдѣлать армію сильной и надежной, то ясно, что отдѣльный офицеръ можетъ оказывать облагораживающее вліяніе на своихъ подчиненныхъ лишь тогда, когда честь составляетъ для него великую драгоценность, т. е. та истинная честь, которая немислима безъ вѣрности, мужества, твердой рѣшимости, слѣпонаго повиновенія и вмѣстѣ съ тѣмъ

правдивости, скромности и самоотверженного исполнения всякихъ даже мелкихъ обязанностей, которая безусловно требуетъ отъ офицера проявленія и во внѣшней жизни того чувства достоинства, которое вытекаетъ изъ сознанія, что онъ принадлежитъ къ сословію защитниковъ престола и отечества.

Поэтому менѣе чѣмъ кто-либо долженъ ты думать о себѣ. Въ пробужденіи чувства эгоизма, какъ бы оно ни было незначительно, ты долженъ видѣть своего злѣйшаго врага. Никогда ты не долженъ спрашивать себя: «что мнѣ за это будетъ? какая награда ожидаетъ меня?»

Ты долженъ вполне отречься отъ самого себя и проникнуться величіемъ твоего призванія. Для себя самого ты не можешь желать или домогаться чего-либо. Лишь въ самоотверженной преданности своему призванію ты долженъ почерпать силу и крѣпость, стремясь исполнить возложенную на тебя задачу.

Плохое житье намъ! А все же
Другого бы я не желалъ!

Такъ говорятъ солдаты въ «Лагерѣ Валленштейна» и эти слова должны отдаваться въ твоемъ сердцѣ, если только вмѣсто слова «плохое», ты скажешь «трудное».

Въ чемъ же состоитъ задача твоего офицерскаго званія, которая требуетъ отъ тебя такъ много?

Въ мирное время эта задача такъ же проста, какъ и трудна: она заключается въ подготовленіи арміи къ войнѣ, т. е. въ воспитаніи и развитіи подчиненныхъ. Но во время войны задача офицера настолько величественна и возвышенна, что равной ей не представляется ни въ какомъ другомъ сословіи: она состоитъ въ томъ, чтобы безстрашно вести въ битву свой отрядъ и не только быть во главѣ его, но и воздѣйствовать на массу блестящимъ примѣромъ мужества и презрѣнія къ смерти. Чѣмъ больше опасность, чѣмъ сильнѣе градъ пуль, чѣмъ яростнѣе битва и чѣмъ ближе смерть, тѣмъ съ большимъ мужествомъ ты долженъ быть первымъ изъ первыхъ. Приказанія здѣсь не умѣстны, — здѣсь дѣйствуетъ лишь примѣръ; ты являешься не какъ начальникъ во главѣ подчиненныхъ, а какъ человѣкъ подлѣ человѣка, но какъ такой, на котораго всѣ смотрятъ и по примѣру котораго всѣ дѣйствуютъ, черная мужество въ его спокойствіи и благоразуміи. Ты долженъ дѣйствовать такъ, чтобы увлечь за собой толпу собственной своею храбростью и пламеннымъ воодушевленіемъ.

Таково назначеніе офицера. Ты самъ скажешь, что оно требуетъ тѣхъ выдающихся качествъ сердца и ума, которыя отъ природы свойственны не каждому, и не каждому могутъ быть привиты воспитаніемъ въ родительскомъ домѣ или въ школѣ. Къ сожалѣнію они рѣдко прививаются до-

машнымъ или школьнымъ воспитаніемъ, а большею частью пріобрѣтаются лишь путемъ строгаго самовоспитанія въ школѣ жизни.

Но даже и не допуская той мысли, чтобы нѣмецкій офицеръ могъ на полѣ битвы забыть свои обязанности—противъ этого достаточно говорить значительное число убитыхъ, раненыхъ и награжденныхъ знаками отличія въ прошлыя войны, прославившія нѣмецкую армію—ты все же не долженъ забывать, что высокія добродѣтели мужества и самопожертвованія развиваются только въ виду угрожающей опасности, но что у многихъ онѣ дремлютъ и бездѣйствуютъ въ мирное время. *Поэтому продолжительный миръ опасенъ для духа арміи.* Эти слова, конечно, покажутся тебѣ странными, но тѣмъ не менѣе это на самомъ дѣлѣ такъ, потому что враги, дремлющіе въ насъ, т. е. многочисленныя страсти, которыя овладѣваютъ человекомъ, весьма легко развиваются при спокойномъ, однообразномъ времяпрепровожденіи, обычномъ въ мирное время, — если только при этомъ не стоитъ на стражѣ желѣзная воля и самообладаніе. Это и есть корень зла, въ немъ-то и заключается вся опасность. Эти враги не стоятъ передъ нами лицомъ къ лицу такъ, чтобы мы могли поразить ихъ однимъ взмахомъ меча, но тайно скрываются и часто растутъ незамѣтно для насъ, овладѣвая нами раньше, чѣмъ мы объ этомъ догадываемся. Всѣ эти

враги вмѣстѣ съ тѣмъ и враги истинной чести, съ которой офицеръ долженъ жить и умереть; поэтому я попытаюсь выяснитъ тѣ ошибки, которыя мы меньше всего замѣчаемъ, такъ какъ онѣ происходятъ отъ нашего самолюбія, а потому часто или вовсе не считаются ошибками, или же извиняются и оправдываются нами.

На первомъ мѣстѣ стоятъ гордость и самолюбіе.

Будучи еще вольноопредѣляющимся, ты уже слышалъ отъ своихъ офицеровъ, что офицерское сословіе есть благороднѣйшее въ свѣтѣ, такъ какъ его члены не должны стремиться ни къ выгодамъ, ни къ приобрѣтенію богатства или другихъ земныхъ благъ, но должны оставаться вѣрны своему высокому, святому призванію, руководясь во всемъ требованіями истинной чести и сосредоточивая всѣ мысли и чувства на самоотверженной преданности своимъ высшимъ военачальникамъ и отечеству.

Кромѣ того, какъ ты самъ знаешь, составъ офицерскаго корпуса больше чѣмъ какое-либо другое сословіе непрерывно пополняется сыновьями семей изъ образованной аристократіи и одно уже это обстоятельство возвышаетъ его надъ другими классами общества.

Наконецъ, надо принять во вниманіе другія незначительныя обстоятельства, какъ напр. тотъ фактъ, что молодыя дѣвушки гораздо охотнѣе

танцуютъ и болтаютъ съ молодымъ лейтенантомъ, чѣмъ съ кѣмъ либо изъ статскихъ и что многія гражданскія семьи считаютъ за особую честь принимать въ свое общество офицеровъ и употребляютъ всѣ средства, чтобы завязать съ нѣкоторыми изъ нихъ болѣе короткія сношенія, чего бы это ни стоило. Все это совершенно справедливо, но здѣсь-то и скрывается опасное искушеніе: благодаря совершенной основательной гордости (о которой я буду говорить впослѣдствіи) впасть въ высокомеріе и самомнѣніе. Опасность растетъ отъ того предпочтенія, которое охотно оказывается офицеру въ тѣхъ кругахъ, гдѣ господствуютъ одинаковые съ нимъ взгляды на честь, гдѣ мѣсто матеріализма и корыстолюбія занимаетъ національная гордость и любовь къ престолу и отечеству; кромѣ того, опасность увеличивается еще благодаря рано приобрѣтенной привычкѣ повелѣвать.

Съ другой стороны я долженъ признать, что мы, офицеры, никогда не должны рассчитывать на то, чтобы подъ старость отдохнуть въ собственномъ углу. Я не могу отрицать и того, что наше званіе предъявляетъ къ старому, посѣдѣвшему на службѣ генералу тѣ же высокія требованія, какъ и къ только что вступившему въ жизнь лейтенанту и, вмѣсто приобрѣтеній и выгодъ, предписываетъ подчиненіе и самоотреченіе. Справедливо и то, что въ силу присяги мы отказы-

ваемся отъ свободы располагать своими дѣйствіями и должны быть готовыми каждую минуту пожертвовать нашей жизнью за честь короля и славу отечества. Это конечно можетъ заставить насъ справедливо гордиться нашимъ положеніемъ, но равнымъ образомъ не должно вести и къ непріятному, оскорбительному высокомерію. И если корпусъ офицеровъ составленъ исключительно изъ сыновей лучшихъ фамилій, если у него есть возможность, благодаря соответствующимъ установленіямъ, сохранить честь своего сословія чистой и незапятнанной, то это можетъ только возбудить въ насъ высшее стремленіе къ истинной чести, но никакъ не повести къ возвышенію надъ другими сословіями. И если, на самомъ дѣлѣ, молодыя дѣвушки находятъ больше удовольствія въ веселыхъ, полныхъ здороваго юмора шуткахъ молодого офицера, чѣмъ въ бесѣдѣ какого-нибудь застѣнчиваго рефендарія или костляваго буквоѣда; если онѣ съ большимъ удовольствіемъ мчатся по залѣ съ ловкимъ танцоромъ, чѣмъ топчатыся на одномъ мѣстѣ съ неуклюжимъ кавалеромъ,—даетъ ли это молодымъ офицерамъ право смотрѣть на этихъ господъ свысока? И если, наконецъ, нѣкоторые невоенные стараются показать, что считаютъ за честь вести знакомство съ офицеромъ, то прежде, чѣмъ принимать за чистую монету ихъ льстивыя завѣре-

нія, лучше пообстоятельнѣе узнать, какого рода эти люди.

И такъ, хотя положеніе офицера имѣеть много преимуществъ передъ другими сословіями, причемъ въ числѣ этихъ преимуществъ не послѣднее мѣсто занимаетъ полковое товарищество, все таки ничто не даетъ тебѣ права на высокоуміе т. е. на самомнѣніе и самообожаніе, благодаря которымъ гордый человекъ презрительно смотритъ на другія сословія или на отдѣльныхъ членовъ ихъ.

Если ты гордишься дарованными тебѣ привилегіями, то прими къ сердцу и налагаемыя ими обязанности. Прочти внимательно то мѣсто введенія къ постановленіямъ о судахъ чести, въ которомъ сказано: «справедливое чувство собственнаго достоинства, присущее офицеру, никогда не должно обращаться въ презрѣніе или въ высокоумное отношеніе къ другимъ классамъ общества. Чѣмъ искреннѣе любитъ офицеръ свое призваніе, чѣмъ выше ставитъ его, тѣмъ больше будетъ сознавать, какое громадное значеніе имѣеть полное довѣріе всѣхъ сословій къ офицерству, какъ условіе для успешнаго разрѣшенія высшихъ задачъ арміи».

«Гордость является передъ паденіемъ» — гласитъ старая пословица; она злѣйшій врагъ офицера, потому что ведетъ къ болѣзненному самолюбію и обидчивости, заглушаетъ благородныя

стремленія и рыцарскій духъ, облагораживающій его, и незамѣтно, но неудержимо ведетъ къ деспотизму. Если бы ты могъ сосчитать, сколько разъ она по рываласвятыя узы товарищества, поселяла въ семьяхъ раздоръ между отцомъ и сыномъ и вообще приносила несчастье тѣмъ людямъ, которыми она овладѣвала, — ты избѣгалъ бы ее какъ чумы.

Предположимъ, что твой отецъ, скромный гражданскій чиновникъ, не воспрепятствовалъ бы тебѣ стать офицеромъ и переживалъ бы съ тобою всякое горе и радость, какъ любящій, заботливый отецъ. Какъ, навѣрное, ты любилъ бы и почиталъ такого отца, какъ гордился бы имъ! И вотъ, ты сталъ офицеромъ, принадлежишь къ привилегированному сословію, служба котораго считается почетнѣе гражданской службы. Слѣдуя внушеніямъ гордости, неужели ты сталъ бы высоко смотрѣть на отца только потому, что онъ не такой же офицеръ, какъ ты?—на того отца, который до сихъ поръ составлялъ для тебя все, который любилъ тебя, поставилъ на ноги и сдѣлалъ тѣмъ, что ты есть? Станешь ли ты считать себя на самомъ дѣлѣ выше твоего отца, вѣрно исполнявшаго свой долгъ на службѣ императору и могущаго служить тебѣ образцомъ во всѣхъ отношеніяхъ? Ты, можетъ быть, думаешь, что этотъ примѣръ неубѣдителенъ, такъ какъ твой отецъ, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ, есть

и будетъ твоимъ родителемъ и любить его заставляетъ тебя законъ природы. Но твое возраженіе есть ничто иное какъ софизмъ, такъ какъ хотя ты и остаешься сыномъ своего отца, но не разрѣшишь этимъ столкновенія, которое можетъ возникнуть у тебя съ нимъ, какъ у офицера съ гражданскимъ чиновникомъ. Или представь себѣ, что твой братъ, твои друзья не раздѣляютъ твоей склонности къ военному званію, и одинъ сталъ купцомъ, другой земскимъ дѣятелемъ, третій юристомъ, четвертый медикомъ и т. п. Станешь ли ты смотрѣть на нихъ свысока только потому, что они носятъ штатское платье? Какое ты право имѣешь на это? Они происходятъ изъ одной съ тобой семьи и потому имѣютъ одинаковое съ тобой право на уваженіе и вниманіе. Они также могли быть офицерами, но неодинаковыя наклонности заставили ихъ избрать другое поприще дѣятельности, слѣдовательно тебѣ нечего гордиться передъ ними своимъ званіемъ и ставить преграды между собой и своей семьей. Только тотъ, кто уважаетъ другихъ, уважаетъ и самого себя, и лишь тотъ истинно великъ, кто выказываетъ непритворную скромность и смиреніе. Приведу еще примѣръ. Что скажешь ты, если твой товарищъ, носящій знатное имя древняго дворянскаго рода, станетъ свысока смотрѣть на тебя? Не скажешь ли ты ему: «я такой же офицеръ, какъ и ты, и твое древнее имя не возвы-

шаетъ тебя надо мною». Если ты не хочешь предоставить другимъ права считать себя выше тебя самого, то почему же ты возвышаешь себя передъ другими?

А между тѣмъ старинное дворянство, предки котораго въ теченіе цѣлыхъ столѣтій жили не для своей наживы, самоотверженно служили не своимъ интересамъ, а государству, и приносили не одну жертву на благо отечеству, — такое дворянство вправѣ гордиться своимъ незапятнаннымъ гербомъ, но не можетъ возвышать себя и смотреть свысока на своихъ согражданъ, кто бы они ни были. Точно такъ же и ты имѣешь право на гордость, если принадлежишь къ высшему сословію и хранишь свою честь, какъ драгоценнѣйшее достояніе, но ты не можешь высокомерно относиться къ другимъ людямъ, считая себя выше ихъ только потому, что они не офицеры.

По поводу прерогативъ стариннаго дворянства отмѣчу слѣдующее явленіе. Наше время, склонное къ нарушенію существующаго общественнаго порядка и къ установленію равныхъ правъ и обязанностей, охотно посчиталось бы съ дворянствомъ и юнкерствомъ. Одни называютъ ихъ ни къ чему не нужнымъ зломъ, другіе — остаткомъ стараго времени или же отжившимъ средневѣковымъ учрежденіемъ, и лишь немногіе даютъ дворянству право на существованіе.

Чѣмъ объяснить это? Тѣ самые люди, которые

враждебно относятся къ социаль-демократической партіи, которые называютъ ее партіей разрушенія и считаютъ опасной для общества и государства, хотятъ отнять у дворянства ихъ ничтожныя привилегіи и преимущества. Можно ли такъ односторонне требовать для себя привилегій по отношенію къ людямъ, стоящимъ ниже себя и вмѣстѣ съ тѣмъ возставать противъ неравенства по отношенію къ высшимъ слоямъ общества. Кто придерживается такого мнѣнія, тотъ нисколько не лучше социаль-демократовъ и даже хуже ихъ, такъ какъ вслѣдствіе своего развитія, воспитанія и житейскаго опыта, могъ бы быть подальновиднѣе. Простолюдинъ, которому изображаютъ въ пламенныхъ рѣчахъ и сочиненіяхъ будущее государство какимъ-то раемъ на землѣ, чувствуетъ себя ослѣпленнымъ яркимъ свѣтомъ такого лучезарнаго будущаго, спѣшитъ вступить въ ряды этой партіи и дѣлается ея горячимъ приверженцемъ, безъ устали гоняясь за воображаемымъ счастьемъ. Мы же, претендующіе на разумъ и чувство, должны знать, что равныхъ для всѣхъ правъ нѣтъ и никогда не можетъ быть, и потому мы должны, разъ мы защищаемъ свои собственные права, предоставить и дворянству его право на основательную гордость и не коситься на него за эту привилегію. Насколько бессмысленно это неудовольствіе противъ дворянства—можетъ быть видно изъ отвѣта, который приходится дать на

вопросъ; «какія особенныя, задѣвающія общую жизнь права имѣтъ дворянство?». Я не знаю никакихъ, кромѣ права имѣть фамильный гербъ, зубчатую коронку и различные титулы или тому подобныя прерогативы высшаго дворянства.

Правда, въ прежнее время дворянство имѣло особенное положеніе, что и было вполнѣ справедливо; съ годами, однако, высокое умственное развитіе гражданъ, богатство торговаго класса, иное распредѣленіе земельной собственности, реорганизация войска—значительно измѣнили отношенія сословій и дворянство само неоднократно соединялось съ гражданами. Такихъ наслѣдственныхъ преимуществъ дворянства, отъ которыхъ бы терпѣли другія сословія законъ вовсе не знаетъ; не существуетъ также и чрезмѣрнаго возвышенія дворянства—по крайней мѣрѣ я его нигдѣ не встрѣчалъ, и это, конечно, само по себѣ было бы болѣзненнымъ явленіемъ. Если въ дворянствѣ живетъ еще справедливая гордость, основанная на оказанныхъ отечеству заслугахъ цѣлаго ряда достойныхъ предковъ, то далеко не ставя ему этого въ укоръ, мы можемъ брать съ него примѣръ и ввести у себя справедливую фамильную гордость, чтобы поднять нашъ семейный духъ. И такъ, предоставь же всякому высокорожденному человѣку справедливо гордиться своимъ наслѣдственнымъ именемъ, самъ же твердо сохраняя въ себѣ здоровое чувство соб-

ственного достоинства и разумной сословной гордости.

Но если ты не долженъ смотрѣть на другихъ съ глупой спѣсью, то не долженъ и допускать высокомерія по отношенію къ себѣ: избѣгай гордецовъ, кто бы они ни были, и разъ ты принадлежишь къ офицерскому сословію, то требуй и стойко охраняй всѣ привелегіи, которыя добровольно признаны за тобой. Я разумѣется, нисколько не отрицаю того, что сословіе офицеровъ имѣетъ много преимуществъ передъ другими классами; но эта не наша заслуга, — они коренятся скорѣе въ особыхъ законахъ и установленіяхъ, заведенныхъ изстари, которыми мы пользуемся, пока состоимъ въ офицерскомъ званіи. Эти установленія, естественно, создаютъ намъ особое положеніе среди другихъ сословій, и разъ мы поступаемъ въ ихъ духъ, то это положеніе признается за нами безъ всякой зависти и недоброжелательства, если только мы не заражаемся тщеславнымъ высокомеріемъ, а довольствуемся справедливымъ сознаніемъ достоинства своего званія.

Раньше я говорилъ, что къ высокомерию ведетъ рано приобрѣтенная привычка повелѣвать; поэтому ты не долженъ почерпать свою силу въ приказаніяхъ. Есть много молодыхъ офицеровъ, которые находятъ несказанное удовольствіе въ томъ, чтобы приказывать, не потому, чтобы ихъ

къ этому вынуждала служба, а потому, что ихъ тщеславію льститъ то, какъ множество людей повинуется малѣйшему ихъ знаку. Это свойство, естественное и извинительное въ человѣкѣ, не должно быть терпимо, такъ какъ безсмысленное приказаніе безъ причины и цѣли ведетъ къ надменности, деспотизму и ожесточенію, и эти качества въ концѣ концовъ образуютъ непроходимую пропасть между офицерами и солдатами. Поэтому ты долженъ прежде всего приучить къ повиновенію самого себя, такъ какъ только тогда ты научишься разумно приказывать другимъ. Возьмемъ въ примѣръ нашего высшаго военачальника, могущественнаго монарха всей объединенной Германіи: далекій отъ того, чтобы злоупотреблять своимъ могуществомъ, онъ видитъ свою славу не въ господствѣ, а въ служеніи отечеству, говоря про себя: «я первый слуга своего государства».

Умъ, острота, веселость, легкое перенесеніе жизненныхъ невзгодъ (но отнюдь не легкомысліе) должны быть присущи офицерамъ и сохраняться въ нихъ до старости; какой бы постъ они ни занимали, отъ ихъ личности должно вѣять бодрымъ, животворнымъ духомъ, для того, чтобы они могли имъ оживлять ввѣренныхъ имъ юношей, какъ утренняя роса освѣжаетъ молодую зелень.

Дѣло самовоспитанія, т. е. серьезной работы

надъ самимъ собой, состоитъ въ томъ, чтобы безпощадно зондировать свои мысли и чувства, быть бдительнымъ въ постоянной борьбѣ съ высококомѣриемъ и внѣшними искушеніями. Ты долженъ глубоко проникнуть въ свои служебныя обязанности и считать ихъ цѣлью своей жизни, такъ какъ на службѣ дѣло идетъ не о твоёмъ личномъ благополучіи, а о благѣ войска, духъ котораго ты воспитываешь въ лицѣ своихъ подчиненныхъ. Ты долженъ способствовать образованію великой арміи, питающей непоколебимую вѣрность царю и отечеству, служащей обороной противъ внутреннихъ враговъ и незыблемой стѣной противъ нападений извнѣ. Горе тебѣ, если ты станешь дѣлить свою жизнь между долгомъ и удовлетвореніемъ своего эгоизма. Напрасная попытка! Никто не можетъ служить двумъ господамъ: тебѣ не удастся служить одновременно и себѣ и отечеству; если ты окончательно не отрѣшишься отъ всякаго высокомерія, то эгоизмъ и сомнѣніе, всецѣло охвативъ тебя, заглушатъ всѣ твои добрые задатки, и ты станешь откладывать со дня на день исполненіе своего долга до болѣе удобнаго времени. И потому старайся совершенствоваться въ самоанализѣ и самовоспитаніи; исповѣдуй себя ежедневно, и если ты этого до сихъ поръ не дѣлалъ, то начни сегодня же, съ этой самой минуты.

Насколько тяжкій грѣхъ представляетъ высо-

комѣріе со всѣми его послѣдствіями, настолько полезно для каждаго офицера справедливое сознаніе высоты своего положенія: не сбивая его на ложный путь, оно научаетъ его любить свое занятіе и отдаваться ему всей душой; не вселяя презрѣнія къ другимъ сословіямъ, оно, напротивъ того, научаетъ пріобрѣтать довѣріе прочихъ сословій къ себѣ и ко всему офицерству.

Сословная гордость, иначе сказать—сознаніе высоты своего положенія, если тебѣ больше нравится это послѣднее опредѣленіе—есть тотъ неизсякаемый источникъ, изъ котораго ты, при всякой служебной неудачѣ или недовольствѣ, почерпаешь силу съ самоотрѣченіемъ переносить свои страданія, который побуждаетъ тебя стремиться къ идеалу и ставить достиженіе его цѣлью своей жизни. Пусть насмѣхаются надъ тобой товарищи, пусть тѣ, которые не устояли противъ духа времени и погрязли въ общемъ потокѣ матеріализма и реализма, пожимаютъ плечами, находя, что тебя съ твоими идеалами слѣдовало бы послать въ дѣтскую, — что тебѣ за дѣло до этого? Предоставь насмѣшникамъ говорить что угодно, и вѣрь, что они дорого бы дали за возможность такъ же думать и чувствовать, какъ и ты. Повѣрь, они достойны глубокаго сожалѣнія, такъ какъ имъ недостаетъ внутренняго довольства, нѣтъ силъ бороться и стремиться къ чему-либо. Счастье не дается внѣшними благами, и кто гонится

за ними, тотъ истощаетъ свои силы въ постоянныхъ разочарованіяхъ. Довольство, обуславливающее истинное счастье, коренится въ самомъ человѣкѣ, но его находятъ лишь тотъ, кто не утратилъ своихъ идеаловъ въ водоворотѣ жизни. Пусть жизнь бросаетъ тебя изъ стороны въ сторону, пусть подрывается твое довѣріе къ начальникамъ или товарищамъ, пусть остаются безъ исполненія твои лучшія надежды—ты все таки не будешь падать духомъ, пока имѣешь передъ собой идеалъ и стремишься къ его осуществленію. Это въ особенности необходимо въ офицерскомъ сословіи: при отсутствіи идеальныхъ воззрѣній, оно подвержено опасности мертвымъ формализмомъ и подслуживаніемъ убить въ себѣ всѣ лучшіе задатки и во внѣслужебныхъ отношеніяхъ развить въ себѣ непріятное высокомеріе со всѣми свойственными ему ошибками.

Только въ томъ случаѣ, если ты всѣмъ сердцемъ отдался своему высокому призванію и полагаешь свою честь въ строгомъ исполненіи своихъ обязанностей, ты можешь имѣть притязаніе на довѣріе и уваженіе другихъ сословій. При томъ необходимо имѣть и здравое сознаніе своего достоинства, такъ какъ лишь тотъ, кто привыкъ уважать въ себѣ человѣка, способенъ проявить особенныя заслуги на своемъ поприщѣ. Точно также и тотъ, кто знаетъ, что на него обращаютъ вниманіе другіе, будетъ еще болѣе стремиться

показать себя достойнымъ уваженія и вниманія. Съ этой стороны общественное положеніе, которымъ пользуется офицеръ, оказываетъ ему дѣйствительную защиту и оберегаетъ отъ тяжелыхъ ошибокъ.

И такъ ты, едва успѣвшій опериться юноша, вдругъ обратился въ мужа; едва покончивъ свое образованіе, ты уже долженъ быть учителемъ и воспитателемъ; привыкнувъ до сихъ поръ лишь повиноваться, ты вдругъ получилъ право приказывать; пользовавшись до сихъ поръ особеннымъ вниманіемъ лишь собственной семьи, ты сдѣлался вдругъ членомъ общества, желаннымъ гостемъ на всякомъ балу, во всякой семьѣ. Все это можетъ легко повести къ тому, что ты можешь разучиться повиновенію и до болѣзненности развить въ себѣ чувство самолюбія. Какъ легко скромность превращается тогда въ самообожаніе, безусловно отражающееся на службѣ! Недостатокъ самостоятельности, естественный у молодого офицера, частыя вмѣшательства и нравоученія старшихъ, какъ бы они ни были доброжелательны, малѣйшій упрекъ, сдѣланный самымъ снисходительнымъ образомъ, --- все это угнетающе дѣйствуетъ на самомнительныхъ салонныхъ героев: они теряютъ интересъ къ службѣ и во время исполненія служебныхъ обязанностей мечтаютъ о какомъ-нибудь вечерѣ, гдѣ они играютъ роль, которая, по ихъ мнѣнію, только и достой-

на ихъ. Куда дѣвается тогда вѣрность долгу и самоотверженное исполненіе служебныхъ обязанностей? Ты можешь хорошо чувствовать себя въ обществѣ, гдѣ долженъ вращаться уже въ силу товарищества, но настоящее назначеніе офицера не въ посѣщеніи баловъ, казино, ресторановъ и т. п., а въ добросовѣстномъ служеніи своему высокому дѣлу; общество же, какого бы оно рода ни было, во всякомъ случаѣ можетъ лишь доставить тебѣ отдыхъ въ свободное время. Ты долженъ учиться въ продолженіе своей службы, какихъ бы ты высшихъ чиновъ ни достигъ и какъ бы широко ни было твое воспитательское поприще. Слѣдовательно, ты долженъ быть благодаренъ за каждое хорошее нравоученіе, которое даютъ тебѣ твои начальники и старшіе товарищи и спокойно принимать каждое справедливое порицаніе, даже и тогда, когда оно выражено рѣзкими словами. Служба сурова—это вытекаетъ изъ самыхъ свойствъ суроваго военнаго ремесла, гдѣ не годятся бальныя перчатки.

Но что достигается службой, когда отъ нея нѣтъ пользы, когда нерадивость офицера передается солдатамъ и гордость отчуждаетъ его отъ подчиненныхъ? Лишь снисхожденіемъ и постоянной заботой о своихъ питомцахъ ты пріобрѣтешь ихъ любовь, а благодаря этой любви добьешься и довѣрія, которое одно сглаживаетъ пропасть между офицеромъ и его солдатами. Это значи-

тельно облегчить службу тебѣ самому и поможетъ возбудить къ ней интересъ и въ твоихъ подчиненныхъ, поощряя ихъ усердіе и исполнительность. Не переставай постоянно заниматься съ менѣе способными и суди не по личной симпатіи или антипатіи, а по строгой справедливости, безъ всякаго лицепріятія. Не осуждай безвозвратно того, кто впалъ въ грѣхъ, никогда не осмѣивай своего подчиненнаго передъ его товарищами; старайся всѣми силами возстановить чувство чести въ такъ называемыхъ потерянныхъ людяхъ и будь всегда готовъ воспользоваться прекраснымъ правомъ быть первымъ заступникомъ своихъ подчиненныхъ. Мелочное же ворчанье не достигаетъ своей цѣли, а лишь дѣлаетъ людей равнодушными къ порицанію и со временемъ заглушаетъ въ нихъ даже всѣ лучшія стремленія.

Всякому извѣстна пословица: «Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, и я скажу тебѣ, кто ты таковъ»; рядомъ съ этимъ я напому слова введенія къ постановленіямъ о судахъ чести: «Офицеръ долженъ стараться посѣщать лишь тотъ кругъ общества, гдѣ господствуютъ добрые нравы, и не долженъ упускать изъ виду, особенно въ общественныхъ мѣстахъ, что онъ является не только образованнымъ человѣкомъ, но и носителемъ чести и высокихъ обязанностей своего сословія».

Это предостереженіе и вышеупомянутая пословица говорятъ слѣдующее: будь остороженъ въ

выборѣ твоего знакомства и сношеній съ людьми въ общественныхъ мѣстахъ, потому что это бросаетъ тѣнь на всю твою нравственность и службу. Если ты праздно проводишь время въ ресторанахъ, прогуливаешь ночи и поддерживаешь знакомство съ семьями, гдѣ не встрѣчаешь тѣхъ взглядовъ на честь и долгъ, которые должны быть присущи офицеру, то ты подвергаешься опаснымъ искушеніямъ, и не твоя будетъ заслуга, если ты не погибнешь окончательно. Какъ легко въ такихъ мѣстахъ выпить лишній стаканъ пива или незамѣтно увлечься азартной игрой, какъ легко могутъ возникнуть недостойныя тебя ссоры! Каковы же послѣдствія этихъ излишествъ? Разрушеніе тѣла, матеріальное раззореніе, а въ дальнѣйшемъ—полное исчезновеніе всѣхъ лучшихъ свойствъ твоей души. Ты долженъ быть крайне беззаботенъ и крѣпокъ здоровьемъ, если несмотря на такія передраги желаешь добросовѣстно относиться къ службѣ и отдавать ей всѣ свои силы во всей ихъ свѣжести. И такъ, трактирная жизнь, погоня за разгульными удовольствіями, невоздержаніе, знакомство, могущее запятнать твою честь—все это не должно входить въ программу твоей жизни. Но этимъ я отнюдь не хочу сказать, что тебѣ не слѣдуетъ ходить въ рестораны, такъ какъ я вовсе не отвергаю того, что посѣщеніе подобныхъ мѣстъ даетъ возможность имѣть общеніе съ другими классами и въ извѣст-

ной степени содѣйствуетъ этимъ твоему общему развитію. Но ты долженъ посѣщать только такіе рестораны, гдѣ можешь найти общество, подходящее для тебя по положенію, и услышать поучительную для себя бесѣду, гдѣ человѣкъ цѣнится не потому, сколько онъ тратитъ или остается долженъ, а по своему внутреннему достоинству. Одинаково предосудительно посѣщеніе такихъ общественныхъ мѣстъ, въ которыхъ ты не можешь или не считаешь удобнымъ бывать въ формѣ, такъ какъ уже одно это неблагопріятно выдѣляетъ ихъ среди другихъ, дѣлая посѣщеніе ихъ несоотвѣтственнымъ твоему достоинству. Разумѣется, изъ этихъ словъ ты не выведешь заключенія, что только форма дѣлаетъ тебя офицеромъ. Ты знаешь, что лишь твои внутреннія качества дѣлаютъ тебя достойнымъ офицерскаго званія, а ихъ ты не можешь сбросить съ себя одновременно съ формой; слѣдовательно и тогда, когда ты носишь штатское платье, твоя честь, твое драгоцѣннѣйшее сокровище, требуетъ, чтобы ты и во внѣшней своей жизни проявлялъ достоинство, вытекающее изъ сознанія принадлежности къ сословію, которому ввѣрена защита престола и отечества.

Всякое излишество вредно отзывается на службѣ. Если ты утромъ встанешь съ тяжелой головой, можешь ли ты, несмотря на все свое желаніе, быть въ этотъ день дѣятельнымъ на службѣ?

можешь ли ты оказывать вліяніе на своихъ подчиненныхъ, воодушевлять ихъ своимъ примѣромъ? Если твой карманъ пустъ, тебя гнететъ тяжелая забота и ты тщетно ищешь отвѣта на вопросы: «откуда я возьму денегъ? какъ заплачу свои долги? чѣмъ буду жить?» какъ можешь ты въ это время посвятить службѣ всѣ свои силы? И чѣмъ чаще повторяются такіе случаи, тѣмъ больше измѣняешь ты своему долгу; когда же, вслѣдствіе разгульной жизни, игры или возрастающихъ долговъ, ты теряешь вѣру въ самого себя, утрачиваешь благородный образъ мыслей и перестаешь быть выдающимся человѣкомъ, то погибаешь для своего призванія и тогда ты менѣе всего можешь служить примѣромъ для своихъ подчиненныхъ.

Выбирай себѣ друзей не среди богатыхъ, а главнымъ образомъ, среди тѣхъ, кто живетъ при такихъ же матеріальныхъ условіяхъ, какъ и ты, для того, чтобы не подпасть соблазну жить выше своихъ средствъ; сходишься не только со своими сверстниками, но и со старшими товарищами, опытность которыхъ можетъ принести тебѣ пользу.

Если ты научишься правильно судить о своихъ поступкахъ и будешь помнить во всякое время, что твоя личная честь нераздѣльна съ сословной честью, давая своимъ товарищамъ право ожидать отъ тебя только такихъ поступковъ, въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ, всегда отражалась бы истин-

ная честь, то ты найдешь тогда въ самомъ себѣ защиту отъ всякаго рода искушеній.

Избравъ себѣ опредѣленное поприще, ты долженъ поставить себѣ въ жизни высокую цѣль и стремиться къ ней всѣми своими силами; достигнешь ли ты ея или нѣтъ, — для тебя это не важно. Но тотъ, кто будучи офицеромъ, не имѣетъ желанія сдѣлаться фельдмаршаломъ, сдѣлаетъ лучше, если избересть себѣ другое поприще. *Если твоя цѣль близка, ты тихо и вяло плетешься къ ней; если же она далека, то ты смѣло стремишься впередъ и шутя преодолеваешь все препятствія.* Но идя къ цѣли, ты не долженъ избирать кривыхъ путей, стараясь извлекать выгоды на счетъ другого: чего бы ты ни достигъ, пусть это будетъ достигнуто твоими собственными силами. Если ты обращаешь на себя вниманіе начальниковъ своимъ усердіемъ, прилежаніемъ и вѣрностью долгу, выдающимися способностями по службѣ и безупречнымъ поведеніемъ, то твои заслуги всегда получаютъ достойную оцѣнку со стороны твоихъ товарищей. Если же ты стараешься выказать неустанное усердіе и вѣрность долгу, пуская въ дѣло плутовство и лесть, то хотя на короткое время и обеспечишь себѣ особую благосклонность своихъ начальниковъ, пока не разоблачится твой образъ дѣйствій, но за то будешь все болѣе и болѣе уклоняться отъ прямого пути истинной чести по мѣрѣ того, какъ

станешь изыскивать новыя средства для достиженія личныхъ выгодъ подъ личиною вѣрности долгу. *Армія не должна имѣть въ своей средѣ офицеровъ, которые служатъ самимъ себѣ, а не долгу.* Такіе люди весьма опасны: пока имъ благопріятствуетъ счастье, они соблазняютъ своимъ примѣромъ еще неустановившіеся характеры, увлекая ихъ къ подражанію, или же пробуждаютъ зависть и презрѣніе; они губятъ чувство товарищества и ослабляютъ интересъ къ службѣ въ тѣхъ, которые до сихъ поръ отдавали ей всѣ свои силы, но оставались незамѣтны въ блескѣ, которымъ умѣютъ окружить себя подобные карьеристы.

И такъ борись всѣми силами съ этими нечестными побужденіями, съ легкомысліемъ, корыстолюбіемъ и тщеславіемъ, а также съ себялюбіемъ и самоувереніемъ, пока не выйдешь побѣдителемъ изъ этой борьбы. Тогда на смѣну имъ сами собой возродятся благородныя стремленія, интересъ къ службѣ, самоотверженная вѣрность долгу, истинная честь. Властолюбіе и мелкая придирчивость замѣнятся дружелюбнымъ отношеніемъ учителя къ ученикамъ, участіемъ и заботой о своихъ подчиненныхъ; вмѣсто честолюбія и тщеславія явятся рыцарскій духъ и скромность.

Лишь воспитавъ себя, лишь сдѣлавшись истиннымъ нѣмецкимъ гражданиномъ и офицеромъ, какимъ желалъ бы тебя видѣть твой императоръ,

всемиловѣйшій твой военачальникъ, лишь тогда можешь ты дѣйствовать съ успѣхомъ на избранномъ тобою поприщѣ, обладая тѣмъ духомъ, который оказываетъ благотворное и живительное вліяніе и передается массѣ, совершая черезъ нея великія, достойныя удивленія дѣла. Лишь потрудившись надъ самовоспитаніемъ, ты можешь думать о томъ, чтобы съ успѣхомъ воспитывать другихъ.

Въ заключеніе обращаюсь къ тебѣ, а черезъ тебя и къ твоимъ товарищамъ, со словами: запечатлѣйте въ сердцѣ своемъ, въ борьбѣ съ самими собою, старый прусскій девизъ: «Съ Богомъ за короля и отечество»!

ВТОРОЕ ПИСЬМО.

В ѣ р н о с т ь .

Мой милый сынъ!

Ты пишешь мнѣ цѣлое разсужденіе о своихъ взглядахъ на обязанности твоего званія и сословія, изъ чего я къ своей радости узнаю, что ты не смотря на молодья лѣта, нашель твердую точку опоры.

На такомъ прочномъ фундаментѣ можно воздвигнуть прекрасное зданіе, и я не сомнѣваюсь,

въ молитву: «Боже, благослови и продли на долгіе годы жизнь нашего императора»!

На основаніи вышеприведеннаго, мы попытаемся объяснить вѣрность слѣдующимъ опредѣленіемъ: «вѣрность есть непоколебимая привязанность къ Его Величеству Императору и ко всему его дому».

Но это опредѣленіе слишкомъ холодно и страдаетъ неполностью. Какую пользу принесеть твоя любовь къ твоему высшему военачальнику, когда у тебя недостаетъ воли исполнять обязанности, налагаемыя на тебя этимъ чувствомъ.

Конечно, мы часто видимъ, что дитя любитъ своего отца всѣмъ сердцемъ и все-таки огорчаетъ его, не будучи, положимъ, въ состояніи преодолѣть своей лѣни; такъ же естественно и то, что при всей преданности своему монарху, ты можешь оказаться виновнымъ въ нарушеніи той или другой обязанности. Но, какъ я уже сказалъ раньше, нарушеніе хотя бы одной какой-нибудь обязанности во всякомъ случаѣ составляетъ проступокъ противъ вѣрности, которая также, какъ и истинная честь, заключаетъ въ себѣ точное исполненіе всѣхъ, даже повидимому незначительныхъ обязанностей.

Если ты дашь другое опредѣленіе: «вѣрность состоитъ въ строгомъ исполненіи всѣхъ обязанностей», то и это объясненіе не будетъ удовлетворительно. Какъ часто поступки, которые съ

всемиловѣйшій твой военачальникъ, лишь тогда можешь ты дѣйствовать съ успѣхомъ на избранномъ тобою поприщѣ, обладая тѣмъ духомъ, который оказываетъ благотворное и живительное вліяніе и передается массѣ, совершая черезъ нея великія, достойныя удивленія дѣла. Лишь потрудившись надъ самовоспитаніемъ, ты можешь думать о томъ, чтобы съ успѣхомъ воспитывать другихъ.

Въ заключеніе обращаюсь къ тебѣ, а черезъ тебя и къ твоимъ товарищамъ, со словами: запечатлѣйте въ сердцѣ своемъ, въ борьбѣ съ самими собою, старый прусскій девизъ: «Съ Богомъ за короля и отечество»!

ВТОРОЕ ПИСЬМО.

В ѣ р н о с т ь .

Мой милый сынъ!

Ты пишешь мнѣ цѣлое разсужденіе о своихъ взглядахъ на обязанности твоего званія и сословія, изъ чего я къ своей радости узнаю, что ты не смотря на молодыя лѣта, нашелъ твердую точку опоры.

На такомъ прочномъ фундаментѣ можно воздвигнуть прекрасное зданіе, и я не сомнѣваюсь,

въ молитву: «Боже, благослови и продли на долгіе годы жизнь нашего императора»!

На основаніи вышеприведеннаго, мы попытаемся объяснить вѣрность слѣдующимъ опредѣленіемъ: «вѣрность есть непоколебимая привязанность къ Его Величеству Императору и ко всему его дому».

Но это опредѣленіе слишкомъ холодно и страдаетъ неполностью. Какую пользу принесеть твоя любовь къ твоему высшему военачальнику, когда у тебя недостаетъ воли исполнять обязанности, налагаемая на тебя этимъ чувствомъ.

Конечно, мы часто видимъ, что дитя любитъ своего отца всѣмъ сердцемъ и все-таки огорчаетъ его, не будучи, положимъ, въ состояніи преодолѣть своей лѣни; такъ же естественно и то, что при всей преданности своему монарху, ты можешь оказаться виновнымъ въ нарушеніи той или другой обязанности. Но, какъ я уже сказалъ раньше, нарушеніе хотя бы одной какой-нибудь обязанности во всякомъ случаѣ составляетъ проступокъ противъ вѣрности, которая также, какъ и истинная честь, заключаетъ въ себѣ точное исполненіе всѣхъ, даже повидимому незначительныхъ обязанностей.

Если ты дашь другое опредѣленіе: «вѣрность состоитъ въ строгомъ исполненіи всѣхъ обязанностей», то и это объясненіе не будетъ удовлетворительно. Какъ часто поступки, которые съ

перваго взгляда принимаются за проявленіе вѣрности, оказываются лишь игрой самолюбія и тщеславія!

Нѣтъ, не на открытомъ полѣ общественной жизни, гдѣ на тебя смотрятъ тысячи глазъ, гдѣ въ одну минуту можетъ разнестись о тебѣ худая или добрая молва,—а лишь въ тѣсныхъ границахъ твоего сердца, долга и избраннаго поприща, можетъ быть испытана твоя вѣрность!

Итакъ, не спрашивай, что такое вѣрность, не ищи ея объясненія въ блестящихъ опредѣленіяхъ, въ звучныхъ и многословныхъ фразахъ, которыя часто отзываются ложью. а старайся доказать свою вѣрность лишь на дѣлѣ. Въ этомъ то я и хочу помочь тебѣ.

Истинная вѣрность отличается необыкновенною скромностью; она ищетъ свою силу не во внѣшнемъ блескѣ, не въ удовлетвореніи тщеславія, а лишь въ отсутствіи всякихъ низкихъ побужденій, въ смиренной и самоотверженной любви и потому она зарождается не въ блестящемъ умѣ, гдѣ мысли часто вытекаютъ изъ нечистыхъ эгоистическихъ побужденій, а въ чистомъ, открытомъ и чувствительномъ сердцѣ.

Пока ты выполняешь свои обязанности лишь изъ тщеславія, стремишься къ чинамъ и знатности, къ похваламъ и уваженію начальниковъ, или, что еще хуже, дѣйствуя изъ страха наказанія или боязни быть осмѣяннымъ, ты не достигнешь

есть истинный отецъ всего народа, сердце котораго одинаково бьется, какъ для высшаго изъ дворянъ, такъ и для послѣдняго изъ народа; во истину онъ можетъ служить тебѣ блестящимъ образцомъ, стоящимъ на недосягаемой высотѣ и воодушевляющимъ тебя своимъ благороднымъ примѣромъ къ постоянному подражанію.

Если ты будешь сравнивать себя съ этимъ образцомъ, если каждый вечеръ ты будешь провѣрять себя, провелъ ли ты день такъ, какъ было бы желательно твоему королю, исполнилъ ли свой долгъ такъ же безупречно и по тѣмъ же побужденіямъ, какъ и онъ самъ, т. е. не ради тщеславія, а ради безкорыстной вѣрности долгу, то въ сердцѣ твоёмъ исчезнетъ себялюбіе съ присущими ему ошибками, а взамѣнъ выростетъ вѣрность, основа всѣхъ человѣческихъ и военныхъ добродѣтелей, и ты будешь чувствовать себя счастливымъ, принадлежа къ сословію, призванному служить престолу и отечеству. Гдѣ живетъ чистая, самоотверженная любовь, тамъ живетъ и вѣрность, такъ какъ любовь такъ же немислима безъ вѣрности, какъ вѣрность невозможна безъ любви.

При строгомъ самоиспытаніи тебѣ выяснится сущность вѣрности; ты ощутишь ее въ возрастающей съ каждымъ днемъ любви къ твоему королю и повелителю, ты почувствуешь ее въ усиленномъ стремленіи побѣждать своихъ вну-

перваго взгляда принимаются за проявленіе вѣрности, оказываются лишь игрой самолюбія и тщеславія!

Нѣтъ, не на открытомъ полѣ общественной жизни, гдѣ на тебя смотрятъ тысячи глазъ, гдѣ въ одну минуту можетъ разнестись о тебѣ худая или добрая молва,—а лишь въ тѣсныхъ границахъ твоего сердца, долга и избраннаго поприща, можетъ быть испытана твоя вѣрность!

Итакъ, не спрашивай, что такое вѣрность, не ищи ея объясненія въ блестящихъ опредѣленіяхъ, въ звучныхъ и многословныхъ фразахъ, которыя часто отзываются ложью, а старайся доказать свою вѣрность лишь на дѣлѣ. Въ этомъ то я и хочу помочь тебѣ.

Истинная вѣрность отличается необыкновенною скромностью; она ищетъ свою силу не во внѣшнемъ блескѣ, не въ удовлетвореніи тщеславія, а лишь въ отсутствіи всякихъ низкихъ побужденій, въ смиренной и самоотверженной любви и потому она зарождается не въ блестящемъ умѣ, гдѣ мысли часто вытекаютъ изъ нечистыхъ эгоистическихъ побужденій, а въ чистомъ, открытомъ и чувствительномъ сердцѣ.

Пока ты выполняешь свои обязанности лишь изъ тщеславія, стремясь къ чинамъ и знатности, къ похваламъ и уваженію начальниковъ, или, что еще хуже, дѣйствуя изъ страха наказанія или боязни быть осмѣяннымъ, ты не достигнешь

есть истинный отецъ всего народа, сердце котораго одинаково бьется, какъ для высшаго изъ дворянъ, такъ и для послѣдняго изъ народа; во истину онъ можетъ служить тебѣ блестящимъ образцомъ, стоящимъ на недосыгаемой высотѣ и воодушевляющимъ тебя своимъ благороднымъ примѣромъ къ постоянному подражанію.

Если ты будешь сравнивать себя съ этимъ образцомъ, если каждый вечеръ ты будешь провѣрять себя, провелъ ли ты день такъ, какъ было бы желательно твоему королю, исполнилъ ли свой долгъ такъ же безусловно и по тѣмъ же побужденіямъ, какъ и онъ самъ, т. е. не ради тщеславія, а ради безкорыстной вѣрности долгу, то въ сердцѣ твоёмъ исчезнетъ себялюбіе съ присущими ему ошибками, а взамѣнъ выростетъ вѣрность, основа всѣхъ человѣческихъ и военныхъ добродѣтелей, и ты будешь чувствовать себя счастливымъ, принадлежа къ сословію, призванному служить престолу и отечеству. Гдѣ живетъ чистая, самоотверженная любовь, тамъ живетъ и вѣрность, такъ какъ любовь такъ же немыслима безъ вѣрности, какъ вѣрность невозможна безъ любви.

При строгомъ самоиспытаніи тебѣ выяснится сущность вѣрности; ты ощутишь ее въ возрастающей съ каждымъ днемъ любви къ твоему королю и повелителю, ты почувствуешь ее въ усиленномъ стремленіи побѣждать своихъ вну-

тренихъ враговъ, какъ-то: тщеславіе, эгоизмъ, честолюбіе и высокомеріе; ты найдешь ее въ серьезномъ исполненіи даже, повидимому, незначительныхъ обязанностей, не на великой аренѣ общественной жизни, а въ тѣсномъ кругу скромной дѣятельности на своемъ высокомъ поприщѣ.

Она возвыситъ тебя надъ всѣми мелочами жизни, дастъ тебѣ спокойное чувство полной удовлетворенности и вдохнетъ въ тебя свѣтлое воодушевленіе при мысли о подвигахъ, для исполненія которыхъ ты не побоишься ни смерти, ни опасности. *Не бьется ли сильно твое сердце отъ радости и гордости при сознаніи того, что ты достоинъ чести посвятить свои силы престолу и отечеству?* Не показали ли тебѣ предки своимъ примѣромъ, что они съ радостью проливали свою кровь въ ожесточенной борьбѣ за славу и честь отечества?

Разумѣется, ты не долженъ отказывать въ своей любви ни одному человѣку, къ какому бы племени онъ ни принадлежалъ, и обязанъ уважать въ каждомъ его человѣческое достоинство, но тотъ народъ, къ которому ты принадлежишь, ты долженъ любить особенно сильно и доказать ему свою любовь на дѣлѣ. На это указываетъ тебѣ сама природа, которая отдѣлила людей другъ отъ друга высотами и пропастями, рѣками и морями, такъ что лишь тѣ люди, которые живутъ вмѣстѣ на ограниченной части земного

монарха, какъ августѣйшаго хранителя чести и славы отечества, сливаясь въ общей мысли: «Все для Императора и государства, ничего для насъ самихъ».

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО.

Боевая готовность.

Введеніе.—Личное образованіе.—Нравственныя качества.

Мой милый сынъ!

Еще часъ тому назадъ глубокой миръ царилъ надъ землею и свѣжая жизнь была ключемъ во всей природѣ. Красивая сочная зелень полевыхъ травъ стремилась вверхъ или сгибалась подъ веселыми прыжками болтливыхъ стрекозъ; окруженные мотыльками и пестрыми бабочками цвѣты горделиво поднимали красивыя головки навстрѣчу свѣтящему солнцу, комары весело играли въ золотыхъ лучахъ грѣющаго свѣтила, въ то время, какъ соловей сладко заливался въ низкорослыхъ кустахъ, а на вѣтвяхъ высокихъ деревьевъ ликовали пестрокрылые пѣвцы, сливаясь въ тысячеголосный хоръ. Какая прекрасная картина полная глубокаго мира! А теперь? О, какъ хорошо, что я вернулся съ прогулки и во-время успѣлъ укрыться подъ крышу своего дома отъ зашумѣвшей на дворѣ бури! Какъ измѣнилась вся кар-

треннихъ враговъ, какъ-то: тщеславіе, эгоизмъ, честолюбіе и высокомеріе; ты найдешь ее въ серьезномъ исполненіи даже, повидимому, незначительныхъ обязанностей, не на великой аренѣ общественной жизни, а въ тѣсномъ кругу скромной дѣятельности на своемъ высокомъ поприщѣ.

Она возвыситъ тебя надъ всѣми мелочами жизни, дастъ тебѣ спокойное чувство полной удовлетворенности и вдохнетъ въ тебя свѣтлое воодушевленіе при мысли о подвигахъ, для исполненія которыхъ ты не побоишься ни смерти, ни опасности. *Не бьется ли сильнѣе твое сердце отъ радости и гордости при сознаніи того, что ты достоинъ чести посвятить свои силы престолу и отечеству?* Не показали ли тебѣ предки своимъ примѣромъ, что они съ радостью проливали свою кровь въ ожесточенной борьбѣ за славу и честь отечества?

Разумѣется, ты не долженъ отказывать въ своей любви ни одному человѣку, къ какому бы племени онъ ни принадлежалъ, и обязанъ уважать въ каждомъ его человѣческое достоинство, но тотъ народъ, къ которому ты принадлежишь, ты долженъ любить особенно сильно и доказать ему свою любовь на дѣлѣ. На это указываетъ тебѣ сама природа, которая отдѣлила людей другъ отъ друга высотами и пропастями, рѣками и морями, такъ что лишь тѣ люди, которые живутъ вмѣстѣ на ограниченной части земного

монарха, какъ августѣйшаго хранителя чести и славы отечества, сливаясь въ общей мысли: «Все для Императора и государства, ничего для насъ самихъ».

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО.

Боевая готовность.

Введеніе.—Личное образованіе.—Нравственные качества.

Мой милый сынъ!

Еще часъ тому назадъ глубокой миръ царилъ надъ землей и свѣжая жизнь била ключемъ во всей природѣ. Красивая сочная зелень полевыхъ травъ стремилась вверхъ или сгибалась подъ веселыми прыжками болтливыхъ стрекозъ; окруженные мотыльками и пестрыми бабочками цвѣты горделиво поднимали красивыя головки навстрѣчу свѣтящему солнцу, комары весело играли въ золотыхъ лучахъ грѣющаго свѣтила, въ то время, какъ соловей сладко заливался въ низкорослыхъ кустахъ, а на вѣтвяхъ высокихъ деревьевъ ликовали пестрокрылые пѣвцы, сливаясь въ тысячеголосный хоръ. Какая прекрасная картина полная глубокаго мира! А теперь? О, какъ хорошо, что я вернулся съ прогулки и во-время успѣлъ укрыться подъ крышу своего дома отъ зашумѣвшей на дворѣ бури! Какъ измѣнилась вся кар-

тина, какое внезапное превращеніе въ природѣ! Куда ни взглянешь, не видно ни одного живого существа. Веселые пѣвцы бѣжали отъ сильнаго вѣтра, шумомъ бури заглушено ихъ пѣніе; ласковое солнце спряталось за густыми дождевыми тучами; раздаются сильные удары грома, молнія поминутно прорѣзаетъ воздухъ огненными змѣйками, и дождь падаетъ на землю, подобно низвергающемуся водопаду, не освѣжая, но истребляя растительность. Грустно смотрю я на нашъ, за минуту передъ тѣмъ роскошный, теперь же совсѣмъ разоренный садъ. При видѣ того, какъ необузданныя стихіи однимъ ударомъ превращаютъ въ дикій хаосъ скромныя произведенія природы и нашего труда, мнѣ, старому солдату, невольно приходитъ на умъ: такъ случается и съ благосостояніемъ цѣлаго народа, если врагъ, подобно бурному порыву вѣтра, перейдетъ границу и, сжигая, расхищая и даже убивая все на своемъ пути, рыщетъ съ мѣста на мѣсто, не встрѣчая сопротивленія или сокрушая его своимъ желѣзнымъ кулакомъ; и изъ рева бури, изъ шума стихій до меня доносится серьезное предостереженіе: «Будьте на сторожѣ!» И тогда мнѣ кажется, что я долженъ остеречь васъ, молодыхъ солдатъ, составляющихъ защиту и оборону государства, словами: не спите, но бодрствуйте во время мира, чтобы врагъ, откуда бы онъ ни пришелъ: извнѣ или (отъ чего Боже упаси) изнутри,

взглядъ, можетъ быть, и покажется тебѣ неразрѣшимой, по крайней мѣрѣ во всемъ своемъ объемѣ, но ты былъ бы трусомъ, если бы испугался воображаемыхъ трудностей.

Воспитаніе и образованіе, развившія твои умственные и душевныя способности, примѣръ твоихъ родителей или воспитателей, все это должно было подготовить тебя къ твоему призванію и зародить въ тебѣ серьезное отношеніе къ твоимъ обязанностямъ. Заботься о томъ, чтобы благородное сѣмя не поросло плевелами, но при заботливомъ уходѣ пускало бы твердые ростки и принесло роскошный плодъ.

Теперь я постараюсь раздѣлить на двѣ группы физическія и нравственные качества, которыя необходимы для полной боевой готовности, а затѣмъ остановлюсь на первыхъ.

Сколько разъ безспорно ты слышалъ отъ младшихъ офицеровъ мнѣніе, которое, быть можетъ, раздѣляешь и самъ, что для нихъ, какъ начальниковъ и наставниковъ, не важно личное образованіе для проведенія дисциплины, что все дѣло лишь въ томъ, чтобы имѣть увѣренность начальника и избѣгать ошибокъ. Какая роковая ошибка!

Какъ при теоретическомъ преподаваніи учитель долженъ въ совершенствѣ владѣть своимъ предметомъ, если хочетъ съ успѣхомъ передать свои знанія ученикамъ, такъ и при практиче-

тина, какое внезапное превращеніе въ природѣ! Куда ни взглянешь, не видно ни одного живого существа. Веселые пѣвцы бѣжали отъ сильнаго вѣтра, шумомъ бури заглушено ихъ пѣніе; ласковое солнце спряталось за густыми дождевыми тучами; раздаются сильные удары грома, молнія поминутно прорѣзаетъ воздухъ огненными змѣйками, и дождь падаетъ на землю, подобно низвергающемуся водопаду, не освѣжая, но истребляя растительность. Грустно смотрю я на нашъ, за минуту передъ тѣмъ роскошный, тебѣрь же совсѣмъ разоренный садъ. При видѣ того, какъ необузданныя стихіи однимъ ударомъ превращаютъ въ дикій хаосъ скромныя произведенія природы и нашего труда, мнѣ, старому солдату, невольно приходитъ на умъ: такъ случается и съ благосостояніемъ цѣлаго народа, если врагъ, подобно бурному порыву вѣтра, перейдетъ границу и, сжигая, расхищая и даже убивая все на своемъ пути, рыщетъ съ мѣста на мѣсто, не встрѣчая сопротивленія или сокрушая его своимъ желѣзнымъ кулакомъ; и изъ рева бури, изъ шума стихій до меня доносится серьезное предостереженіе: «Будьте на сторожѣ!» И тогда мнѣ кажется, что я долженъ остеречь васъ, молодыхъ солдатъ, составляющихъ защиту и оборону государства, словами: не спите, но бодрствуйте во время мира, чтобы врагъ, откуда бы онъ ни пришелъ: извнѣ или (отъ чего Боже упаси) изнутри,

взглядъ, можетъ быть, и покажется тебѣ неразрѣшимой, по крайней мѣрѣ во всемъ своемъ объемѣ, но ты былъ бы трусомъ, если бы испугался воображаемыхъ трудностей.

Воспитаніе и образованіе, развившія твои умственные и душевныя способности, примѣръ твоихъ родителей или воспитателей, все это должно было подготовить тебя къ твоему призванію и зародить въ тебѣ серьезное отношеніе къ твоимъ обязанностямъ. Заботься о томъ, чтобы благородное сѣмя не поросло плевелами, но при заботливомъ уходѣ пускало бы твердые ростки и принесло роскошный плодъ.

Теперь я постараюсь раздѣлить на двѣ группы физическія и нравственные качества, которыя необходимы для полной боевой готовности, а затѣмъ остановлюсь на первыхъ.

Сколько разъ безспорно ты слышалъ отъ младшихъ офицеровъ мнѣніе, которое, быть можетъ, раздѣляешь и самъ, что для нихъ, какъ начальниковъ и наставниковъ, не важно личное образованіе для проведенія дисциплины, что все дѣло лишь въ томъ, чтобы имѣть увѣренность начальника и избѣгать ошибокъ. Какая роковая ошибка!

Какъ при теоретическомъ преподаваніи учитель долженъ въ совершенствѣ владѣть своимъ предметомъ, если хочетъ съ успѣхомъ передать свои знанія ученикамъ, такъ и при практиче-

скомъ обученіи, наставникъ долженъ обладать нужнымъ техническимъ образованіемъ для того, чтобы дѣйствовать съ пользою. Не даромъ всѣ военныя правила единогласно требуютъ отъ офицера личныхъ знаній, ибо всегда примѣръ дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ всякая, даже хорошо составленная рѣчь. Напримѣръ, въ стрѣльбѣ ты долженъ достигнуть наибольшей ловкости, чтобы доказать дурнымъ стрѣлкамъ, стрѣляя изъ ихъ ружей, что недостатки ихъ стрѣльбы заключаются не въ качествѣ оружія, а въ отсутствіи необходимаго хладнокровія, влекущемъ за собою всевозможныя ошибки. Ты долженъ самъ быть хорошимъ гимнастомъ и фехтовальщикомъ, такъ какъ опытъ показываетъ, что именно въ этихъ отрасляхъ службы примѣръ офицера творить чудеса и побуждаетъ солдатъ къ подражанію; ты долженъ быть искусенъ въ плаваніи, чтобы своимъ умѣньемъ и выносливостью поощрять учениковъ къ совершенствованію; ты долженъ безупречно знать военныя упражненія, чтобы быть въ состояніи показать своимъ подчиненнымъ ружейныя приемы и маршировку; при обученіи службѣ ты долженъ усвоить себѣ унтеръ-офицерскія обязанности, чтобы никогда не обнаруживать передъ своими питомцами своихъ слабыхъ сторонъ. Ты не долженъ забывать, что тебѣ предстоитъ задача: въ положенный тебѣ служебный годъ сдѣлать своихъ солдатъ какъ

можно болѣе готовыми къ бою, и что ты долженъ достигнуть этой цѣли не въ какой-нибудь неопредѣленный срокъ, но въ самое короткое время, хотя и безъ излишней поспѣшности, обыкновенно приносящей плохіе результаты.

Если ты продолжаешь вѣрить, что собственное твое образованіе не имѣетъ значенія, то показываешь этимъ, какъ еще мало у тебя опытности, какъ односторонне или даже незрѣло твое мнѣніе, или что еще хуже, какъ ты крѣпко держишься подобныхъ воззрѣній изъ собственного спокойствія и думаешь только о себѣ, вмѣсто того чтобы думать о своемъ долгѣ и о тѣхъ обязанностяхъ, которыя онъ на тебя налагаетъ.

Но съ одной технической готовностью еще нельзя далеко уйти; она лишь мертвая форма, оживляемая духомъ, который ты вдохнешь въ нее, а потому ты долженъ вникать глубже въ самую сущность дѣла.

Заботливое распредѣленіе учебнаго матеріала и учебнаго времени составляетъ первую необходимость, такъ какъ при большомъ количествѣ этого матеріала, ты не можешь отдаться времени, какъ челнокъ, лишенный кормчаго и плывущій по теченію, но долженъ пользоваться учебнымъ временемъ лишь на основаніи зрѣлаго размысленія. Ты долженъ быть не рабомъ, а господиномъ своего времени, ибо лишь тогда твое преподаваніе, какого бы оно рода ни было, принесетъ поль-

зу и дать возможность усвоить учебный материал; лишь тогда ты со своими подчиненными можешь сдѣлаться готовымъ къ войнѣ.

Я перехожу теперь ко второй части своего разсужденія и постараюсь освѣтить нравственныя качества, составляющія основу боевой готовности.

Если старые, опытные въ военномъ дѣлѣ и испытанные офицеры пишутъ о приключеніяхъ и событіяхъ своей военной жизни, или же разсказываютъ отдѣльные случаи серьезнаго или шутиливаго характера, то въ тебѣ возбуждается живѣйшее желаніе самому пережить что-либо подобное, и это чувство тѣмъ сильнѣе, чѣмъ нагляднѣе разсказчикъ изображаетъ пережитыя событія, потрясая твою душу внутренней силой убѣжденія и теплотой чувства, такъ что твое воображеніе заставляетъ тебя въ эту минуту видѣть лишь свѣтлыя и увлекательныя картины военной жизни. Пока ты находишься подъ впечатлѣніемъ прочитаннаго или слышаннаго, ты видишь (и у кого хватитъ духу осудить тебя за это?) свой идеаль лишь въ походѣ, и не думая объ ужасахъ войны, но лишь выражая свое страстное желаніе, восклицаешь: «Ахъ этотъ безконечный, не-сносный миръ! Поскорѣ бы наступила живая, веселая война!» Такое свѣтлое, пламенное воодушевленіе весьма цѣнно въ молодомъ офицерѣ, и я ни за что на свѣтѣ не желалъ бы видѣть его

потухшимъ. И если я напоминаю о томъ, что каждый походъ есть цѣпь составленная изъ звеньевъ, называемыхъ трудомъ и работой, напряженіемъ и тягостями, лишеніями и страданіями, то этимъ отнюдь не хочу лишить тебя мужества, а наоборотъ, желаю укрѣпить его въ твоемъ сердцѣ. Если ты хочешь совершить что-либо достойное, то не долженъ бояться борьбы и здѣсь, болѣе чѣмъ когда-либо въ жизни, примѣнимо мудрое изрѣченіе: «чѣмъ труднѣе борьба, тѣмъ прекраснѣе побѣда».

Вы, молодые люди, съ понятіемъ о походѣ связываете обыкновенно мысль о постоянныхъ битвахъ и схваткахъ, но не думаете о невѣроятныхъ напряженіяхъ, которыя приходится испытывать на передовыхъ постахъ, на ночномъ караулѣ, при усиленныхъ переходахъ или напримѣръ, при продолжительной сырой погодѣ, какъ то было подъ Метцомъ. Вы не думаете о постоянныхъ лишеніяхъ, которыя слишкомъ часто подрываютъ здоровье; вы не думаете о связанныхъ почти съ каждой войной эпидеміяхъ, наполняющихъ лазереты. Но разочти, сколько битвъ даетъ одна и та же часть войскъ, и что значить ихъ число въ сравненіи съ продолжительностью всего похода! Даже и въ томъ случаѣ, если побѣды послѣдуютъ за побѣдами, и отечественныя газеты заговорятъ о какомъ то триумфальномъ шествіи по непріятельской странѣ, война все-таки не лишит-

ся своихъ ужасовъ, требуя отъ арміи почти немислимаго напряженія.

Я ставлю это на видъ не для того, чтобы потушить святой огонь твоего воодушевленія, но для того, чтобы обратить твое вниманіе на нравственныя качества, безъ которыхъ немислима готовность къ войнѣ. Пламенное воодушевленіе, которымъ ты проникнуть, не должно походить на тотъ блуждающій огонекъ, который, перескакивая съ болота на болото, ведетъ къ вѣрной гибели путника, идущаго за нимъ слѣдомъ, нѣтъ, оно должно быть огнемъ, твердо стоющимъ на мѣстѣ и направляемымъ однимъ властнымъ словомъ: «я хочу».

Если ты убѣдишься, что только здоровое и крѣпкое тѣло способно къ тягостямъ похода, то тебѣ будетъ не трудно отказаться отъ всякаго разгула и излишества, вредящихъ твоему здоровью или медленно ведущихъ къ безсилію. Чувственное наслажденіе и пьянство—ядъ для твоего тѣла; роскошь и комфортъ ослабляютъ его; недовольство, огорченія и заботы также подрываютъ твое здоровье; нервная раздражительность, горячность, гнѣвъ и т. д. разрастаются съ теченіемъ времени, и если ты ихъ не подавишь въ зародышѣ, они доведутъ тебя до могилы скорѣе, чѣмъ ты думаешь.

Но для избѣжанія внутреннихъ и вѣшнихъ искушеній, для умерщвленія разрушительныхъ

страстей, нужна, какъ ты самъ знаешь, сильная воля, опирающаяся на вѣрность долгу и истинную честь. Поэтому ты одновременно служишь и цѣли подготовленія къ войнѣ, если развиваешь въ себѣ нравственную силу, чтобы противостоять всякому искушенію и сохранить драгоценное благо—железное здоровье. Быть можетъ тебѣ покажется, что съ такимъ требованіемъ связывается полнѣйшее отреченіе отъ всякаго удовольствія, и ты, пожалуй, возразишь на это: «лучше уже итти тогда въ монастырь!» Но съ монастырскимъ заключеніемъ не имѣетъ ничего общаго разумная забота о здоровьи, не исключаяющая веселыхъ остротъ, шутокъ и радостнаго настроенія духа, не отвергающая дозволенныхъ общественныхъ удовольствій и разумнаго спорта со всеми его радостями; напротивъ того, все это даже содѣйствуетъ поддержанію душевной и тѣлесной бодрости, которая должна передаваться отъ тебя, какъ отъ наставника къ твоимъ ученикамъ, если ты хочешь увлечь ихъ за собою силою собственнаго воодушевленія. Сохранять свое здоровье значить лишь удаляться отъ порочныхъ членовъ общества, избѣгать распутства и излишества, никогда не пореходя мѣру благоразумія; положить узду на свои страсти и не терять самообладанія; словомъ, устранить всякое вредное вліяніе на свой организмъ и упражняться во всемъ, что закаляетъ тѣло и дѣлаетъ его способнымъ къ со-

противленію. Дальнѣйшіе случаи къ развитію силы воли ты найдешь при особенныхъ напряженіяхъ и тягостяхъ, какія представляетъ служба во время маневровъ, такъ какъ, несмотря на все утомленіе, ты прежде всего долженъ позаботиться о своихъ подчиненныхъ: ты долженъ думать объ отдыхѣ не прежде, чѣмъ твои люди будутъ распределены по мѣстамъ, утолять свой голодъ или жажду; не раньше, чѣмъ распорядишься о томъ, чтобы они были напоены и накормлены.

Но какъ бы то ни было, наибольшія напряженія на службѣ въ мирное время не могутъ сравниться съ тѣми лишеніями, которыя ежедневно встрѣчаются въ походѣ. Чтобы вынести эти страшныя тягости и, несмотря на сильное напряженіе, сохранить бодрость тѣла и духа, чтобы остаться способнымъ направлять, вести и руководить, нужно имѣть цѣльную, неизломанную натуру; и если въ битвѣ тебѣ выпадетъ тяжелая задача провести нѣсколько часовъ подъ непрерывнымъ непріятельскимъ огнемъ и въ то же время ободрять подчиненныхъ собственнымъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ, пренебрегая опасностью и не обращая вниманія на смертельный градъ пуль, ты убѣдишься тогда, что для этого нужны желѣзное тѣло и желѣзная воля, приобретаемая лишь строгимъ самовоспитаніемъ и побѣдой надъ самимъ собой. Воспитывать эту волю есть задача

мира, такъ какъ во время войны она уже должнабыть воспитана и примѣняться на дѣлѣ.

При подготовленіи къ войнѣ, ни время, ни мѣсто не имѣютъ для тебя значенія. Ты на священномъ знамени далъ клятву, что будешь служить своему государю на водѣ и на землѣ, во всякое время и во всякомъ мѣстѣ; поэтому долгъ требуетъ отъ тебя, чтобы ты воспиталъ себя и своихъ подчиненныхъ такъ, чтобы вы были во всякую минуту готовы послѣдовать зову Его Величества, чтобы вы могли явиться здоровые и крѣпкіе, съ развитой силой воли и съ техническимъ образованіемъ, насколько возможно болѣе законченнымъ. Поэтому обращаюсь къ тебѣ со словами: *«Будь бдителенъ и работай надъ самимъ собой непрерывно»!*

ЧЕТВЕРТОЕ ПИСЬМО.

Мужество и храбрость.

Введеніе.—Мужество.—Мужество и храбрость и ихъ сравненіе.—Примѣры.—Храбрость, безразсудная смѣлость и отвага.—Заключеніе.

Мой милый сынъ!

Моя обычная прогулка завела меня сегодня къ гимназіи, гдѣ ученики младшихъ классовъ собрались для веселой, живой игры: раздѣлив-

шись на двѣ партіи, одни старались удержать за собой опредѣленное имъ игрой мѣсто, другіе же настойчиво, съ упорной энергіей нѣсколько разъ пытались стяжать себѣ побѣду. Долго смотрѣлъ я на эту игру и во мнѣ снова вспыхнуло чувство стараго солдата, который не можетъ забыть славныхъ подвиговъ нѣмецкаго войска, занесенныхъ золотыми буквами въ книгу исторіи, и который раздѣляетъ съ арміей всѣ ея радости и печали. Я думалъ о томъ, сколько людей отказалось отъ стремленія ко всему благородному и прекрасному, отъ борьбы за истинныя блага жизни, отъ любви къ королю и государству, погубивъ эти чувства нездоровымъ реализмомъ и материализмомъ, сколько юношей отравилось ядовитымъ дыханіемъ духа времени, незримо работающаго надъ дѣломъ разрушенія и истребленія. Тогда я спросилъ себя: «живетъ ли еще въ арміи такое же дѣятельное мужество, такая же смѣлость и рѣшительность, какія проявляются здѣсь въ игрѣ, и какія такъ величаво обнаружилась въ 1870—71 году? Выкажетъ ли нѣмецкое юношество тѣ чувства, какими одушевлено въ эту минуту въ игрѣ, на кровавой аренѣ войны въ честь и славу отечества? Пойдетъ ли весь нѣмецкій народъ въ трудный, тяжелый часъ добровольно и охотно на зовъ своего высшаго военачальника, почерпая силу въ національномъ единствѣ, не обращая вниманія на смерть и

опасность? Будетъ ли онъ стоять твердымъ оплотомъ у престола и отечества?»

Уповаю на это, пока въ нашемъ юношествѣ живетъ та здоровая бодрость, какую оно проявляетъ въ подобныхъ играхъ. Слѣдовательно, и въ отцахъ и матеряхъ этихъ юношей живетъ еще истинно нѣмецкое чувство, нѣмецкій образъ мыслей и нѣмецкая любовь и вѣрность, и въ ихъ сердцахъ звучитъ отголосокъ того, о чемъ такъ прекрасно говоритъ Уландъ въ слѣдующихъ стихахъ: «Воодушевляться подвигами предковъ, возвращать посѣянные ими сѣмена въ доброй старой почвѣ, работать на счастье родины, болѣть ея позоромъ и радоваться ея славѣ, отказаться отъ своего «я», забыть свои личныя радости и печали!»

Если въ сердцѣ нашего юношества еще таится подобное чувство самоотреченія, то долгъ всякаго отца, учителя или воспитателя,—а слѣдовательно и твой собственный,—лелѣять и развивать этотъ благородный задатокъ, чтобы онъ послужилъ на общую пользу.

Разсмотримъ теперь, что подразумѣвается подъ словами мужество и храбрость, и какимъ образомъ ты можешь усвоить себѣ эти прекрасныя качества.

Мужество рождается изъ скромности—разумѣется не то мужество, которое выражается въ кичливомъ хвастовствѣ своею силой и возни-

каеть изъ дерзкаго самоуваженія, — но то, которое ты почерпаешь въ силѣ высшаго порядка: въ вѣрности долгу, истинной чести и чистой совѣсти; такое мужество придаетъ тебѣ бодрость и смѣлую предприимчивость, столь необходимую для выполненія твоей задачи. Ты видишь, что я дѣлаю существенное различіе между этими двумя родами мужества, ибо хотя мужество, каковъ бы ни былъ его источникъ — скромность или высокомеріе, — и не допускаетъ нерѣшительности, которая тормозитъ всякую предприимчивость и пугается всякой опасности, тѣмъ не менѣе оно дѣйствительно прочно лишь тогда, когда бываетъ чуждо всякихъ своекорыстныхъ побужденій. Поэтому ты всегда долженъ тщательно изслѣдовать, изъ какого источника происходитъ твое мужество.

Итакъ, если родители прививаютъ скромность въ сердцахъ своихъ дѣтей, если учителя и наставники исполняютъ свой священный долгъ въ отношеніи народа и заботливымъ уходомъ способствуютъ развитію этого нѣжнаго растенія, то тебѣ остается позаботиться лишь о томъ, чтобы молодой ростокъ пустилъ крѣпкіе корни и развился въ здоровое, могучее дерево, которое могло бы устоять противъ всякой бури и вѣтра.

Но желая возрастить подобный родъ мужества въ своихъ питомцахъ, ты долженъ, какъ того требуютъ военные уставы, прежде всего

самъ обладать этими высокими добродѣтелями и выяснять себѣ ихъ сущность.

Какъ часто мнѣ приходилось слышать, что мужество есть качество, которое можетъ обнаружиться лишь въ мирное время, храбрость же необходима лишь для войны; или же иногда то и другое подводится подъ одно понятіе. Но насколько неправильно думать, что мужество имѣетъ значеніе исключительно въ мирное время, а храбрость лишь въ военное, настолько неправильно сливать ихъ въ одно понятіе. Конечно, мужество и храбрость одинаковы въ томъ отношеніи, что оба исключаютъ мысль о страхѣ; подъ вліяніемъ ихъ человѣкъ не только не отступаетъ назадъ, не смотря ни на какія препятствія, но съ удвоенной энергіей идетъ къ намѣченной цѣли. Тѣмъ не менѣе, въ то время, какъ одно изъ этихъ качествъ проистекаетъ изъ физической организаціи, другое покоится на сознаніи и волѣ. Различіе между обоими выступаетъ еще яснѣе, если ты обратишь вниманіе на противоположныя имъ свойства: въ отношеніи мужества такимъ свойствомъ будетъ малодушіе и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ трусость, а въ отношеніи храбрости—одна лишь трусость. Малодушіе происходитъ отъ недостатка довѣрія къ своей собственной физической силѣ или ловкости, такъ же какъ равнозначущая съ нимъ трусость рождается единственно изъ боязни физическихъ страданій или

подобнаго несчастія. Поэтому оно никогда не основывается на заранее обдуманном образѣ дѣйствій, а зависитъ отъ даннаго настроенія; трусость же, какъ противоположность храбрости, основана на недостаткѣ нравственной силы и всегда является послѣдствіемъ сознательнаго страха. Поэтому можно допустить, что тотъ самый человѣкъ, который, при мысли о предстоящей боли или въ предчувствіи будущихъ страданій пугается какой-нибудь, хотя бы даже незначительной операціи, — ни на мигъ не задумается подвергнуться настоящей опасности, если его къ тому повлечетъ минутное, возникшее помимо его воли настроеніе; но нельзя допустить, чтобы храбрый человѣкъ сталъ когда-нибудь трусомъ, чтобы онъ сегодня безстрашно стоялъ подъ градомъ пуль, а завтра боязливо искалъ защиты отъ воображаемой опасности.

Попытаюсь теперь раздѣлить понятія о мужествѣ и храбрости, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объ ихъ противоположностяхъ, и затѣмъ пояснить примѣромъ, какимъ образомъ мужество, равно какъ и малодушіе вмѣстѣ съ родственной ему трусостью, всегда находятся въ связи съ физической организаціей.

Такъ напримѣръ, товарищи подстрекаютъ какого-нибудь человѣка переплыть широкое, находящееся передъ нимъ озеро. Въ надеждѣ на свою тѣлесную силу и ловкость, безъ размышленія,

слѣдуя мгновенному порыву, онъ берется выполнить это рискованное предложеніе. Онъ не спрашиваетъ себя, счастливо ли онъ достигнетъ цѣли, онъ не думаетъ о возможномъ несчастіи въ пути, о томъ, что онъ можетъ пойти ко дну отъ внезапнаго припадка судороги; нѣтъ, онъ не робѣя, мужественно бросается въ воду, и его мужество, быть можетъ, увѣнчивается трудною, но вѣрною побѣдой; малодушный же боязливо измѣряетъ глазомъ разстояніе между обоими берегами, неоднократно испытываетъ свою физическую силу, предчувствуетъ всякаго рода опасности, которыя могутъ застигнуть его въ пути, и потомъ заявляетъ: «я не могу!»

Или представь себѣ, что идущій вдоль рѣки путникъ видитъ въ волнахъ человѣка, борящагося со смертію; если онъ обладаетъ смѣлой рѣшительностью, высшимъ украшеніемъ человѣка, то бросается въ волны, не думая объ исходѣ и ободряя погибающаго надеждой на спасеніе. Но если ему недостаетъ увѣренности въ своей ловкости, то страхъ передъ вѣроятной опасностью парализуетъ его силы, и хотя бы добрая воля и побуждала его на подвигъ, ноги его прикованы къ берегу и онъ малодушно отказывается въ помощи несчастному: воля погибаетъ отъ немощи тѣла.

Но подобные поступки не есть выраженіе заранее обдуманнаго намѣренія, а лишь слѣдствіе

минутнаго настроенія, не выраженіе сильной или слабой воли, но лишь проявленіе довѣрія или недовѣрія къ своей собственной силѣ. Такъ или иначе, но во всякомъ случаѣ здѣсь имѣеть значеніе не побужденіе: «я хочу» или «не хочу», но скорѣе подсказываемыя даннымъ физическимъ состояніемъ ощущенія: «я могу» или «не могу». Для тебя, какъ офицера, не существуетъ слова: «не могу», а одно лишь желѣзное «я хочу».

Кто, какъ ты, привыкъ предъявлять къ своимъ подчиненнымъ высшія требованія, кто, подобно тебѣ, призванъ судить объ ихъ ошибкахъ и слабостяхъ,— тотъ долженъ предъявлять къ себѣ самому еще болѣе высокія требованія и остерегаться заблужденій, за которыя онъ, быть можетъ, только что порицалъ ихъ. Такимъ образомъ мужество вдвойнѣ должно быть твоимъ долгомъ. Какъ можешь ты служить примѣромъ, если вмѣсто того, чтобы проявлять свѣтлое мужество и твердую рѣшимость, ты выказываешь дряблѣе малодушіе? какъ можешь ты осуждать присутствіе соломенки въ глазахъ твоихъ подчиненныхъ, когда еще не извлекъ бревна изъ своего собственнаго глаза? Какъ станешь ты терпѣливо переносить всѣ тягости, лишенія, бессоницу, голодъ и жажду, и оставаться твердымъ при всякаго рода случайностяхъ въ походѣ, если тебя не подкрѣпляетъ истинное мужество? Но если мужество и противоположныя ему ка-

чества—малодушіе и трусость—основываются на тѣлесной организаціи, то ты вправѣ предположить, что мужество, какъ довѣріе къ своей собственной силѣ, растетъ въ той же степени, въ какой здоровѣетъ и укрѣпляется тѣло; и обратно—малодушіе и вытекающая изъ него трусость возрастаютъ по мѣрѣ того, какъ тѣло ослабѣваетъ и здоровье смѣняется болѣзненностью. Короче сказать, мужество усиливается въ крѣпкомъ, здоровомъ тѣлѣ и ослабляется въ дрябломъ организмѣ. Поэтому твой прямой долгъ не только избѣгать всего, что вредитъ твоему здоровью, т. е. роскоши, нѣги и другихъ излишествъ, расслабляющихъ твою волю, но и дѣлать все возможное для укрѣпленія силъ, закаляя себя строгимъ режимомъ и ежедневными упражненіями всей мускулатуры.

Чѣмъ больше твое здоровье будетъ въ состояніи противустоять вредному вліянію неблагоприятной погоды, благодаря соблюденію гигиены, тѣмъ довѣрчивѣе ты будешь относиться къ своимъ силамъ; чѣмъ больше будешь развивать свои мускулы постоянными упражненіями въ фехтованіи, гимнастикѣ и служебныхъ занятіяхъ, пріучаясь переносить всякія лишенія, тѣмъ болѣе окрѣпнетъ твоя воля. Здоровая душа можетъ жить только въ здоровомъ тѣлѣ, слѣдовательно несомнѣнно, что вмѣстѣ съ смѣлой рѣшимостью и мужествомъ, вытекающимъ изъ свойствъ орга-

низаціи, въ связи съ физической силой и выносливостью, ты приобретаешь нравственную силу и храбрость, т. е. сознательное мужество.

Отсюда легко можно заключить въ какой тѣсной внутренней связи съ боевой готовностью находятся обсуждаемыя здѣсь обязанности, такъ что нарушеніе послѣднихъ влечетъ за собою нарушеніе боевой готовности, а отсюда и долга вѣрности. Поэтому старайся вырвать съ корнемъ свое малодушіе, соблюдая по отношенію къ самому себѣ строгую дисциплину, безъ чего ты никогда не достигнешь вѣрнаго исполненія своихъ обязанностей.

Скажу еще нѣсколько словъ о храбрости, лишь слегка касаясь противоположнаго ей качества—трусости, такъ какъ предполагаю, что ты, какъ и всякій офицеръ, знаешь ее только по имени; я не могу себѣ представить, чтобы во всей великой нѣмецкой арміи нашелся хоть одинъ офицеръ, который былъ бы настолько безстыденъ, что, забывъ истинную честь и вѣрность долгу, отдался бы во власть сознательной и произвольной трусости. Я даже полагаю, что храбрость такъ сильно развита въ офицерскомъ сословіи, что мнѣ остается лишь обратить вниманіе на ненормальное ея проявленіе, какова дерзкая безразсудная смѣлость, которая, какъ бы она высоко не превозносилась поэтами и свѣтскими людьми, какъ высшая степень храбрости, есть ничто иное

какъ нездоровая крайность. Я не хочу этимъ сказать, что она позорна для офицера, и считаю даже долгомъ прибавить, что она иногда сопровождается рѣшительнымъ успѣхомъ. Тѣмъ не менѣе я желалъ бы предостеречь тебя отъ этой крайности, такъ какъ если она и имѣла часто послѣдствіемъ необыкновенный успѣхъ, то еще чаще сопровождалась тяжелыми неудачами. Дерзкая отвага не соображаетъ размѣровъ предстоящей опасности и бросается съ слѣпой яростью на врага; храбрость же, напротивъ того, обдумываетъ, взвѣшиваетъ и вѣрно опредѣляетъ опасность, но въ сознаніи суроваго долга смѣло и мужественно идетъ ей навстрѣчу.

Хотя безразсудно смѣлый человѣкъ и совершаетъ иногда великіе подвиги, попадая на нравственно слабѣйшаго или болѣе или менѣе обезсиленнаго противника, но въ концѣ концовъ все же терпитъ неудачу, если врагъ противъ ожиданія оказываетъ отчаянное сопротивленіе. Въ такіе критическіе моменты, требующіе быстрого, рѣшительнаго дѣйствія, безразсудному смѣльчаку недостаетъ спокойной разсудительности, т. е. необходимаго присутствія духа, свойственнаго истинно храброму человѣку; лишь обладая ею, ты можешь идти навстрѣчу внезапно представившейся опасности.

Нѣтъ, хотя бы безразсудная смѣлость и отвага казались тебѣ качествами, укрѣпляющими чело-

вѣка, ты не долженъ преклоняться передъ ними, такъ какъ на тебѣ всецѣло лежитъ отвѣтственность за твоихъ подчиненныхъ; а кто же пожелаетъ взять на себя отвѣтственность въ пролитіи человѣческой крови, въ пожертвованіи людьми, безъ пользы и нужды для отечества, ради собственнаго тщеславія и славолюбія?

Истинная храбрость нераздѣльна съ присутвіемъ духа, съ полнымъ сознаниемъ точныхъ размѣровъ опасности, свободна отъ всякаго нездороваго преувеличенія и потому представляется единственно достойною стремленія цѣлью; въ ней одной заключается могучая сила, необходимая для грознаго врага. Далекая отъ всякой односторонности, она часто ставитъ тебя лицомъ къ лицу съ сомнительнымъ успѣхомъ, требуетъ стойкости и выдержки въ опасности, отсутствія страха передъ самой смертью. Храбрый съ радостью отдаетъ свою жизнь за побѣду; его лозунгъ: «Побѣдить или умереть со славою», его девизъ: «Съ Богомъ за короля и отечество» или, какъ говоритъ его королевское высочество принцъ Фридрихъ Карлъ: «Пусть каждый ударъ вашего сердца будетъ предназначенъ Богу, а каждый ударъ кулака—врагу».

Если военные уставы требуютъ мужества и храбрости даже отъ простаго солдата, то для тебя они тѣмъ болѣе являются священнымъ долгомъ. Ты не долженъ забывать, что твои подчи-

ненные нуждаются въ твоёмъ примѣрѣ, чтобы изъ твоего геройскаго воодушевленія почерпнуть утѣшеніе и надежду, изъ твоей хладнокровной разсудительности—спокойствіе и силу твердо стоять на своемъ посту, хотя бы и въ виду неминуемой смерти, и вмѣстѣ съ тобой побѣдить или пасть съ честью.

Какъ же достигнешь ты такой храбрости? Она зарождается въ нравственной силѣ; чѣмъ эта сила выше развита, тѣмъ пышнѣе будетъ благородный плодъ ея. Лишь серьезная, непрерывная работа надъ самимъ собой, основанная на ежедневномъ строгомъ самоиспытаніи, и твердая несокрушимая вѣра въ Бога могутъ развить въ тебѣ это доблестное чувство. Помни о Богѣ, слѣдуй заповѣди истинной чести, воспитывай себя въ постоянной вѣрности долгу и самоотверженной любви къ своему прекрасному отечеству—и тогда храбрость сама собою явится въ твоёмъ сердцѣ.

ПЯТОЕ ПИСЬМО.

Повиновеніе.

Введеніе.—Что такое повиновеніе.—Необходимость повиновенія.—Право приказанія.—Заключеніе.

Мой милый сынъ!

Сегодня день твоего рожденія, и моя мысль съ особенною любовью останавливается на тебѣ

и на твоёмъ жизненномъ поприщѣ, начиная съ младенчества и кончая той минутой, когда ты предсталъ передо мной какъ твердый въ правилахъ чести офицеръ. Сколько серьезныхъ и веселыхъ воспоминаній изъ твоего дѣтства возстало въ моемъ умѣ! Особенно живо приходитъ мнѣ на память та сцена, когда ты заявилъ своей матери: «Я не могу слушаться, я рожденъ приказывать; я хочу быть офицеромъ, чтобы мнѣ можно было только приказывать, а не слушаться».

Но это время давно миновало; ты давно узналъ что повелѣвать гораздо труднѣе, чѣмъ повиноваться, и что вмѣстѣ съ тѣмъ повиновеніе есть одна изъ важнѣйшихъ обязанностей офицера, такъ какъ, будучи поставленъ въ необходимость во всѣхъ отношеніяхъ служить образомъ для своихъ подчиненныхъ, онъ не смѣетъ сказать: «слѣдуйте моимъ словамъ, но не поступкамъ». *Примѣру офицера слѣдуетъ солдатъ*, и поэтому, чѣмъ выше стоитъ офицеръ въ смыслѣ повиновенія, тѣмъ благотворнѣе его вліяніе на солдата. Сохранился ли еще въ тебѣ слѣдъ дѣтскаго каприза, или же ты освободился отъ этого недостатка, благодаря постоянному самовоспитанію, — я не требую отвѣта на этотъ вопросъ, но не хотѣлъ бы пропустить случая поговорить еще разъ о необходимости повиновенія.

Прежде всего я прихожу къ вопросу: что такое повиновеніе? и отвѣчу на него такъ: «по-

виновеніе есть подчиненіе своей воли волѣ другого, слѣдовательно оно состоитъ въ подавленіи собственной воли, въ отреченіи отъ нея».

Затѣмъ я ставлю вопросъ: «Есть ли повиновеніе необходимость и какъ научиться ему?» На это я отвѣчу; «Несомнѣнно, повиновеніе есть необходимость для воина; научиться же ему можно лишь съ помощью усердной работы надъ самимъ собой, при чемъ эта работа облегчается сознаниемъ ея необходимости».

Разсмотримъ подробнѣе первый вопросъ и отвѣтъ на него.

Повиновеніе, какъ было сказано выше, есть отреченіе отъ собственной воли; но что такое собственная воля и каково ея происхожденіе? Собственная воля (т. е. личное стремленіе) есть состояніе сознанія, рождающееся вслѣдствіе сознательнаго или безсознательнаго недовольства и требующее устраненія этого неприятнаго чувства. Такое опредѣленіе на первый взглядъ покажется тебѣ удивительнымъ или пожалуй даже бессмысленнымъ, но въ сущности оно вполне справедливо.

Для чего ты открываешь въ комнатѣ окно, когда страдаешь отъ жары или спертaго воздуха, какъ не для того, чтобы избавиться отъ тягостной духоты? для чего пьешь пиво, вино, кофе или какой-нибудь другой напитокъ, какъ не для того, чтобы избавиться отъ мучительнаго чувства жажды? зачѣмъ ищешь общества или углуб-

ляешься въ чтеніе и рабту, какъ не за тѣмъ, чтобы запереть дверь непріятной гостьѣ—суккѣ? Словомъ, будешь ли ты дѣйствовать или бездѣйствовать сообразно своей волѣ, но при внимательномъ изслѣдованіи ты всегда найдешь, что твои поступки вытекаютъ изъ стремленія положить конецъ непріятному чувству неудовлетворенной потребности избавиться отъ минутнаго недовольства,—однимъ словомъ, изъ стремленія освободиться отъ своихъ желаній. Чѣмъ меньше въ тебѣ желаній, тѣмъ больше ты будешь въ состояніи отречься отъ собственной воли, и это первое, чему ты долженъ научиться. Ты, быть можетъ, возразишь на это: «Я этого не понимаю; ты самъ всегда говорилъ мнѣ, что офицеръ долженъ имѣть твердую волю и желѣзную энергію, чтобы всецѣло посвятить себя службѣ, умѣть преодолевать ея непріятности и переносить всѣ тягости войны. Теперь же ты учишь меня, что офицеръ не долженъ имѣть своей воли,—слѣдовательно, долженъ быть слабымъ». Но предлагая подобный вопросъ, ты не замѣчаешь того, что твое возраженіе уничтожается само собою благодаря заключающемуся въ немъ внутреннему противорѣчію.

Ты, быть можетъ, думаешь, что энергія состоитъ въ проявленіи воли? Нѣтъ, именно отреченіе отъ собственной воли и требуетъ высшей нравственной силы, такъ какъ побѣду одержи-

ваетъ надъ собой не тотъ, кто слѣдуетъ побужденіямъ своей воли, а тотъ, кто подавляетъ ее, чтобы слѣдовать внушенію долга или приказанію начальника, или хотя бы даже желанію третьяго лица. Если, напримѣръ, ты работаешь по своему личному побужденію, то доказываешь этимъ лишь свою склонность или способность къ данной работѣ, но не энергію и силу воли. Если же ты садишься за работу потому, что повинешься желѣзному закону долга и необходимости, хотя твое собственное желаніе и влечетъ тебя къ какому-нибудь развлеченію или къ занятію другого рода, то въ этомъ случаѣ ты, превозмогая свое влеченіе, даешь съ своей стороны прекрасное доказательство твердой энергіи, которая проявляется еще ярче въ томъ случаѣ, если ты при правильномъ сознаніи собственной пользы умѣешь самостоятельно управлять своей волей. Слѣдовательно ты видишь, что подавленіе воли отнюдь не тождественно съ слабостью, но что именно въ отреченіи отъ собственной воли и заключается высшая сила характера.

Оставаясь при своемъ возрѣніи, ты, быть можетъ, думаешь, что люди съ слабой волей переносятъ легче лишенія и тягости походовъ? Нѣтъ, конечно, нѣтъ! Если тѣло начинаетъ утомляться, ноги отказываются служить, грудь невыносимо давить дневной зной, и тебѣ кажется, что ты сейчасъ лишишься силъ отъ непосильнаго напря-

женія,—тогда только одна сила воли и можетъ поддержать тебя. Итакъ, въ отреченіи отъ собственной воли заключается не слабость, а рѣдкая сила, которая мощно проявляется въ извѣстные моменты.

Взгляни на безбрежное море: хотя оно, можетъ быть, спокойно и мирно разстилается передъ тобой, отражая въ себѣ золотые лучи теплаго солнца, но ты знаешь, что стоитъ только подуть сильному вѣтру, и оно всколыхнется до самой глубины; громадныя волны съ ревомъ и пѣной поднимутся для того, чтобы низвергнуться въ пучину или разбиться о крутые берега.

Таковъ и человѣкъ съ сильной волей: въ его спокойствіи и заключается сила и могущество, и потому было бы ошибкою смѣшивать его спокойствіе со слабостью. Ты не станешь оспаривать того, что жертвованіе собственною волею составляетъ первое необходимое условіе повиновенія. Выполнить это весьма трудно, но убѣжденіе въ безусловной необходимости повиновенія значительно облегчитъ тебѣ отреченіе отъ собственной воли, и я хочу здѣсь нѣсколько ближе коснуться этого вопроса.

Сила народа лежитъ въ единствѣ; но откуда бы явилось это единство, если бы не всѣ управлялись однимъ начальникомъ, не всѣ безпрекословно подчинялись его волѣ? какъ могла бы масса совершить что-либо великое, если бы каж-

дый членъ ея не отрেকся отъ собственной воли во имя общаго дѣла? Куда ты не помотришь, вездѣ найдешь быстрые успѣхи лишь при условіи равномернаго воздѣйствія всѣхъ силъ.

Что случилось бы съ постройкой, если бы рабочіе не накладывали камень на камень по волѣ искуснаго мастера, а работали бы по своему произволу или сидѣли сложа руки? Можетъ ли работать машина, если не всѣ ея отдѣльныя части какъ слѣдуетъ пригнаны одна къ другой?

И каковъ былъ бы исходъ сраженія, если бы отдѣльные начальники отрядовъ не слѣдовали приказу полководца, а по своему собственному усмотрѣнію избирали маршруты, и вмѣсто того, чтобы одновременно соединенной силой напасть на врага, вступили бы въ сраженіе порознь въ разное время,—развѣ они этимъ не облегчили бы врагу побѣду надъ собой?

И такъ, сила заключается лишь въ единствѣ, которое въ свою очередь основано исключительно на повиновеніи; слѣдовательно подавленіе собственной воли есть непреложный законъ. Въ особенности ты, какъ офицеръ, не можешь отклониться ни на волосъ отъ этого закона и твоя прямая задача, какъ воспитателя своихъ подчиненныхъ,—пріучить ихъ къ повиновенію. Чему же другому обязанъ народъ блестящими успѣхами въ славныхъ походахъ за послѣднія десятилѣтія, какъ не радостному повиновенію, породившему

огонь воодушевленія, какъ не лежащей въ его корнѣ любви къ престолу и отечеству, какъ не созданному имъ единству, которое даетъ силу и способность къ совершенію великаго? Чему обязаны мы нашимъ могущественнымъ внѣшнимъ положеніемъ и благодѣянїями мира, какъ не радостному повиновенію, которое является самымъ сильнымъ оружіемъ какъ противъ внутреннихъ, такъ и противъ внѣшнихъ враговъ?

Да, повиновеніе есть необходимость не только для простаго рядового, но прежде всего для каждаго офицера, будь онъ фельдмаршалъ, поставленный надъ многими или, подобно тебѣ, скромный начинающій дѣятель.

— Для тебя, какъ офицера, повиновеніе является необходимостью еще и по той причинѣ, что тебѣ дано право приказывать, такъ какъ кто не научился повиноваться, тотъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ приказывать. Это также навѣрное покажется тебѣ страннымъ; но дѣло въ томъ, что есть различные роды приказаній. Конечно, не трудно, сложа руки, по расположенію минуты заставлять, какъ говорится, плясать по своей дудкѣ подчиненныхъ, но такой образъ дѣйствій показалъ бы только твое неумѣніе приказывать. Подумай иногда о томъ, какъ часто тебѣ отдавались приказанія, которыя ты самъ считалъ излишними, и какъ въ этомъ случаѣ тебѣ было тяжело повиноваться имъ; съ другой стороны,

вспомни о томъ, какъ радостно ты стремился исполнить волю своихъ начальниковъ, когда признавалъ ихъ приказанія разумными и цѣлесообразными. Такимъ же образомъ и твои подчиненные думаютъ о твоихъ собственныхъ приказаніяхъ. Если они сознаютъ ихъ необходимость и справедливость, то безъ сомнѣнія охотно покорятся твоей волѣ и даже будутъ гордиться тѣмъ, что повинуются тебѣ; несмотря на безусловное повиновеніе, они будутъ чувствовать себя свободными людьми, которые повинуются не по обязанности, а по собственному желанію. Если же они замѣтятъ въ твоихъ приказаніяхъ лишь своеволіе или, что еще хуже, увидятъ желаніе помучить ихъ, хотя бы и не преднамѣренное, то ты вызовешь въ нихъ упорное сопротивленіе или повиновеніе, вызванное лишь страхомъ наказанія, т. е. рабское подчиненіе. Но мы выигрываемъ сраженіе и добиваемся могущества и почетнаго положенія для нашего государства не съ помощью рабовъ, а съ помощью солдатъ, движимыхъ любовью къ своимъ начальникамъ, къ своему высокому и святому призванію, полныхъ самоотверженной преданности престолу и отечеству. Только съ такими подчиненными и начальниками армія есть то, чѣмъ и должна быть — сила и опора отечества.

Если ты научился повиноваться, то долженъ знать, что чувствуетъ тотъ, кто повинуется, и та-

кимъ образомъ, пройдя школу повиновенія, ты научишься повелѣвать самъ, ибо будешь избѣгать всего того, что уничтожаетъ радостное повиновеніе. Разумъ подскажетъ тебѣ, насколько необходимо или цѣлесообразно твое приказаніе, а сердце облечетъ его въ мягкую форму; благодаря этому, ты никогда не дойдешь до деспотизма и не обратишь своихъ подчиненныхъ въ рабовъ.

И такъ, вслѣдствіе представленной тебѣ власти надъ другими, повиновеніе будетъ для тебя двойнымъ долгомъ.

Доказавъ необходимость повиновенія, я теперь отвѣчу на твой вопросъ: «какъ достигну я радостнаго, самоотверженнаго повиновенія?»

Стремись во что бы то ни стало достигнуть внутренняго спокойствія и подавленія собственныхъ желаній, и тогда ты получишь силу повиноваться.

Чѣмъ больше ты думаешь о себѣ, чѣмъ больше ставишь на первый планъ личные интересы и въ слѣпомъ тщеславіи придаешь себѣ важность деспотическими приказаніями, тѣмъ тяжелѣе будетъ тебѣ самому оказывать повиновеніе, и, напротивъ того, чѣмъ больше ты отрекаешься отъ своего собственнаго «я», тѣмъ меньше будешь имѣть желаній, тѣмъ больше возрастетъ твое довольство, а съ нимъ и твое повиновеніе, которое станетъ для тебя не тяжестью, а потребностью.

Если повиновеніе составляетъ долгъ всѣхъ подчиненныхъ, то святой долгъ всѣхъ начальниковъ—облегчить имъ это повиновеніе. Если ты съ довѣріемъ относишься къ своимъ подчиненнымъ, если стараешься привлечь къ себѣ ихъ сердца, то и самъ получишь въ отвѣтъ съ ихъ стороны полную любовь и довѣріе; плодомъ этой любви и явится радостное повиновеніе, какъ свободный даръ свободнаго человѣка.

ШЕСТОЕ ПИСЬМО.

Честь.

Введеніе.—«Честь» Зудермана.—Честь въ сравненіи съ долгомъ.—Честь.—Злословіе — Натянутость и враждебное отношеніе.—Поединокъ.—Враги чести.—Честолюбіе.—Честное слово.—Сословная честь.—Откуда является истинная честь.

Мой милый сынъ!

Нѣсколько дней тому назадъ я былъ въ театрѣ и смотрѣлъ «Честь» Зудермана. Я вернулся домой неудовлетворенный. Не знаю, или я сталъ слишкомъ старъ, чтобы освоиться съ новымъ теченіемъ, или буду правъ, утверждая, что увлекаемое этимъ теченіемъ современное общество пошло по ложному пути; во всякомъ случаѣ, я опасаюсь, что мы оставили вѣрный, спокойный путь, по которому такъ доблестно и настойчиво

слѣдовали наши предки, и въ честолюбивомъ ослѣпленіи не видимъ подводныхъ камней, о которые неминуемо должны разбиться, если не свернемъ поспѣшно съ дороги. Однимъ изъ такихъ подводныхъ камней сдѣлался за послѣдніе годы театръ. Нѣкогда это былъ разсадникъ народнаго образованія и воспитанія, мѣсто отдыха, обильное высокими наслажденіями, мѣсто, которое каждый покидалъ съ чувствомъ глубокаго внутренняго удовлетворенія; теперь же, отравленный тлетворнымъ дыханіемъ моднаго реализма, онъ представляетъ опасность для нашего юношества, возрастающую по мѣрѣ того, какъ артисты, какъ истинные художники, воплощаютъ твореніе драматурга въ живыхъ образахъ, и самъ драматургъ располагаетъ такими могущественными средствами, какъ красота языка, техническая ловкость и живость изображенія. Кто еще не закалился въ школѣ жизни и не составилъ себѣ опредѣленныхъ воззрѣній, кому еще не достаетъ жизненнаго опыта, тотъ невольно увлекается и, не разсуждая, вполне соглашается съ тѣмъ, что слышалъ со сцены.

Зудерманъ въ совершенствѣ обладаетъ сценической рутинной и увлекаетъ cadaго своей діалектикой; такимъ образомъ его матеріалистическое направленіе есть ядъ для массы, неспособной имѣть собственное сужденіе и рукоплескающей ему въ слѣпомъ восторгѣ. Видя при исполненіи «Чести»

почти общее единодушное одобрение, я сталъ опасаться, что и тебя могутъ ослѣпить подобными картинами, что и ты, соглашаясь съ Зудерманомъ, скажешь: «Чести нѣтъ, есть только долгъ», между тѣмъ какъ честь есть драгоцѣннѣйшее сокровище, которымъ мы обладаемъ.

Поэтому я хочу поскорѣе опровергнуть это утверждение. Герой пьесы Зудермана, графъ Трасть,—офицеръ, по уши запутавшійся въ долгахъ чести,—въ послѣдній моментъ выпускаетъ изъ рукъ поднятое для самоубійства оружіе, но не въ припадкѣ трусости, а побуждаемый желаніемъ начать новую жизнь въ Америкѣ и впредь служить только долгу. Счастье улыбается нелишнему дарованію офицеру, и ему удастся не только заплатить всѣ свои долги до послѣдней копейки, но и пріобрѣсти уваженіе и извѣстность. Зудерманъ хочетъ этимъ сказать, что пока графъ Трасть жилъ по предписаніямъ офицерской чести, то не думалъ объ уплатѣ своихъ долговъ, а задался мыслью покончить съ собой и такимъ образомъ провести своихъ кредиторовъ; но вспомнивъ о долгѣ, онъ преобразился и сдѣлался другимъ человѣкомъ. Но Зудерманъ при этомъ упускаетъ изъ виду, что его герой уже раньше сбился съ истиннаго пути, когда, по непростительному легкомыслію, дѣлалъ долги за долгами, зная, что онъ не въ состояніи когда-

либо уплатить ихъ изъ своего состоянія или жалованья.

Единственно, чему личность графа Трасть дѣйствительно поучаетъ, заключается въ положеніи, что гораздо честнѣе искупить сдѣланный долгъ, чѣмъ избѣгнуть этого обязательства посредствомъ самоубійства, что правильнѣе пытаться возстановить потерянную честь, чѣмъ идти на добровольную смерть обремененному долгами, съ проклятіемъ и презрѣніемъ обманурыхъ имъ людей. Но этимъ ни мало не подтверждается основное положеніе пьесы: «Чести нѣтъ, есть только долгъ».

Нельзя отрицать того, что честь и долгъ находятся въ тѣсной внутренней связи между собою; не даромъ говорится въ старинной солдатской пословицѣ: «Чѣмъ больше службы, тѣмъ больше чести», другими словами: чѣмъ важнѣе долгъ, тѣмъ больше честь. Если честь не мыслима безъ строгаго исполненія долга, ты все-таки не долженъ выводить заключенія, что они составляютъ одно понятіе, такъ что можно было бы замѣнить слово «честь» словомъ «долгъ».

Ты можешь добросовѣстно, педантично исполнять свои обязанности, и все-таки отстоять далеко отъ предписаній чести, такъ какъ къ чести ведетъ не одно лишь исполненіе обязанностей, но и побудительныя къ тому причины. Станешь ли ты, напримѣръ, хвалить добросердечіе чловѣка, дѣлающаго много добра бѣднымъ, но руко-

водящагося при этомъ не внутреннимъ побужденіемъ, а тщеславіемъ или желаніемъ получить извѣстность? Конечно, нѣтъ! Такъ же мало можешь ты уважать того, кто исполняетъ свои обязанности не по внушенію голоса совѣсти, а подъ вліяніемъ честолюбія, желанія идти скорѣе впередъ въ погонѣ за орденами и знаками отличія или, что, быть можетъ, еще плачевнѣе, подъ давленіемъ страха наказанія или заботы о насущномъ хлѣбѣ.

Истинная честь всегда ведетъ къ строгому исполненію обязанностей и, стало быть, послѣднее есть ея прямое слѣдствіе, а не наоборотъ.

Это ведетъ насъ къ вопросу: что же такое честь?

Истинная честь есть добрая слава, которой мы пользуемся, общее довѣріе къ нашей правдивости и справедливости, къ нашей чистосердечной любви къ людямъ; поэтому ты не долженъ равнодушно относиться къ чести, такъ какъ равнодушіе къ ней унижаетъ тебя и исключаетъ изъ общества достойныхъ уваженія людей.

Эта общая всѣмъ честь должна быть принадлежностью каждаго человѣка. Честь знатнаго человѣка ничѣмъ не отличается отъ чести простоянина, честь офицера—отъ чести простого солдата, его подчиненнаго; работникъ, добросовѣстно и съ самоотверженіемъ исполняющій свои гражданскія обязанности, имѣетъ такое же право

на доброе имя, какъ и потомокъ стариннаго дворянскаго рода. Простой солдатъ достоинъ уваженія не менѣе офицера, если онъ въ продолженіе всей своей жизни сохранилъ вѣрность и преданность своему королю и отечеству.

Но дѣло въ томъ, что сознаніе чести не одинаково развито въ каждомъ человѣкѣ, такъ какъ оно основано на чисто личномъ чувствѣ; заложенное глубоко въ его душѣ, оно направляетъ его чувства, мысли и желанія и только тогда можетъ подняться до своей высшей ступени, когда воспитывается и поддерживается посредствомъ строгаго самонаблюденія и обузданія всѣхъ низкихъ побужденій.

И такъ, истинная честь не есть ничто внѣшнее, — она есть духовное сокровище, которое можетъ быть запятнано клеветой, но не отнято. Ты такъ же мало воръ, если не украдешь, хотя бы даже весь міръ называлъ тебя воромъ, какъ и мало потеряешь свою честь, хотя бы ее задѣвали оскорбительныя выраженія; послѣднія могутъ оскорбить тебя и даже повредить тебѣ лишь въ глазахъ нѣкоторыхъ людей, не твердо увѣренныхъ въ твоей честности, но никакая низость по отношенію къ тебѣ не въ состояніи похитить твое драгоцѣнное сокровище передъ лицомъ твоей совѣсти и твоего высшаго Судьи. Ты потеряешь свою честь лишь въ томъ случаѣ, если самъ откажешься отъ нея въ своихъ мысляхъ, словахъ и поступкахъ,

если ты не будешь въ состояніи оправдаться передъ своей совѣстью; и тогда, хотя бы весь свѣтъ почиталъ тебя человѣкомъ, достойнымъ уваженія, осыпалъ бы тебя всякаго рода похвалами,—ты будешь все-таки ясно сознавать, что потерялъ свою честь и не достоинъ уваженія, которое тебѣ оказывается обществомъ.

Истинная честь не зависитъ отъ уваженія и благосклонности толпы; она есть чисто личное чувство, заключающееся лишь во внутреннемъ, нравственномъ достоинствѣ человѣка. Ты долженъ беречь ее, какъ неприкосновенную святыню; поэтому ты безчестишь себя не только въ томъ случаѣ, если не стараешься достойнымъ образомъ очистить свою омраченную или даже окончательно запятнанную клеветой честь, но и тогда когда осмѣливаешься неосновательными подозрѣніями вредить чести другого. До тѣхъ поръ, пока ты будешь опасаться, что омрачишь свою честь, почитая другихъ, пока ты не поймешь, что, воздавая безъ всякой зависти и задней мысли уваженіе тому, кто дѣйствительно достоинъ его, ты возвышаешь свою собственную честь,—до тѣхъ поръ ты не вступишь въ сущность истинной чести, и думая, что стремишься къ ней, будешь гоняться за призраками, создаваемыми твоимъ тщеславіемъ. Разумѣется, ты долженъ быть далекъ отъ того, чтобы притворнымъ уваженіемъ и фальшивой лестью поддер-

живать въ своихъ товарищахъ и начальникахъ, друзьяхъ и знакомыхъ ложную гордость и кичливое самомнѣніе; хотя, съ другой стороны, само собою разумѣется, что тамъ, гдѣ общепринятый или чисто военный порядокъ требуетъ отъ тебя выраженія вѣшняго почтенія, ты не можешь уклониться отъ него, но обязанъ подчиняться существующему обычаю; въ этомъ случаѣ оказываемое тобой вѣшнее почтеніе относится не къ самой личности, а лишь къ ея сану или почетному возрасту. Если же ты хочешь въ этомъ случаѣ избѣжать притворства, то долженъ остерегаться того, чтобы простое исполненіе формы не приняло вида болѣе глубокаго внутренняго уваженія, несомвѣстимаго съ дѣйствительностью.

Чѣмъ меньше ты будешь гоняться за удовлетвореніемъ своего тщеславія, тѣмъ больше будешь стремиться къ истинной чести и избѣгать мнимой, тѣмъ яснѣе будешь видѣть различіе между обѣими и понимать какую опасность представляетъ погоня за послѣдней, какъ быстро она заглушаетъ въ сердцѣ благородное чувство истинной чести и дѣлаетъ тебя неспособнымъ къ борьбѣ съ самимъ собой.

По мѣрѣ того, какъ ты будешь охранять свою честь, какъ неприкосновенную святыню, ты научишься смотрѣть на другихъ безъ зависти и ревниваго недоброжелательства. Подумай, какъ часто ты злословишь насчетъ своихъ ближнихъ,

часто лишь ради краснаго словца. Какъ часто, вмѣсто того, чтобы вступить за осмѣяннаго, ты стараешься перещеголять насмѣшниковъ въ острогахъ и колкостяхъ, язвительныхъ и бранныхъ словахъ; какъ часто слушатели своимъ одобреніемъ вызываютъ съ твоей стороны еще болѣе ѣдкую насмѣшку, не сознавая того, что этимъ раздуваютъ твое тщеславіе и ради развлечения допускаютъ поруганіе добраго имени третьяго лица.

Ты долженъ быть въ высшей степени остороженъ, высказывая свое мнѣніе о комъ-нибудь или даже просто повторяя сказанное о немъ другими, если это можетъ повредить ему.

Будь всегда готовъ безъ колебаній, съ радостью говорить что-либо хорошее о своемъ ближнемъ и распространять о немъ добрую славу; но тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о какомъ-нибудь безнравственномъ поступкѣ, ты долженъ строго взвѣсить факты, постараться истолковать всѣ его слова и дѣйствія въ возможно лучшемъ смыслѣ, и если послѣ этого ты все-таки ничего не найдешь сказать о немъ кромѣ дурнаго, то лучше молчи, если только тебя не заставляетъ говорить долгъ соблюденія истины, забота о благѣ твоихъ ближнихъ или объ общественной чести. Но какъ бы ты былъ далекъ отъ истинной чести, если бы когда-нибудь забылся до того, что съ умысломъ открыто старался оскорбить честь другого и погубить его доброе имя.

А между тѣмъ ты мало думаешь объ этомъ и рѣдко обращаешь вниманіе на точное значеніе своихъ словъ. Какъ часто уподобляются они острой стрѣлѣ, которая хотя и пущена не намѣренно, но не возвращается обратно и ранить или даже убиваетъ, не смотря на то, что ты не желалъ ни того ни другого. И если такая недобдуманность будетъ когда-нибудь причиной несогласія или враждебныхъ отношеній между тобою и другимъ лицомъ, слѣдуй тогда голосу твоей совѣсти и повинуйся завѣтамъ истинной чести: не медли сознать свою несправедливость и, прося прощенія за свою вину, первый протяни руку для примиренія; вѣрь, что такой поступокъ не только не унижитъ тебя, а лишь возвыситъ въ глазахъ всѣхъ честныхъ людей. Съ другой стороны, ты также не долженъ отвергать протянутую тебѣ для примиренія руку, хотя бы ты и чувствовалъ себя оскорбленнымъ.

Какъ часто ты устранишь этимъ ссору со всѣми ея послѣдующими непріятностями! Обыкновенное объясненіе безъ злобы, безъ горечи, безъ гнѣвныхъ порывовъ, должно повести къ прочному миру. Но если недоразумѣніе настолько велико, что объясненіе еще больше раздуетъ пламя, и ты уже не можешь собственными силами достигнуть соглашенія, то ты долженъ обратиться за содѣйствіемъ къ третьему лицу и поставивъ его посредникомъ въ ссорѣ, безъ воз-

раженій принять его рѣшеніе. Вѣрь, что ты этимъ принесешь больше пользы себѣ и своему сословію, чѣмъ въ томъ случаѣ, если предоставишь разрѣшеніе своей ссоры оружію.

Что сильно препятствуетъ виновному просить прощенія,—это постоянный страхъ передъ людскимъ мнѣніемъ, боязнь получить названіе труса, подвергнуться жестокому осужденію. И тѣмъ не менѣе смиреніе, на которое обрекаетъ себя просящій извиненія, требуетъ больше нравственнаго мужества и силы воли, чѣмъ ложная гордость, которая, проистекая изъ непростительнаго высокомерія, въ минуту безразсуднаго упрямства вкладываетъ тебѣ въ руки оружіе для достиженія мира. Слѣдовательно, многіе предпочитаютъ поединокъ изъ чувства тщеславія, а не потому, чтобы они дѣйствительно желали проливать кровь.

И такъ нужно пожелать, чтобы правильное сознаніе того, что такое истинная честь, проложило себѣ болѣе широкой путь, чтобы всякій не смотрѣлъ тотчасъ же на погрѣшившаго товарища какъ на врага, который долженъ быть наказанъ оружіемъ, а скорѣе какъ на заблуждающагося брата или друга, котораго онъ встрѣтитъ съ распростертыми объятіями и съ теплымъ чувствомъ, если онъ выкажетъ раскаяніе. Нужно желать, чтобы всякій былъ убѣжденъ, что слово сказанное необдуманно и взятое снова назадъ,

не заключаетъ въ себѣ ничего обиднаго, но что лишь тѣ слова становятся оскорбительными, въ которыхъ ненависть, зависть, недоброжелательство и всѣ прочія дурныя побужденія возрасли до умышеннаго, заранѣе обдуманнаго оскорбленія чести!

Если ты высоко цѣнишь свою честь и если внутреннее достоинство проглядываетъ во всѣхъ твоихъ дѣйствіяхъ, то клевета не коснется тебя; также точно, если ты считаешь честь своихъ ближнихъ за неприкосновенную святыню, то никогда не впадешь въ искушеніе оскорбить честь другого и не будешь замѣшанъ въ дуэль по своей собственной винѣ, какъ это легко случается съ тѣми, которые служатъ ложному кумиру тщеславія, ослѣпленные гордостью и эгоизмомъ.

Я надѣюсь, что изъ всего сказаннаго мною ты не вывелъ заключенія, что я коренной противникъ старыхъ традицій и принадлежу къ тѣмъ, которые смотрятъ на дуэль, какъ на остатокъ прежнихъ грубыхъ временъ; думая такъ, ты причинилъ бы мнѣ большую непріятность. Не говоря уже о томъ, что офицеръ долженъ видѣть свой высшій долгъ въ охраненіи своей чести, не говоря уже о томъ, что нашъ всемилостивѣйшій монархъ не терпитъ въ своей арміи такихъ офицеровъ, которые не умѣютъ охранять своей чести,—я признаю дуэль за неизбежную необходимость для рѣшенія всѣхъ тѣхъ дѣлъ

чести, которыя не могутъ быть рѣшены другимъ болѣе достойнымъ способомъ. Тѣмъ не мѣнѣе я хотѣлъ бы уничтожить поединокъ, хотя и не насильственными мѣрами, какъ этого многіе добиваются, не по всемогущему слову монарха, какъ этого желаютъ другіе, но единственно посредствомъ воспитанія, которое должно сдѣлать невозможнымъ для честнаго человѣка оскорбленіи чьей-нибудь чести. Только тогда, когда прекратятся умысленныя оскорбленія, а неумысленныя будутъ разрѣшаться сознаніемъ виновнаго, дуэль можно будетъ отнести къ дѣламъ давно минувшихъ дней. Но пока еще люди будутъ находиться подъ вліяніемъ низменныхъ побужденій, пока не найдутъ другого средства рѣшать почетнымъ образомъ дѣла чести болѣе запутаннаго характера, никакая сила въ мірѣ не будетъ въ состояніи совершенно искоренить поединокъ. Это весьма естественно, такъ какъ, если твоя честь составляетъ для тебя высшую драгоценность, то ты будешь готовъ въ случаѣ надобности даже и умереть за нее. Въ этомъ для тебя не можетъ быть никакого сомнѣнія, ибо какъ ты утрачиваешь свою честь въ томъ случаѣ, если осмѣливаешься затрогивать честь другого, такъ равно теряешь ее и тогда, когда не даешь надлежащаго отпора нападенію на твою собственную честь и медлишь запечатлѣть его своей кровью, если не представляется иного выхода.

Изъ этого ясно видно, что люди могутъ нанести тебѣ болѣе или менѣе тяжелья оскорбленія, но не могутъ отнять у тебя чести; отъ тебя самого зависитъ приобрѣсти ее благородствомъ своего поведенія или лишиться ея по собственной своей винѣ. Враги твоей чести живутъ въ тебѣ самомъ; ты найдешь ихъ въ низкихъ побужденіяхъ твоей души, о которыхъ я уже упоминалъ раньше, въ искушеніяхъ, которыя овлаждаютъ тобой, если ты не подавишь ихъ въ самомъ началѣ. Разумѣется я не подразумеваю здѣсь такихъ искушеній, которыя могутъ довести тебя до преступленія, но говорю о тѣхъ, которыя возникаютъ при погонѣ за виѣшними почестями и уничтожаютъ благородныя сѣмена, подобно тому какъ разрастающіеся плевелы саглушаютъ плодородную ниву. Напримѣръ, ты живешь среди богачей, но самъ бѣденъ, а между тѣмъ склоненъ къ нѣгѣ и наслажденію, и вотъ ты подвергаешься опасности начать погоню за матеріальными выгодами, въ стремленіи къ этой цѣли теряешь внутреннюю поддержку, и тогда чѣмъ больше ты будешь стараться заглушить предостерегающій голосъ совѣсти, тѣмъ скорѣе запутаешься въ сѣтяхъ азартной игры и легкомысленныхъ долговъ.

Или, положимъ, ты видишь, что твой товарищъ возвышается по службѣ; если ты имѣешь склонность къ зависти и къ ревности, то тебѣ

будеть трудно побѣдить стремленіе поравняться съ нимъ и ты постоянно будешь подвергаться опасности воспользоваться нечистыми средствами, чтобы составить себѣ такое же положеніе; ты, можетъ быть, забудешься даже до того, что станешь унижать его въ глазахъ сослуживцевъ.

И все же, какъ ты еще далекъ отъ истинной чести, если основнымъ стимуломъ твоей дѣятельности служить лишь стремленіе къ внѣшнему блеску, къ чинамъ и почестямъ или къ матеріальнымъ выгодамъ, при чемъ безразлично, составляетъ ли достиженіе славы или богатства само по себѣ цѣль твоей жизни или же обладаніе богатствомъ и положеніемъ служить для тебя лишь средствомъ предаться жизни полной чувственныхъ наслажденій. Хотя опытъ учитъ, что ложная честь никогда не доставляетъ счастья, а, наоборотъ, можетъ сдѣлать человѣка несчастнымъ, если за прекраснымъ сномъ послѣдуетъ горькое пробужденіе, тѣмъ не менѣе ты видишь, какъ много жизней поглощается постоянными заботами о приобрѣтеніи средствъ или почестей и отличій, и какъ много людей находятъ удовлетвореніе въ радости по поводу удавшихся разчетовъ, увеличивающагося богатства и возрастающаго внѣшняго блеска. Быть богатымъ, составить имя, играть большую роль въ обществѣ—вотъ цѣль, въ которой многіе видятъ свою честь, и если этой чисто внѣшней, при-

зрачной честью заглушаются всѣ добрые сердечные порывы, то имѣютъ ли тогда какое-нибудь значеніе такія идеальныя блага, какъ любовь, дружба и товарищество?

Съ истинной честью нераздѣльно самое добросовѣстное отношеніе къ данному слову и къ сдѣланнымъ долгамъ; данное честное слово равносильно священной клятвѣ; точно также долгъ, за который ты ручаешься своею честью, долженъ быть погашенъ, самое позднее, въ назначенный срокъ. Впослѣдствіи я быть можетъ еще разъ возвращусь къ вопросу о долгахъ; теперь же ограничусь лишь замѣткой о значеніи честнаго слова.

Какъ ты при божбѣ призываешь въ свидѣтели Бога и въ доказательство того, что ты говоришь правду, ставишь на карту свою загробную жизнь, говоря другими словами такъ: «Да буду я лишень вѣчнаго блаженства, если умышленно сказалъ хотя бы одно ложное слово», такъ и честнымъ словомъ ты ставишь на карту свою честь, говоря: «Да буду я лишень чести и недостойнъ общества честныхъ людей, если я хоть въ одномъ словѣ отклонился отъ правды».

Честное слово людей, слѣдующихъ завѣтамъ чести, равносильно христіанской прислугѣ передъ судомъ; изъ этого само собой вытекаетъ, что ты долженъ остерегаться легкомысленно обязываться честнымъ словомъ или давать его по поводу ка-

когонибудь пустяка. Какую цѣну будетъ имѣть твое честное слово, если оно будетъ у тебя постоянно на языкѣ? Какъ низко поставишь ты себя, если будешь придавать своему простому слову, простому увѣренію такъ мало значенія, что долженъ будешь всегда подтверждать ихъ своей честью? Можешь ли ты тогда сердиться на тѣхъ, которые подумаютъ, что ты потерялъ честь и уваженіе къ самому себѣ? Какъ, на примѣръ, будетъ вязаться съ истинной честью, если ты честнымъ словомъ станешь увѣрять, что выпьешь двѣнадцать стакановъ пива въ одинъ часъ, или будешь хвастаться такимъ поступкомъ, который не только вполнѣ ничтоженъ, но и противенъ чести? Если ты такъ злоупотребляешь своимъ словомъ для того, чтобы придать видъ истины невѣроятнымъ вещамъ, то тебя не должно удивлять, если про тебя насмѣшливо скажутъ: «у него есть большое и маленькое честное слово», или «нынче онъ клянется, а завтра отречется».

Честное слово свято и неприкосновенно, какъ сама честь, и кто его обезцѣниваетъ, тотъ унижаетъ самого себя. Постарайся обдумать этотъ вопросъ и строго слѣдить за собой, чтобы не подвергнуться опасности злоупотреблять своимъ честнымъ словомъ и никогда не давать его безъ зрѣлаго, обстоятельнаго размысленія. Какъ часто тебѣ можетъ придти въ голову ради шутки подтвердить честнымъ словомъ свою выходку и какъ

ты радуешься, если кто-нибудь попадется на эту удочку! Но достойно ли это похвалы? Не естественно ли, что твоему честному слову оказано довѣріе, и не долженъ ли ты обидѣться, если кто-нибудь сомнѣвается въ твоёмъ словѣ, что означаетъ сомнѣніе въ твоей безупречной честности? И все же, какое имѣешь ты право судить того, кто не придаетъ значенія твоему честному слову, если ты самъ забываешься настолько, что обращаешь его въ орудіе шутки?

Поэтому пусть будетъ твоимъ словомъ простое, открытое, «да или «нѣтъ». Если же ты всетаки рѣшаешься ручаться своею честью за истину своихъ словъ, то обдумай сперва, стоитъ ли этого само дѣло или тотъ, кто не вѣритъ этимъ словамъ. Ты долженъ въ этомъ отношеніи поступать такъ, какъ поступаетъ ростовщикъ въ отношеніи ввѣреннаго ему имущества, т. е. не только сохранять, но и приумножать свою драгоценную собственность, а отнюдь не расточать ее.

Но хотя личная честь есть благо и безспорная собственность cadaго человѣка, тѣмъ не менѣе она проявляется, смотря по степени чувствительности cadaго, у одного больше, у другого меньше; и подобно тому, какъ понятіе о чести выражается различно у отдѣльныхъ личностей, такъ различно оно и у цѣлыхъ сословій, т. е. чѣмъ глубже истинное чувство чести привито къ

отдѣльнымъ членамъ какого-нибудь сословія, тѣмъ больше служить оно достояніемъ цѣлаго сословія. Если ты, а равно и всякій другой офицеръ, поставишь себѣ серьезнѣйшей обязанностью соблюденіе завѣтовъ истинной чести, смотря на нее, какъ на свое высшее сокровище, если ты полагаешь ее въ вѣрности до смерти, въ непоколебимомъ мужествѣ, твердой рѣшимости, самоотверженномъ повиновеніи, безусловной правдивости и скромности—вообще въ безукоризненномъ исполненіи всѣхъ, даже повидимому незначительныхъ обязанностей, и стараешься выразить ее во всѣхъ своихъ поступкахъ, то ясно, что это понятіе о чести переносится на все сословіе и что оскорбленіе чести всякаго отдѣльнаго члена будетъ чувствоваться всей корпораціей. Съ другой стороны особаго вниманія заслуживаетъ то, что высшія, труднѣйшія обязанности несутъ съ собою и большую степень чести и почета, такъ что честь цѣлаго сословія возрастаетъ съ его обязанностями. Но какое сословіе можетъ имѣть болѣе высокія обязанности, какъ не то, которое призвано защищать престолъ и отечество, жертвуя имъ даже своею жизнью? кто несетъ болѣе высокія обязанности, какъ не корпусъ офицеровъ, которому вручено воспитаніе и образованіе арміи и который долженъ служить своимъ подчиненнымъ блестящимъ примѣромъ военныхъ и общественныхъ добродѣтелей?

Если такія высокія сословныя обязанности поддерживаютъ сознаніе истинной чести въ цѣломъ сословіи, то разумѣется, это сознаніе должно быть достояніемъ каждаго изъ членовъ; изъ этого ты можешь видѣть, какъ тѣсно связана съ личною честью честь сословная. Постановленія о судахъ чести также указываютъ на эту связь, такъ какъ ты уже не можешь принадлежать къ твоему благородному сословію въ томъ случаѣ, если оскорбляешь предписанія чести; съ другой стороны ты находишь себѣ защиту въ этой общей сословной чести, когда приговоръ твоихъ товарищей очищаетъ тебя отъ неосновательныхъ подозрѣній въ то время, какъ всякій другой соотвѣтственный твоему положенію путь для тебя закрытъ. Затѣмъ, какъ всякій отдѣльный членъ, охраняя свою честь, соблюдаетъ величайшую осторожность въ выборѣ знакомства, такъ и цѣлое общество должно быть осторожнымъ и заботиться о томъ, чтобы всякіе нечистые элементы были изгнаны изъ его среды. Это отнюдь не служитъ доказательствомъ высокоумія или несправедливой сословной гордости, а означаетъ лишь стремленіе сохранить незапятнаннымъ знамя чести. Кто самъ не смотритъ на честь какъ на драгоценнѣйшее благо, тотъ никогда не будетъ уважать честь другого, но тѣмъ самымъ произноситъ надъ собою приговоръ и исключаетъ себя изъ общества честныхъ людей.

Если ты спросишь теперь, какъ достигъ истинной чести, то я тебѣ отвѣчу: «борись самъ съ собой». Истинная честь, подобно фіалкѣ, расцвѣтаетъ въ скромномъ сердцѣ и не ищетъ ни блеска, ни славы; она не способна ни заискивать расположенія другихъ людей, ни возбуждать ихъ зависть, и ведетъ лишь къ внутреннему достоинству, которое долговѣчно и можетъ устоять противъ всякой жизненной бури.

Заботливо охраняя свою честь при помощи строгаго контроля надъ своими ошибками и слабостями, ты долженъ походить на воина, окруженнаго подстерегающими его врагами: онъ не можетъ предаваться безпечному сну, но долженъ слѣдить за каждымъ движеніемъ врага и остерегаться такого состоянія, въ которомъ тотъ могъ бы застичь его врасплохъ. Подобно тому и ты долженъ слѣдить за побужденіями своей души, дабы въ ней, незамѣтно для тебя, не выросла темная сила, которая въ связи съ внѣшними искушеніями не поработила тебя настолько, что ты не нашель бы уже силы возстать снова къ честной жизни. Поэтому не медля начинай борьбу съ кумиромъ эгоизма и тщеславія и борись до тѣхъ поръ, пока онъ не падеть разбитый къ твоимъ ногамъ.

СЕДЬМОЕ ПИСЬМО.

Честное поведѣніе на службѣ.

Общій обзоръ.—Возбужденіе неудовольствія.—Воздѣйствіе честнаго поведѣнія.—Служебная скромность.—Затрудненія.

Мой милый сынъ!

Я обрадовался твоему письму, такъ какъ оно доказываетъ, какое правильное понятіе ты составилъ объ истинной чести, и является новымъ ручательствомъ за твои благородныя стремленія къ самоусовершенствованію. Поэтому было бы почти излишнимъ говорить о правилахъ честнаго поведѣнія, если бы послѣднее не имѣло бы тѣсной связи съ честью, служа ея отраженіемъ, такъ какъ въ твоемъ поведѣніи, т. е. въ твоемъ образѣ дѣйствій и поступкахъ отражается внутреннее достоинство, пріобрѣтенное тобою благодаря сознанію чести.

Поведеніе, сообразное съ предписаніями истинной чести, состоитъ въ точномъ исполненіи твоихъ обязанностей, т. е. въ вѣрности до смерти, въ постоянной боевой готовности, въ непоколебимой храбрости, въ самоотверженномъ повиновеніи и искреннемъ чувствѣ товарищества, въ чистотѣ и безупречности всей твоей жизни. Такимъ образомъ, честное поведѣніе на службѣ обусловлено педантическою добросовѣстностью

въ исполненіи всѣхъ, даже повидимому незначительныхъ обязанностей во всякое время и на всякомъ мѣстѣ, въ присутствіи или отсутствіи начальниковъ; оно обусловлено живымъ стремленіемъ къ дѣятельности, искреннимъ желаніемъ приносить пользу и помощь; оно учитъ тебя никогда не быть довольнымъ собой, хотя бы даже твои начальники и выражали тебѣ полное одобреніе. Такая похвала начальства не должна заставить тебя опочить на лаврахъ въ лучахъ благосклонности твоихъ начальниковъ или развить въ тебѣ самодовольную гордость и высокомеріе; я думаю, что при честномъ поведеніи выраженная начальникомъ похвала послужитъ для тебя лишь дальнѣйшимъ поощреніемъ къ новой дѣятельности, вызывая желаніе сдѣлаться вполне достойнымъ этой похвалы.

Тебѣ, какъ офицеру, не достаточно исполнять службу по буквѣ приказа: честь требуетъ, чтобы ты готовился къ ней и заботливо распредѣлялъ свое время; вѣдь служба не есть цѣль сама по себѣ, но лишь средство къ цѣли, состоящей въ томъ, чтобы воспитывать и образовывать солдатъ, такъ чтобы они были готовы и способны защищать до послѣдней капли крови престолъ и отечество.

Если ты приступаешь къ обученію безъ подготовки, руководствуясь лишь случайными идеями, то ты плохой учитель, потому что передать

и сдѣлать духовнымъ достояніемъ учениковъ можно лишь то, что заранѣе глубоко обдумано учителемъ. Если ты безопасно ведешь дѣло, то теряешь подъ собой вѣрную почву и уподобляешься судну, которое вмѣсто того, чтобы летѣть впередъ, какъ стрѣла по вѣрному фарватеру, боязливо лавируетъ по неизвѣстному пути,—медленно, словно ощупью подвигаясь то впередъ, то назадъ. Если ты безъ серьезной подготовки вступаешь въ новый фазисъ обученія или, надеясь на знанія твоихъ подчиненныхъ, безопасно упускаешь время, то, вмѣсто того чтобы поощрять и воодушевлять ихъ, ты будешь дѣлать ихъ вялыми и равнодушными къ своимъ обязанностямъ.

Кто идетъ на службу не подготовленнымъ, безъ расположенія и увѣренности въ своихъ силахъ, тотъ не принесетъ никакой пользы и можетъ присчитать ко многимъ потеряннымъ днямъ еще новый.

Конечно, служба твоя трудна, и если ты хочешь сохранить въ себѣ необходимую бодрость, то долженъ и имѣть полное право пользоваться отдыхомъ; но не иначе, какъ по окончаніи всей своей работы, т. е. послѣ того какъ ты, по исполненіи служебныхъ обязанностей, посвятишь еще нѣкоторое время на свое самообразованіе. Вялость и медлительность, легкомысленное отношеніе къ службѣ и снисходительное отношеніе къ

самому себѣ становятся еще большими ошибками, благодаря тому, что онѣ легко и незамѣтно переходятъ на подчиненныхъ. Если хорошій примѣръ увлекаетъ даже слабые характеры, то какъ пагубно дѣйствуетъ съ теченіемъ времени дурной примѣръ даже и на хорошія натуры!

Аккуратность офицеровъ имѣетъ послѣдствіемъ и аккуратность солдатъ; чистое платье начальника, свободное отъ нелѣпостей сумасбродной моды, есть лучшее напоминаніе о порядкѣ, чѣмъ длинная утомительная рѣчь; усердіе на службѣ съ безусловной строгостью къ самому себѣ, живая заботливость о благѣ подчиненныхъ, энергичное противодѣйствіе злу и рядомъ съ этимъ личное содѣйствіе болѣе слабымъ принесутъ больше пользы, чѣмъ приказы или поученія свыше.

Къ сожалѣнію, человѣкъ склоненъ къ покою, и мало такихъ, кто въ силу рано пріобрѣтенной привычки или по собственному побужденію поддерживаетъ въ себѣ чувство долга всегда въ одинаковой степени; поэтому ты долженъ наблюдать какъ за своими подчиненными, такъ равно и за собою, чтобы не служить для нихъ развращающимъ примѣромъ. Солдатъ имѣетъ вполне вѣрное и твердое понятіе о слабостяхъ и ошибкахъ своихъ начальниковъ, и вполне естественно, что внутреннее уваженіе къ нимъ уменьшается по мѣрѣ того, какъ они допускаютъ небрежность въ исполненіи своихъ обязанностей.

Ты, можетъ быть, возразишь мнѣ, что солдатъ *обязанъ* питать къ тебѣ уваженіе, и что онъ достоинъ строгаго наказанія, если пренебрегаетъ этою обязанностью. Это, разумѣется, правильно, но если ты отсюда придешь къ заключенію, что можешь дѣлать, что тебѣ угодно передъ глазами твоихъ подчиненныхъ, то впадешь въ заблужденіе достойное строгаго порицанія: помимо того, что такое воззрѣніе заключаетъ въ себѣ оскорбленіе чести, такъ какъ ты долженъ служить своимъ подчиненнымъ *благодѣтельнымъ* примѣромъ,—ты обязанъ не затруднять имъ своими ошибками исполненія долга уваженія къ начальству, но облегчать его своими честными поступками, такъ чтобы они оказывали тебѣ почтеніе не изъ повиновенія закону, а по внутреннему безотчетному побужденію.

Но оставляя въ сторонѣ личную небрежность, я долженъ отмѣтить другую ошибку, способную отразиться крайне неблагоприятно на солдатахъ. Какъ часто, можетъ быть, ты въ числѣ многихъ другихъ съ пренебреженіемъ отзывался въ присутствіи твоихъ подчиненныхъ о существующихъ служебныхъ уставахъ или даже порицалъ дѣйствія общихъ вашихъ начальниковъ; какъ часто дѣлалъ рѣзкія, неблагоприятныя замѣчанія о сущности и объемѣ службы, не думая о томъ, что твои подчиненные слышатъ тебя, и какъ часто при подобныхъ же обстоятельствахъ ты

бранилъ своихъ младшихъ или старшихъ товарищей! Но совмѣстимо ли это съ честнымъ поведеніемъ? Ты, конечно, признаешь самъ, что этотъ проступокъ слишкомъ серьезенъ, чтобы извинить его отсутствіемъ злого намѣренія и минутною необдуманностью. вмѣсто того, чтобы развивать въ себѣ и другихъ любовь къ своему призванію, ты возбуждаешь недовольство въ самомъ себѣ и во всѣхъ, кто тебя слышитъ и не лучше тебя относится къ своему долгу; и вмѣсто того, чтобы поднять престижъ начальства и всего корпуса офицеровъ, ты по непростительному легкомыслію роняешь его, такъ какъ твое необдуманное слово найдетъ себѣ благопріятную почву въ сердцахъ твоихъ подчиненныхъ и ты такимъ образомъ самъ даешь въ руки оружіе дурнымъ элементамъ; они всегда будутъ имѣть основаніе подтвердить свои рассказы словами: «г. лейтенантъ самъ говорилъ это».

Ты не долженъ забывать, что твои подчиненные смотрятъ на тебя и стараются подражать твоему образу дѣйствій. Горе имъ, если ты дашь имъ плохой примѣръ! Конечно, не легко быть всегда насторожѣ, тѣмъ не менѣе ты долженъ твердо выдерживать себя въ этомъ отношеніи, иначе ты будешь грѣшить противъ истинной чести.

Если ты сумѣлъ пріобрѣсти своимъ блестящимъ примѣромъ довѣріе подчиненныхъ, если

они никогда не видѣли тебя слабымъ по отношенію къ самому себѣ и къ службѣ, то тебѣ станетъ легка твоя воспитательная дѣятельность и за тобою не замедлятъ признать служебную опытность, проницательность, знаніе дѣла и дарованіе, и эти качества сами собою вызовутъ повиновеніе твоихъ подчиненныхъ.

Лишь обладая этими качествами, солдатъ будетъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть: достойнымъ членомъ арміи, крѣпкимъ камнемъ въ великомъ зданіи, на которомъ покоятся престоль и отечество, могучимъ нѣмецкимъ дубомъ, способнымъ выдержать всякую бурю и непогоду; обладая этими качествами онъ пойдетъ за тобою въ огонь и воду, и когда пробьетъ роковой часъ, въ который ему придется на кровавой аренѣ запечатлѣть свою вѣрность смертью, онъ не отступитъ передъ смертельнымъ градомъ пуль, но устремивъ глаза на тебя, будетъ сознавать лишь желаніе побѣдить съ тобою или умереть за честь и славу отечества!

Да, лишь твое собственное честное отношеніе къ службѣ увлекаетъ своимъ примѣромъ подчиненныхъ къ живому подражанію, воспитываетъ тебя самого и ввѣренную тебѣ массу во всѣхъ военныхъ добродѣтеляхъ: въ самоотверженной преданности императорскому дому и отечеству, въ стремленіи къ совершенствованію въ военномъ искусствѣ, въ беззавѣтной храбрости и добро-

вольномъ повиновеніи, въ радостной рѣшимости побѣдить или погибнуть славной смертью на полѣ брани. Таковы слѣдствія твоего честнаго поведенія,—твоя высшая награда за него; и неужели ты станешь еще медлить отреченіемъ отъ собственныхъ себялюбивыхъ стремленій?

Я хотѣлъ бы обратить твое особенное вниманіе еще на двѣ вещи, а именно: на служебную скромность и на представленное тебѣ право жалобы, такъ какъ обѣ находятся въ тѣсной связи съ честнымъ поведеніемъ на службѣ.

Истинная честь,—какъ сказано между прочимъ въ предисловіи къ постановленіямъ о судахъ чести,—немыслима безъ строгой служебной скромности; слѣдовательно, всякій проступокъ противъ этой обязанности заключаетъ въ себѣ оскорбленіе чести. Я съ намѣреніемъ говорю «всякій», чтобы на первыхъ же порахъ указать тебѣ на то, что здѣсь подразумѣвается не только преступная измѣна, но и всякое разбалтываніе служебныхъ порядковъ и установленій, которые не предназначены для всеобщаго свѣдѣнія. Какую отвѣтственность ты берешь на себя за свое устное или письменное слово, видно уже изъ того, что ты, какъ офицеръ, обязанъ не предавать гласности никакихъ сообщеній, не признавъ себя ихъ отвѣтственнымъ авторомъ и не ручаясь за нихъ своей личностью и честью.

Чрезвычайно трудно провести здѣсь границу,

но вообще ты можешь свободно говорить лишь о такихъ постановленіяхъ, которыя преданы гласности, благодаря преніямъ въ рейхстагъ или другимъ тому подобнымъ путемъ; безъ сомнѣнія ты не будешь разглашать такихъ вещей, которыя сообщены тебѣ конфиденціально или о которыхъ ты узналъ изъ предписаній, предназначенныхъ лишь для чисто служебныхъ цѣлей. Но вообще молчаніе предпочтительнѣе, такъ какъ болтовня о служебныхъ дѣлахъ никогда не можетъ принести пользы дѣлу, а наоборотъ часто влечетъ за собою вредъ въ томъ случаѣ, если твои слова, ложно поняты другими, разносятся дальше, попадаютъ въ другой кругъ общества и такимъ образомъ искажаютъ взглядъ общества на армію.

Не приходилось ли тебѣ иногда удивляться тому, что служебное дѣло, которое ни ты, ни другой какой-либо офицеръ не передавалъ постороннимъ, все-таки стало извѣстно публикѣ? Какая же этому причина? Причина та, что ты или кто нибудь другой не соблюли необходимой осторожности, открыто говоря объ этомъ дѣлѣ въ казино въ присутствіи ординарцевъ или въ какомъ-нибудь ресторанѣ, гдѣ наблюдали за вами и подслушивали вашъ разговоръ постороннія лица.

На офицера каждый смотритъ и старается подслушать всякое его слово, такъ какъ у него без-

численное множество враговъ, которые добиваются уничтоженія корпуса офицеровъ и лишь изыскиваютъ поводъ къ тому, чтобы произвести на нихъ новое нападеніе. Ты долженъ имѣть это всегда въ виду и научиться быть осторожнымъ и скрытнымъ. Помни старинную поговорку: «молчаніе есть золото».

Перехожу къ вопросу о жалобахъ. Право жалобы на начальниковъ даетъ тебѣ чрезвычайно много и у тебя легко можетъ явиться мысль: «Я не стерплю никакой обиды и непременно принесу жалобу, если начальникъ сдѣлаетъ мнѣ непріятность или задѣнетъ мои права и преимущества какъ офицера». Тебя будутъ подстрекать къ этому и нѣкоторые товарищи, которымъ такой образъ мыслей внушитъ уваженіе и которые будутъ находить тебя смѣльчакомъ и лихимъ малымъ. Но подобныя воззрѣнія отнюдь несовмѣстимы съ понятіемъ истинной чести.

Ты не долженъ забывать, что военное ремесло сурово и что тамъ, гдѣ лѣсъ рубятъ—щепки летятъ. Таковъ законъ природы. Гдѣ каждый напрягаетъ всѣ свои силы и по долгу службы ревностно стремится къ тому, чтобы обучить и воспитать своихъ подчиненныхъ въ возможно короткое время, тамъ при поспѣшности и минутной горячности, конечно, можетъ иной разъ встрѣтиться рѣзкость въ обращеніи, если начальникъ натывается на непредвидѣнные препятствія. Но

въ подобномъ случаѣ эта рѣзкость относится не къ личности, а къ дѣлу. Прослѣди всю военную жизнь и ты увидишь, что даже и высокопоставленные начальники не всегда испытываютъ мягкое обращеніе; какъ же ты, горячій юноша, можешь вспыхивать негодованіемъ, если тебѣ причинена мнимая несправедливость?

Предпославъ это замѣчанія, я хочу указать тебѣ на значеніе жалобы. Каждая жалоба, если она даже и основательна, заключаетъ въ себѣ оскорбленіе начальника, которому ты долженъ оказывать уваженіе и почтеніе, согласно принятому на себя долгу, которому ты долженъ безусловно повиноваться. Отсюда тебѣ будетъ ясно, что неосновательная или вызванная слишкомъ большой чувствительностью жалоба всегда заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе крупное нарушеніе долга уваженія и что жалоба основательна только въ томъ случаѣ, если дѣйствительно задѣты твои права, какъ офицера или глубоко оскорблена твоя честь.

Въ опредѣленіи этого ты долженъ руководиться правилами истинной чести, а не побужденіями своего тщеславія, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ ты будешь ослѣпленъ жаждою мести противъ твоего начальника или страхомъ быть названнымъ товарищами «рохлей», или стремленіемъ прослыть среди твоихъ друзей за смѣльчака. Но справься съ предписаніями истинной чести и

ея ясный, неподкупный голосъ никогда не введетъ тебя въ заблужденіе.

Какъ каждая неосновательная жалоба противна твоей чести, такъ съ другой стороны, сама честь повелѣваетъ тебѣ вступить на этотъ трудный путь, если она подверглась дѣйствительному оскорбленію, такъ какъ ты обязанъ сохранить незапятнаннымъ свое драгоцѣннѣйшее достояніе. Если ты въ этомъ случаѣ молчаливо стерпишь обиду, то безъ сомнѣнія подвергнешь опасности свою честь, такъ какъ легкое пятно, омрачившее ее, весьма легко можетъ перейти въ разлагающую ржавчину.

Какимъ образомъ ты долженъ поступить, если когда нибудь очутишься въ печальной необходимости принести жалобу, — ты увидишь изъ точныхъ постановленій о подачѣ жалобъ офицерами отъ 30 марта 1895 года, которыя настолько ясны, что не нуждаются въ дополненіяхъ или поясненіяхъ.

ВОСЬМОЕ ПИСЬМО.

Дурное обращеніе.

Введеніе.—Тѣлесное наказаніе дѣтей и дурное обращеніе.—
 Источникъ дурного обращенія.—Борьба противъ дурного об-
 ращенія.—Дурное обращеніе подавляетъ душевную бодрость.—
 Дурное обращеніе вредитъ достоинству арміи.—Дурное обра-
 щеніе, какъ малодушіе.—Дурное обращеніе, какъ неповиновеніе
 долгу.—Заключеніе.

Мой милый сынъ!

Вчера за нашимъ столомъ завязался очень оживленный разговоръ, темой которому послужилъ тотъ фактъ, что одинъ учитель далъ своему ученику пощечину. Поднялись горячіе споры: въ то время, какъ одни безусловно признавали за учителемъ право наказанія, другіе энергично оспаривали это мнѣніе, утверждая, что если учитель имѣетъ право наказывать учениковъ, то такое же право наказывать тѣлесно своихъ подчиненныхъ имѣетъ и офицеръ или унтеръ-офицеръ, такъ какъ и тотъ и другой преслѣдуютъ задачи воспитанія и слѣдовательно должны при одинаковыхъ обязанностяхъ имѣть и одинаковыя права. Вслѣдствіе этого, разговоръ перешелъ на дурное обращеніе съ солдатами, и я былъ весьма удивленъ, слыша, что нашлись еще защитники дурного обращенія, которые основывались на

томъ, что во времена стараго Фрица кнутъ игралъ въ арміи большую роль, а между тѣмъ солдаты Фридриха II были ничѣмъ не хуже арміи нашего времени. Съ этимъ нельзя не согласиться, тѣмъ не менѣе нужно признать безусловно ложнымъ то заключеніе, что если кнутъ и не представляетъ необходимости, то безъ всякаго сомнѣнія не приноситъ вреда. Армія великаго короля шла отъ побѣды къ побѣдѣ не *благодаря* палкѣ, а *вопреки* ея господству, и всѣми своими славными геройскими подвигами она обязана какъ геніальнымъ дарованіямъ своихъ вождей, такъ равно и высокому воодушевленію, побуждавшему ее побѣдить или умереть изъ любви къ королю и отечеству.

Этотъ духъ не исчезъ и теперь; нынѣшняя армія обязана своими побѣдами въ походахъ послѣднихъ десятилѣтій этой же самой любви, такъ какъ сила арміи заключается не во внѣшнихъ распорядкахъ, а въ ея духѣ. Для нея необходимо воспитаніе народа въ истинномъ страхѣ Божіемъ и въ строгой дисциплинѣ, въ соединеніи всѣхъ общечеловѣческихъ и военныхъ добродѣтелей. Если эти добродѣтели и существовали въ минувшія времена несмотря на кнутъ, то это исключительно зависѣло отъ царившаго въ то время духа, которому была еще неизвѣстна идея о свободѣ, равенствѣ и братствѣ—эта фата моргана народовъ нашего времени.

Задачи арміи, ея права и обязанности остались тѣже, но пути къ ихъ исполненію стали другіе. Техника нашего огнестрѣльнаго оружія повела за собой полное измѣненіе тактики; равнымъ образомъ и измѣнившійся духъ народа требуетъ теперь другихъ средствъ для его воспитанія и образованія, и разъ мы должны были окончательно отрѣшиться отъ установившихся формъ тактики, чтобы остаться на высотѣ современнаго положенія, то должны были приспособить къ господствующему духу и средства воспитанія арміи. Въ настоящее время, когда мрачный духъ разрушенія все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ почву и грозитъ отравить здоровую душу народа; когда большая и сильная партія стремится омрачить ясный народный разумъ своими лжеученіями или ослѣпить его сказочными видѣніями; когда ненависть и зависть побуждаютъ многихъ къ безстыдной травлѣ милитаризма,—болѣе чѣмъ когда-либо необходимо черезъ посредство арміи снова вселить въ народъ живую любовь къ королю и отечеству, къ порядку и дисциплинѣ.

Но мы можемъ достигнуть этого отнюдь не съ помощью кнута, а лишь съ помощью любви, которая умѣетъ согрѣвать сердца и пробуждать сочувствіе къ идеальнымъ благамъ жизни, къ чести и долгу.

Но кто станетъ утверждать, что такая любовь

можетъ быть вколочена палкою? Кто захочетъ сомнѣваться въ томъ, что ругательства, обиды и дурное обращеніе созданы только для того, чтобы заглушить благородные задатки и замѣнить ихъ равнодушіемъ, упрямствомъ и своенравіемъ?

Ты, конечно, можешь возразить мнѣ, что наши молодые солдаты ничто иное, какъ малые дѣти. Но ты прежде всего упускаешь изъ виду, что въ ребенкѣ живетъ врожденная любовь къ родителямъ, и отцовское наказаніе никогда не является ему недозволенною жестокостью, а вполне заслуженнымъ наказаніемъ, въ которомъ ребенокъ не видитъ обиды. Затѣмъ, ты не принимаешь во вниманіе того, что армія воспитываетъ не дѣтей, а взрослыхъ сыновей народа, которые уже нѣсколько знаютъ жизнь. Если ты хочешь уподобить воспитаніе солдатъ воспитанію въ семьѣ и начальниковъ — отцамъ семейства, то долженъ сравнить солдата не съ маленькимъ ребенкомъ, а съ взрослымъ сыномъ семьи. Но какой юноша станетъ съ любовью относиться къ своему отцу, если видитъ, что съ нимъ обходятся сурово и унижительно?

Тѣлесное наказаніе оказываетъ иногда хорошее дѣйствіе на неразумнаго ребенка, но и то лишь до тѣхъ поръ, пока въ немъ не пробудилось живое чувство чести, съ которымъ палка уже не совмѣстима. Если въ иныхъ случаяхъ одна пощечина можетъ произвести въ ребенкѣ чудеса,

то въ сердцѣ юноши она въ состояніи вселить на всю жизнь ожесточеніе и вмѣсто любви развить мрачное упрямство. Но солдатъ есть юноша, находящійся при исполненіи своей почетной гражданской и государственной обязанности, и потому всякое надругательство, какой бы видъ оно ни имѣло, является для него двойнымъ оскорбленіемъ чести, способнымъ навѣки заглушить въ немъ чувство любви. Военская повинность, которая дѣлаетъ обязанностью каждаго способнаго владѣть оружіемъ, служить воиномъ своему монарху, является дѣйствительнымъ долгомъ чести, прекраснѣе котораго нельзя себѣ ничего представить; уже ради одного этого всякое ругательство и дурное обращеніе должно миновать солдата.

Если еще и встрѣчаются единичные случаи дурного обращенія, то, мнѣ кажется, слѣдуетъ разобратъ, отчего они происходятъ и какимъ образомъ ихъ можно устранить.

Въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ дурное обращеніе можно приписать врожденной суровости или необузданности, хотя я не могу отрицать того, что есть не мало унтеръ-офицеровъ, которые, выйдя изъ низшихъ слоевъ народа и достигнувъ повышенія благодаря способность къ военной службѣ, обнаруживаютъ склонности къ тираніи и упорно проявляютъ жалкій деспотизмъ, несмотря на всѣ предостереженія, увѣщанія, нака-

занія и постоянное воздѣйствіе своихъ товарищей. Такіе элементы исправить невозможно; имъ не достаесть истиннаго чувства чести, а также сердечности по отношенію къ своимъ подчиненнымъ, и лучше было бы имъ вовсе не получать нашивокъ; поэтому зло можетъ быть исправлено лишь при условіи возможно скорого увольненія ихъ отъ службы. Къ числу самыхъ рѣдкихъ случаевъ можно отнести тотъ, когда негодные подчиненные умышленно вызываютъ дурное обращеніе, съ лукавымъ расчетомъ раздражать начальника своимъ постояннымъ пассивнымъ сопротивленіемъ до тѣхъ поръ, пока онъ, забывшись, не придетъ въ ярость и такимъ образомъ очутится въ ихъ власти. Противъ этого есть лишь одно средство—обнаруженіе умысла и усиленное самонаблюденіе для обузданія своей горячности.

Но о такихъ исключительныхъ случаяхъ я не хочу и говорить; я постараюсь изслѣдовать лишь тѣ причины, которыя въ данномъ случаѣ составляютъ правило, какъ-то: недовольство и выговоры высшихъ начальниковъ, дурное поведеніе подчиненныхъ и наконецъ собственная слабость характера.

Можетъ показаться страннымъ, что я нѣкоторымъ образомъ дѣлаю начальниковъ отвѣтственными за нѣкоторые случаи дурнаго обращенія; тѣмъ не менѣе я настаиваю на своемъ утвержденіи.

Если, напримѣръ, унтеръ-офицеръ выбивается изъ силъ, обучая неповоротливаго, неловкаго рекрута и не смотря на это не достигаетъ никакого успѣха, а завѣдующій обученіемъ рекрутовъ офицеръ или ротный командиръ, вмѣсто того, чтобы оказать ему помощь и поощреніе, пробираетъ его, упрекая въ лѣности, нерадѣніи къ службѣ и тому подобныхъ порокахъ, то нечего удивляться тому, что тотъ все болѣе и болѣе злится на безтолковаго рекрута и, видя, что его труды приносятъ ему лишь одни выговоры, въ припадкѣ гнѣва доходить до истязаній. Иногда командующіе батальономъ или полкомъ, зная отвѣтственное положеніе ротныхъ командировъ, тѣмъ не менѣе весьма нелюбезно привлекаютъ капитана къ личной отвѣтственности за всѣ случаи въ ротѣ, какъ напримѣръ, если они на улицѣ встрѣтятъ солдата съ криво надѣтой шапкой, или замѣтятъ, что кто-нибудь небрежно отдалъ имъ честь; вмѣсто того, чтобы удовольствоваться простымъ сообщеніемъ о такомъ поступкѣ, они разносятъ капитана въ пухъ и прахъ; и конечно легко можетъ случиться, что послѣдній передастъ полученный выговоръ по дальнѣйшей инстанціи въ болѣе рѣзкой формѣ, пока онъ не достигнетъ формы истязанія.

Если выговоры и наставленія не могутъ служить оправданіемъ для виновнаго въ истязаніяхъ, то послѣднія должны служить начальнику на-

поминаніемъ о томъ, что нужно оставаться справедливымъ даже и при выговорахъ и не выходить изъ предѣловъ умѣренности, т. е. не избирать болѣе рѣзкой формы, чѣмъ это требуется въ данномъ случаѣ.

Люди различны между собою по складу характера и по воспитанію, вслѣдствіе этого одинаковыя причины часто производятъ различныя слѣдствія: одни выносятъ самыя рѣзкія замѣчанія съ большимъ самообладаніемъ, въ другихъ же они возбуждаютъ слѣпой гнѣвъ. Но ничто такъ легко не оскорбляетъ, какъ несправедливое порицаніе, особенно если оно связано съ жестокостью и безсердечіемъ.

Сюда нельзя отнести тѣ случаи дурного обращенія, когда даже и въ самомъ жестокомъ выговорѣ просвѣчиваетъ доброжелательство. Ни одинъ солдатъ не выйдетъ изъ себя отъ основательнаго, заслуженнаго выговора; но какъ капля точитъ камень, такъ и простой булавочный уколъ превращается наконецъ въ рану, которая оказывается въ послѣдствіи гораздо злокачественнѣе, чѣмъ острый порѣзъ. Тебѣ слѣдуетъ запомнить это во всякомъ случаѣ.

Надѣюсь, что я достаточно ясно высказался по по этому поводу, и ты изъ моихъ словъ не выведешь заключенія, что я вообще непрочъ совершенно устранить строгость изъ-за того, что она на нѣкоторыхъ дѣйствуетъ возбуждающимъ об-

разомъ; но я лишь желалъ бы, чтобы она въ данномъ случаѣ соединялась всегда съ благо-склонностью.

Отецъ, который наказываетъ своего сына потому, что ему доставляетъ удовольствіе давать сыну почувствовать свою власть, ожесточаетъ сердце своего ребенка и создаетъ между собою и имъ непроходимую пропасть; равнымъ образомъ и начальникъ, который пользуется преимуществомъ своего положенія, чтобы проявлять деспотизмъ, теряетъ довѣріе своихъ подчиненныхъ и толкаетъ ихъ на ложный путь, если желѣзная дисциплина не научила ихъ владѣть собою. И такъ, я не одобряю не самое порицаніе, являющееся необходимою и неоспоримымъ правомъ начальника, но жестокой и безсердечный способъ его выраженія; скажу даже больше: удерживаться отъ выговоровъ изъ боязни вызвать какую-либо выходку со стороны провинившагося, такъ же ошибочно, какъ и производить постоянные безсердечные выговоры, подобные повторяемымъ уколамъ, такъ какъ безъ порицанія нельзя обучить никакому дѣлу.

Теперь я хочу поговорить о дурномъ обращеніи, которое вызывается упорствомъ или небрежностью подчиненныхъ.

Если офицеръ замѣчаетъ при обученіи, что какой-нибудь солдатъ невнимательно слушаетъ его, то можетъ увлечься и дать ему пощечину; или,

если лейтенантъ присутствуетъ при стрѣльбѣ, и отъ продолжительной службы нервы его напряжены до послѣдней степени, то онъ можетъ забыться настолько, что толкнетъ человѣка, который продолжаетъ дѣлать однѣ и тѣ же ошибки; и наконецъ, если усердный офицеръ старается изо всѣхъ силъ обучить службѣ своихъ людей, но встрѣчаетъ непреодолимое препятствіе въ лицѣ одного болѣе или менѣе тупого солдата, то я могу допустить, что онъ выйдетъ изъ себя и, встрѣтивъ вдобавокъ сопротивленіе или непослушаніе, подыметъ руку для насилія. Но хотя его насиліе и имѣетъ свое оправданіе съ человѣческой точки зрѣнія, тѣмъ не менѣе извинить его нельзя, такъ какъ всякое истязаніе подчиненнаго, чѣмъ бы оно ни было вызвано, не только противорѣчитъ долгу и чести, но и доказываетъ невѣжественность человѣка, виновнаго въ насиліи.

Кто хорошо понимаетъ свои обязанности, относится съ полнымъ интересомъ къ своей службѣ и посвящаетъ ей всѣ свои силы, тотъ найдетъ всегда средство заставить своихъ подчиненныхъ охотно и со вниманіемъ заниматься своимъ дѣломъ и совершенствоваться въ немъ. Поэтому случаи дурнаго обращенія будутъ становиться тѣмъ рѣже, чѣмъ яснѣе будутъ сознать, что они ничего не достигнутъ дурнымъ обращеніемъ, такъ какъ благодаря ему болѣе плохіе эле-

менты сдѣлаются равнодушными, а хорошіе будутъ запуганы.

Само по себѣ всякое насиліе вытекаетъ изъ свойствъ характера его виновника; поэтому я скажу нѣсколько словъ о залегаящихъ въ насъ страстяхъ, между которыми вспыльчивость занимаетъ первое мѣсто. Спокойный, разсудительный офицеръ или унтеръ-офицеръ никогда не потеряетъ самообладанія, но кто не научился владѣть собой, можетъ легко быть доведенъ гнѣвомъ до такого дѣйствія, въ которомъ потомъ будетъ горько раскаиваться. До чего доводятъ вспышки гнѣва, тебѣ навѣрное часто приходилось видѣть не только въ военной, но и въ гражданской жизни. Если бы стѣны суда могли говорить, чего бы ты только не услышалъ о людскихъ страстяхъ? Остроги и исправительные дома также могли бы сказать въ этомъ случаѣ свое вѣское слово и доказать, какъ часто цвѣтущая жизнь гибнетъ отъ вспыльчивости или внезапнаго гнѣва, какъ многіе становятся преступниками изъ-за нанесеннаго въ припадкѣ гнѣва удара, оказавшагося смертельнымъ!

Пусть болѣзненно задѣваетъ тебя несправедливое, рѣзкое порицаніе начальника, пусть безчисленные булавочные уколы оскорбляютъ твое тонко развитое чувство чести, пусть раздражаетъ тебя небрежность или неповиновеніе твоихъ подчиненныхъ --- ты все-таки никогда не долженъ

переступать тѣсныя границы строгой самодисциплины, никогда ни извинять своей вспыльчивости, такъ какъ всякое, дозволенное тобою насиліе означаетъ оскорбленіе твоей чести.

Ты, конечно, спросишь: «но какъ же долженъ я, при своей вспыльчивости, избѣжать дурного обращенія»? На это ты самъ можешь дать себѣ отвѣтъ въ двухъ словахъ: «съ помощью неустанной борьбы съ самимъ собою и строгой самодисциплины». Работать надъ этимъ тебѣ, какъ человѣку съ сердцемъ и умомъ, тѣмъ легче, что ты обязанъ служить примѣромъ своимъ унтеръ-офицерамъ. Если унтеръ-офицеръ замѣчаетъ, что офицеры привлекаютъ къ себѣ солдатъ своею сердечностью, воздерживаясь отъ ругательства, обидъ и всякаго насилія, если онъ начинаетъ понимать, что солдаты, несмотря на это или даже скорѣе благодаря этому, привязываются къ нимъ и относятся къ нимъ съ истиннымъ уваженіемъ и почтительностью, если онъ видитъ, какъ люди, поддерживаемые доброжелательствомъ офицеровъ, съ усердіемъ и радостью исполняютъ свои обязанности по службѣ, не отступая передъ ея трудностями, не постарается ли онъ подражать имъ, чтобы самому приобрести такое же довѣріе, какое оказывается имъ со стороны подчиненныхъ, не убѣдится ли онъ тогда, что этимъ самъ себѣ облегчаетъ выполненіе служебнаго дѣла?

Дурное обращеніе должно исчезнуть изъ арміи и на самомъ дѣлѣ исчезнетъ, если только офицеры серьезно захотятъ этого, если каждый будетъ стараться помочь другому, если взаимное наблюденіе и воспитаніе придутъ на помощь собственной доброй волѣ. Отъ всей души желаю, чтобы сознаніе этой истины распространялось все больше и больше; поэтому я хочу еще разъ показать, какой сильный вредъ наносятъ арміи случаи дурного обращенія и какъ позорно для начальника забываться до нанесенія тяжкихъ насилій.

Вспомни то время, когда ты былъ въ школѣ: какого учителя любилъ ты больше, у какого лучше учился? Вѣроятно ты ненавидѣлъ того, который безъ толку заваливалъ тебя работою, во время уроковъ часто насмѣхался и наказывалъ тебя; съ другой стороны, ты навѣрное не только уважалъ, но и любилъ того учителя, который, при всей своей строгости, былъ съ тобою сердеченъ, терпѣливъ и вызывалъ въ тебѣ прилежаніе и внимательность. Навѣрное ты ничему не научился у перваго изъ нихъ, а если и выучился чему-нибудь, то тебя побуждалъ къ работѣ страхъ жестокаго наказанія и ты учился съ тяжелымъ чувствомъ, безъ всякаго интереса къ дѣлу; у другаго же учителя ты занимался легко и охотно, не желая огорчать его своею лѣнью, и любовь къ нему возбуждала въ тебѣ интересъ и охоту

къ ученію. То-же самое происходитъ и съ твоими воспитанниками. Своей вспыльчивостью, гнѣвомъ, ругательствами, обидами и истязаніями ты унижаешь ихъ чувство чести, уничтожаешь ихъ любовь къ тебѣ, отнимаешь у нихъ чувство довольства своимъ призваніемъ и усердіе къ дѣлу; снисхожденіемъ же, дружеской помощью, ласковымъ одобреніемъ и привѣтливостью ты поднимешь въ нихъ мужество и довѣріе къ своимъ силамъ, посѣешь въ ихъ сердцахъ любовь къ себѣ, разумными увѣщаніями и спокойнымъ поученіемъ вселишь въ нихъ радость и усердіе къ службѣ. Можешь ли ты еще колебаться, какой изъ двухъ избрать путь?

Но помимо всего этого, любовь офицера къ своему призванію усиливаетъ уваженіе общества къ военному сословію и возвышаетъ его довѣріе къ арміи.

Недостойное обращеніе съ солдатомъ увеличиваетъ для него тягость службы и заставляетъ его чувствовать себя рабомъ и слугой. Казарма кажется ему тюрьмой, лишаящей его свободы, солдатское платье—почетная одежда воина—арестанской курткой, стѣсняющей свободу движенія. Когда-то онъ шелъ на службу весело и охотно, съ радостью дожидался той минуты, когда наравнѣ съ другими удостоится исполнить свой почетный гражданскій долгъ; теперь онъ стремится всѣми силами освободиться отъ положенія, которое представляется ему кабалой. И

наоборотъ: по мѣрѣ того какъ у рекрута возрастаетъ любовь къ его высокому призванію, онъ начинаетъ считать высокою для себя честью быть солдатомъ; его сердце бьется сильнѣе при мысли объ императорѣ и имперіи, и когда онъ впоследствии возвращается резервистомъ на родину, время его службы дѣлается для него дорогимъ воспоминаніемъ, не позволяющимъ ему, какъ гражданину, измѣнять своей клятвѣ въ вѣрности.

Разумѣется первый, по возвращеніи на родину, не рассказываетъ ничего хорошаго про армію и тѣмъ укрѣпляетъ въ сердцѣ народа ненависть, которую сѣютъ наши враги. Видя, съ какимъ удовольствіемъ враждебная государству партія подробно обсуждаетъ въ рейхстагѣ всякій случай дурнаго обращенія и разглашаетъ его всему свѣту путемъ печати, ты убѣдишься, что всякій даже отдѣльный случай злоупотребленія бросаетъ тѣнь на армію и увеличиваетъ число ея враговъ, и это докажетъ тебѣ необходимость побороть свою вспыльчивость во что бы то ни стало.

Для тебя это не будетъ трудно, если ты поймешь, что всякое насиліе заключаетъ въ себѣ нѣкоторый родъ малодушія. Ты навѣрное совсѣмъ не предполагалъ этого? Но не малодушно ли нападать на беззащитнаго, и не беззащитенъ ли твой подчиненный по отношенію къ тебѣ? Ему остается лишь право жалобы послѣ совершенія насилія, но противъ самого насилія онъ вполнѣ

беззащитенъ, такъ какъ всякое сопротивленіе влечетъ за собой строжайшее наказаніе. Какъ же ты, который долженъ быть блестящимъ примѣромъ мужества, храбрости и великодушія, унижаешься до малодушія? Постараюсь яснѣе выразить тебѣ свою мысль, такъ какъ предвижу твое возраженіе, что ты поступаешь такъ не намѣренно, а лишь вслѣдствіе вспыльчивости, вынуждающей тебя на безразсудные поступки. На это я спрошу тебя: почему ты никогда не теряешь разсудительности передъ своимъ начальникомъ? Почему ты въ этомъ случаѣ можешь всегда имѣть власть надъ собой, надъ своей вспыльчивостью, хотя бы твоя чувствительность и достигла высокой степени? Если бы твою вспыльчивость дѣйствительно нельзя было побороть, то она должна была бы непременно проявиться и при столкновеніи съ высшими тебя, а между тѣмъ, я никогда не слыхалъ о дурномъ обращеніи съ начальникомъ или, какъ принято говорить, о насиліи надъ начальникомъ со стороны офицера или унтеръ-офицера. Ты видишь, стало быть, что твое возраженіе рушится само сабою.

Но ты унижаешь себя своимъ дурнымъ обращеніемъ еще и потому, что оно заключаетъ въ себѣ непослушаніе. Его величество императоръ неоднократно указывалъ на преступность дурного обращенія, и законъ налагаетъ за такіе проступки строгое наказаніе. Это наводитъ меня на

вопросъ, способенъ ли начальникъ, какъ бы высоко онъ ни стоялъ, занимать свой постъ, если онъ позволяетъ себѣ доходить до тяжкихъ насилій? и чѣмъ выше онъ поставленъ, тѣмъ серьезнѣе дѣлается этотъ вопросъ. Кто строго смотритъ на обязанности начальника, тотъ безъ сомнѣнія пойметъ, что на этотъ вопросъ нужно отвѣтить отрицательно, имѣя въ виду то, что самая важная обязанность есть забота о благѣ своихъ подчиненныхъ. Если онъ долженъ подвергнуть справедливому наказанію виновнаго солдата, то въ его власти также и охранить его отъ наказанія путемъ своевременнаго напоминанія, наставленія и предостереженія.

И такъ дурное обращеніе влечетъ за собою лишь вредъ и покрываетъ позоромъ виновнаго который вдобавокъ отдается этимъ во власть своего подчиненнаго; послѣдній всецѣло держитъ его въ рукахъ: если онъ принесетъ жалобу, то за несправедливость слѣдуетъ наказаніе, если же не пожалуется, то дѣло становится еще хуже, такъ какъ тогда начальникъ зависитъ отъ милости подчиненнаго. Какое унижительное, постыдное положеніе! Поэтому старайся во чтобы то ни стало обуздать свою вспыльчивость и подавить безразсудные порывы гнѣва. Закончу эту главу стариннымъ увѣщаніемъ: «Воспитывай самого себя, иначе ты не въ состояніи будешь съ успѣхомъ воспитать другихъ».

ДЕВЯТОЕ ПИСЬМО.

Достойное поведеніе внѣ службы.

Общій обзоръ.—Выборъ знакомства и удовольствій.—
Скромность.—Рыцарство.—Вліяніе старшихъ товарищей.
Заключеніе.

Мой милый сынъ!

Исполняя данное мною обѣщаніе побесѣдовать съ тобою касательно честнаго поведенія внѣ службы, приступаю къ этому безъ дальнѣйшаго предисловія.

Чего именно требуетъ отъ тебя выше-упомянутый долгъ, говорится во введеніи къ постановленіямъ о судахъ чести въ слѣдующихъ словахъ; «Она, т. е. честь требуетъ, чтобы и во внѣшней жизни офицера выражалось достоинство, вытекающее изъ сознанія принадлежности къ сословію, которому ввѣрена защита престола и отечества. Офицеръ долженъ стремиться выбирать себѣ только тотъ кругъ знакомства, гдѣ господствуютъ хорошіе нравы, и находясь въ общественныхъ мѣстахъ, отнюдь не упускать изъ виду, что онъ является не только образованнымъ человѣкомъ, но и носителемъ чести и высшаго долга своего сословія. Офицеръ долженъ воздерживаться отъ всѣхъ поступковъ, которые могутъ повредить репутаціи отдѣльнаго

лица или цѣлой корпораціи, въ особенности же отъ всякаго разгула, пьянства, азартной игры, вступленія въ какія бы то ни было обязательства, могущія набросить хотя бы малѣйшую тѣнь на его поступки, рискованной биржевой игры, участія въ неблагоприятныхъ торговыхъ предпріятіяхъ и вообще отъ всякаго стремленія къ наживѣ сомнительными путями. Онъ никогда не долженъ легкомысленно давать честное слово.

Съ другой стороны, чѣмъ больше распространяются кругомъ роскошь и нѣга, тѣмъ настоятельнѣе долгъ офицерскаго сословія никогда не забывать, что высокое положеніе въ государствѣ и обществѣ пріобрѣтено и поддерживается имъ не съ помощью матеріальныхъ средствъ.

«Чѣмъ усерднѣе корпусъ офицеровъ будетъ поддерживать духъ товарищества и корпораціи, тѣмъ легче ему будетъ предупредить неприятности, возникающія при стараніи возвратить на путь истинный сбившихся съ него товарищей, и избѣгать бесполезныхъ столкновеній и недостойныхъ ссоръ».

«Справедливое чувство собственнаго достоинства отнюдь не должно обращаться у офицера въ недостатокъ уваженія къ другимъ сословіямъ или высококомѣрное къ нимъ отношеніе».

Хотя приведенными выше словами воля государя выражена такъ ясно и убѣдительно, что безусловно всякій долженъ понять ее и разо-

браться въ томъ, что справедливо и что несправедливо; но я хорошо знаю, что юношество не предается изученію съ заботливостью старцевъ и иногда легко пропускаетъ самое важное. Поэтому я ставлю себѣ задачей подробнѣе коснуться тѣхъ пунктовъ, на которые я хотѣлъ бы обратить твое вниманіе, и которые я еще не затронулъ въ прежнихъ письмахъ.

Ты принадлежишь къ почетному сословію и поэтому долженъ постоянно помнить о томъ, что ты у всѣхъ на виду. Каждый знаетъ, что тебѣ дорога репутація твоего сословія и твоя собственная, потому что ты проявляешь осторожность въ выборѣ знакомства и избѣгаешь всего, что противно твоей чести и чести твоего сословія. Такъ нѣкоторые наблюдаютъ за тобою съ извѣстнымъ недоброжелательствомъ, дожидаясь лишь случая, когда ты обнаружишь свою слабую сторону, чтобы повредить твоему доброму имени, и въ своей зависти иногда даже доходятъ до клеветы. Другіе, наоборотъ, смотрятъ на тебя, какъ на свѣтлый образецъ благородства и порядочности и стремятся подражать тебѣ; словомъ, такъ или иначе, ты живешь на глазахъ у всѣхъ. Но если число тѣхъ, кто радуется твоему почету, ничтожно въ сравненіи съ массой твоихъ завистниковъ и недоброжелателей, то это обязываетъ тебя быть вдвойнѣ осторожнымъ

въ своихъ поступкахъ и особенно въ выборѣ знакомства. «Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, и я скажу тебѣ, кто ты таковъ». Это старая мудрая поговорка и ты долженъ всегда помнить ее. Высокія обязанности твоего званія обязываютъ тебя искать знакомствъ лишь въ лучшихъ кругахъ общества и притомъ въ такихъ семьяхъ, въ которыхъ сохранилась истинная вѣрность престолу и отечеству, готовая на всякія жертвы. Подъ словомъ «лучшій кругъ общества» я подразумеваю не только общественное положеніе главы семейства, сколько благородство его образа мыслей. Я никогда не перестану утверждать, что честный, исполняющій свой долгъ и преданный своему королю человѣкъ изъ простого званія можетъ составить для тебя болѣе подходящее знакомство, чѣмъ какая-нибудь титулованная особа съ запятаннымъ гербомъ или знатный политическій дѣятель, въ безумномъ ослѣпленіи забывшій законъ и порядокъ, такъ какъ знакомство съ первымъ не нанесетъ вреда твоему образу мыслей; общеніе же съ послѣднимъ грозитъ серьезной опасностью поколебать или даже совсѣмъ погубить твою честность.

Разумѣется, съ твоей стороны будетъ вполне естественно избирать себѣ близкихъ знакомыхъ и друзей не изъ среды народа, а изъ круга людей одинаковаго съ тобой положенія; но при этомъ ты долженъ руководиться не блескомъ

имени, званія или состоянія, а лишь благородствомъ образа мыслей.

Такимъ образомъ, если ты, кромѣ живого обращенія съ товарищами, путемъ строгаго выбора создашь себѣ кругъ порядочнаго знакомства, то найдешь защиту противъ всякихъ внутреннихъ и внѣшнихъ искушеній.

Нужно принять во вниманіе то, что, если и при тихой замкнутой жизни каждый отдѣльный человѣкъ не вполне свободенъ отъ всякаго рода искушеній, то насколько должны быть они сильнѣе въ цѣломъ обществѣ!

Ты имѣешь полное право и возможность наслаждаться удовольствіями, отдыхомъ и смѣшной впечатлѣній, твой прямой долгъ строго изслѣдовать, дѣйствительно ли они разумны и полезны для тебя; часто бываетъ, что наслажденіе оказывается весьма кратковременнымъ и ведетъ за собою горькое и продолжительное раскаяніе. Если они являются для тебя дѣйствительнымъ отдыхомъ, отъ котораго крѣпнетъ твое тѣло и душа для новой серьезной работы, тогда смѣло пользуйся ими, какъ союзниками; если же въ основѣ ихъ лежитъ лишь удовлетвореніе чувственности, если они ни что иное, какъ пустое возбужденіе, за которымъ слѣдуетъ расслабленіе или даже отвращеніе къ самому себѣ, твердо борись съ ними во что бы то ни стало до окончательной побѣды.

Такія удовольствія, какъ пьянство и чувственныя наслажденія, охота и погоня за наживой съ помощью азартной игры и другихъ безчестныхъ средствъ, страсть къ роскоши и нѣгѣ, къ развлеченіямъ въ сомнительныхъ театрахъ, ресторанахъ и т. д., должны быть отвергнуты тобою окончательно. Если ты всегда живешь только данной минутой и думаешь лишь о томъ, чтобы изъ каждаго часа, какъ пчела изъ цвѣтка, извлечь сладость наслажденія, если ты легкомысленно тратишь время, не заботясь о будущемъ, то въ тебѣ притупляется чувство чести, и когда встрѣтятся непредвидѣнныя опасности, ты безъ зазрѣнія совѣсти ухватишься за первое попавшееся средство, лишь бы не лишиться привычныхъ наслажденій; если же больше не остается никакихъ средствъ, то ты съ тѣмъ же легкомысліемъ стараешься покончить свою жизнь самоубійствомъ.

Люди, ведущіе такой образъ жизни, хотя бы они и стояли высоко во мнѣніи себѣ подобныхъ, не должны составлять твоего знакомства, такъ какъ участіе въ ихъ нездоровыхъ наслажденіяхъ можетъ незамѣтно превратить тебя въ игрока и расточителя, сластолюбца и развратника, и даже толкнуть тебя на преступленіе.

Отъ такихъ непозволительныхъ удовольствій предохранить тебя знакомство съ людьми и семьями, гдѣ царитъ благородное приличіе, доб-

рые нравы и истинная честь. Ничто такъ не способно повліять на весь складъ твоихъ воззрѣній, какъ примѣръ другихъ, особенно если онъ не составляетъ единичнаго явленія, а дѣйствуетъ изо дня въ день въ продолженіе долгаго времени. Незамѣтно, если ты только не постоянно наблюдаешь за собой, тебя увлекаетъ примѣръ тѣхъ, въ кругу которыхъ ты ежедневно вращаешься; ихъ болтовня и поступки въ началѣ, быть можетъ, даже сердятъ тебя, но вскорѣ невольно понуждаютъ тебя къ подражанію, становятся твоей привычкой, и ты дѣлаешься все болѣе и болѣе похожимъ на этихъ людей, хотя они, быть можетъ, такъ же мало имѣли намѣреніе повліять на тебя, какъ мало ты думалъ о томъ, чтобы подпасть ихъ вліянію.

Я снова возвращаюсь къ скромности, которой коснулся уже раньше по поводу служебныхъ дѣлъ, но которая не менѣе необходима и внѣ службы. Какъ каждое семейство хранить въ глубочайшей тайнѣ всѣ домашнія непріятности, такъ и ты долженъ молчать о всѣхъ случаяхъ, касающихся исключительно корпораціи офицеровъ и въ этомъ случаѣ являющихся для тебя такими же семейными дѣлами. Ты знаешь, что никто не окруженъ до такой степени завистью и недоброжелательствомъ, какъ офицеръ; ты знаешь также, что твои враги слѣдятъ за тобой только для того, чтобы узнать твои ошибки, а не добрые

поступки; отсюда само собой понятно, что ты долженъ сохранять глубокое молчаніе по поводу всѣхъ внутреннихъ дѣлъ своей офицерской семьи. Несмотря на это, слишкомъ часто случается, что въ обществѣ распространяются слухи о дѣлахъ, которыя на самомъ дѣлѣ могли и должны были остаться тайной въ нѣдрахъ офицерскаго корпуса. Причиной этому или то, что ты, довѣряясь скромности твоихъ родственниковъ, проболтался въ семейномъ кругу, или то, что данный случай обсуждался въ какомъ-нибудь общественномъ мѣстѣ при нежелательныхъ и незамѣченныхъ свидѣтеляхъ. Но какъ бы то ни было, упрекъ въ неосторожности относится не къ одному нескромнымъ болтунамъ, но и ко всему корпусу офицеровъ.

Каковы послѣдствія такого недостатка скромности, ты можешь легко узнать изъ всевозможныхъ отдѣльныхъ случаевъ, докладываемыхъ въ рейхстагъ или обсуждаемыхъ прессой вслѣдствіе злорадства нашихъ враговъ, которые съ истиннымъ удовольствіемъ распространяють слышанное, прикрашивая или окончательно искажая его. Когда я былъ молодымъ лейтенантомъ, въ корпусѣ офицеровъ царила такая строгая скромность, что даже самое ничтожное происшествіе не выходило изъ тѣсныхъ предѣловъ офицерскаго кружка; и когда я какъ-то спросилъ одного офицера изъ другого полка, почему такой-

то лейтенантъ получилъ отставку, то онъ отвѣтилъ: «объ этомъ я ничего не говорю».

Такъ и должно быть потому, что скромность есть украшеніе человѣка; молчаніе можетъ быть нарушено лишь тогда, когда дѣло идетъ о защитѣ чести отдѣльныхъ лицъ или цѣлаго сословія.

Ты никогда не долженъ забывать, что ты рассказываешь не свои личные секреты, когда говоришь о своихъ начальникахъ, товарищахъ или о своей офицерской корпораціи, а предаешь гласности чужія тайны, которыя самъ узналъ лишь благодаря извѣстнымъ обстоятельствамъ. И видя, какія тяжелыя послѣдствія влечетъ за собой такая вѣтренная болтовня, ты долженъ понять, какъ далеко ты уклоняешься отъ правилъ честнаго поведенія, если не соблюдаешь молчанія. И потому слѣди за собой и будь остороженъ въ своихъ рѣчахъ.

Но не одни твои дѣйствія, а и твое отношеніе къ чужимъ поступкамъ можетъ быть противнымъ истинной чести.

Что до сихъ поръ отличало молодого офицера отъ его сверстниковъ изъ другихъ сословій,— это высокій духъ истиннаго рыцарства, которое украшало всякаго, даже самаго юнаго лейтенанта; безъ этого рыцарскаго духа былъ бы немислимъ ни одинъ офицеръ; онъ создалъ ему выдающееся положеніе въ обществѣ, которое открываетъ ему двери всякаго дома.

Кто видѣлъ, чтобы офицеръ, находясь въ обществѣ, когда-нибудь не поклонился дамамъ, былъ къ нимъ невнимателенъ или нелюбезенъ, не былъ бы готовъ на всякую рыцарскую услугу? Кто видѣлъ хоть одного лейтенанта, который безучастно смотрѣлъ бы на танцы, прислонившись къ дверямъ бальной залы? Мыслимо ли, чтобы молоденькая дѣвушка вяла, какъ цвѣтокъ, у стѣны, пока оставался хоть одинъ нетанцующій лейтенантъ? А теперь? Не только сигара въ курительной комнатѣ составляетъ болѣе могущественную, притягательную силу, чѣмъ самая очаровательная молодая барышня въ гостиной, не только на танцы смотрятъ, какъ на несносный, давно отжившій остатокъ старины, но материализмъ такъ охватилъ нѣкоторыхъ, что успѣхъ какого-нибудь общественнаго удовольствія измѣряется не предложенными духовными наслажденіями, а только качествомъ кухни. На вопросъ: «каковъ былъ вчера вечеръ?» теперь не отвѣчаютъ: «было очень пріятно», но говорятъ: «былъ хорошій ужинъ».

Многіе, конечно, не согласятся со мной въ этомъ отношеніи, но несомнѣнно еще больше такихъ, которые смотрятъ на эти вещи также, какъ и я. И ты, мой другъ, содѣйствуй въ свою очередь тому, чтобы старый рыцарскій духъ не исчезалъ въ офицерствѣ; пусть старшіе не пе-

рестаютъ служить образцомъ для младшихъ, а младшіе подражать имъ.

Но и нѣкоторые изъ старшихъ офицеровъ съ теченіемъ времени стали равнодушны въ этомъ отношеніи; такъ, когда я недавно жаловался одному изъ нихъ на то, что старый рыцарскій духъ начинаетъ уже исчезать, то онъ мнѣ отвѣтилъ: «Что же дѣлать! это знаменіе времени,—старинныя формы и обычаи отжили, теперь не тѣ времена—не тѣ задачи».

Я уже утверждаю, что это сужденіе далеко неправильно, такъ какъ мы сами управляемъ духомъ времени и кладемъ на него печать своего склада жизни. Не отъ духа времени погибаютъ добрые старые обычаи, но отъ нашей склонности къ комфорту и наслажденіямъ, отъ нашего эгоизма и самолюбія. И если новое время безспорно требуетъ новыхъ жизненныхъ задачъ, то все же никогда не должно вполне исчезнуть все старое, а наоборотъ, должно поддерживаться и поощряться то, что было въ немъ дѣйствительно хорошо.

Это дѣлается само собою, если старшіе офицеры, строго выполняя обязанность, возложенную на нихъ постановленіемъ о судахъ чести, воспитываютъ своихъ младшихъ товарищей съ помощью примѣра, увѣщанія и наставленія, а эти послѣдніе, слѣдуя указанному въ томъ же постановленіи долгу, охотно слушаютъ первыхъ и

такимъ образомъ позволяютъ имъ воздѣйствовать на свое воспитаніе. При такихъ условіяхъ, время никогда не искоренитъ благовоспитанности и рыцарскаго духа, который умѣстенъ и въ салонѣ, и въ дружеской бесѣдѣ, и въ другихъ общественныхъ сношеніяхъ.

Вотъ что говорится во введеніи къ упомянутому мною нѣсколько разъ постановленію: «Правила этого постановленія имѣютъ цѣлью способствовать поддержанію рыцарскаго духа въ офицерскомъ сословіи». Поэтому несомнѣнно, что тотъ офицеръ, который не проявляетъ во всѣхъ своихъ поступкахъ истиннаго духа рыцарства, удаляется также и отъ истинной чести.

И такъ я обращаюсь къ тебѣ и всѣмъ офицерамъ: Воспитывайте въ себѣ рыцарскій духъ, сдѣлайте корпусъ офицеровъ разсадникомъ добрыхъ нравовъ, благородства, услужливости и вѣжливости. Твердо держитесь завѣтовъ добраго стараго времени, не давайте доступа въ ваши сердца новому духу, питающему недовольство и сѣющему раздоръ!

ДЕСЯТОЕ ПИСЬМО.

Д о л г и.

Введеніе.—Происхожденіе долговъ.—Недостатокъ воспитанія.—Слабость характера и легкомысліе.—Несчастные случаи.—Долги на честное слово.—Веденіе расходовъ.—Наличный платежъ.—Нравственная сила.—Азартъ.—Легкомысліе.—Работа.—Праздность.—У кого я занимаю.—Степень долга.—Уплата долговъ.—Заключеніе.

Мой милый сынъ!

Ты уже навѣрное получилъ высланную мною по почтѣ сумму, которую просилъ у меня, и теперь освободился отъ своей тяжелой заботы. Но я не скрою отъ тебя того, что затруднительное положеніе, въ которое ты попалъ единственно по своей винѣ, причинило мнѣ много горя, хотя я, разумѣется, былъ отъ души готовъ помочь тебѣ.

Я далекъ отъ намѣренія дѣлать тебѣ какіе-либо выговоры, но это не потому, что я вспоминаю при этомъ свою молодость или нахожу естественнымъ, что ты такъ скоро истратилъ свои деньги, а лишь потому, что ты прежде всего обратился ко мнѣ съ честною откровенностью, доказывающею полное ко мнѣ довѣріе. Я конечно не такъ ослѣпленъ, чтобы судить каждый невѣрный шагъ, такъ какъ слишкомъ хорошо сознаю собственную слабость: какъ бы смѣлъ я рассчитывать на снисхожденіе къ самому себѣ,

если бы съ холоднымъ сердцемъ сурово потрясалъ мечемъ правосудія? Я слишкомъ хорошо знаю, что и самый прочный корабль не всегда можетъ вынести бури, даже если его направляетъ искусный, закаленный въ непогодахъ кормчій; хорошо знаю, что одинъ положенный на дорогѣ камень сбрасываетъ съ рельсъ цѣлый увѣренно идущій поѣздъ,—какъ же мнѣ, въ такомъ случаѣ не бояться за слабое, грѣшное сердце человека, если въ водоворотѣ жизни его обступаютъ искушенія, хотя бы этимъ сердцемъ и управляла твердая воля.

Поэтому я не могу сурово и безсердечно судить о какомъ-нибудь проступкѣ; но осуждаю его въ томъ случаѣ, если онъ, благодаря потворству, разрастается до преступленія противъ закона и чести, долга и совѣсти. Я одинаково не могу сочувствовать ни тому отцу, который, не принимая въ расчетъ обстоятельствъ и случая, бранить павшаго сына жестокими словами или даже лишаетъ его своей помощи въ бѣдѣ,—ни тому сыну, который злоупотребляетъ добротою и снисхожденіемъ своего отца и вмѣсто того, чтобы показать себя достойнымъ ихъ, еще больше разнуждываетъ себя.

Ты выразилъ непоколебимую увѣренность въ томъ, что я охотно помогу тебѣ словомъ и дѣломъ: на это я отвѣчаю тебѣ увѣренностью въ твоей честности, которая ввиду твоей ошибки

должна сдѣлать тебя серьезнѣе, тверже и осторожнѣе, такъ что результаты твоего нерадѣнія могутъ оказаться для тебя благодѣтельными.

Поэтому, если я по поводу твоего легкомыслія побесѣдую о долгахъ, то несомнѣнно пойду этимъ навстрѣчу твоему собственному желанію, наводя тебя на серьезное размышленіе объ этомъ вопросѣ и побуждая вліять въ этомъ же направленіи и на товарищей.

Долги имѣютъ различное происхожденіе; причинами ихъ могутъ быть несовершенное воспитаніе, склонность къ жизни не по средствамъ, беспечность и легкомысліе, ведущее къ игрѣ, пьянству и другимъ излишествамъ, заканчивающимся иногда тяжелымъ несчастіемъ. Слѣдовательно, между долгами, хотя бы они были очень сходны по своимъ послѣдствіямъ, есть существенная разница, и потому они, естественно, заслуживаютъ различной степени порицанія. Безъ сомнѣнія тотъ, кто вслѣдствіе цѣлаго ряда несчастій, впалъ въ долги, не заслуживаетъ никакого порицанія, даже въ томъ случаѣ, если сумма его долговъ и достигла значительной степени. Но вполне достоинъ упрека тотъ, у котораго долгъ, хотя бы и самый незначительный, возникъ благодаря его легкомыслію.

Попытаюсь доказать свои утвержденія.

Очень часто сыновья пускаются въ свѣтъ, не зная цѣны деньгамъ, не научившись распоря-

жаться ими; многіе, воспитанные въ домѣ родителей, живущихъ на широкую ногу, привыкшіе къ извѣстной роскоши и потерявшіе чувство умѣренности или даже вовсе не знавшіе его, начинаютъ самостоятельную жизнь съ небольшими средствами и не имѣютъ достаточно силы воли, чтобы отказаться отъ прежней жизни и примѣниться къ новымъ условіямъ. Я называю это несовершеннымъ воспитаніемъ, жертвой котораго пало не мало способныхъ и честныхъ офицеровъ. Во всякомъ дѣлѣ нужно имѣть знаніе и навыкъ; поэтому я считаю безусловнымъ долгомъ родителей съ раннихъ лѣтъ приучать дѣтей вести счетъ деньгамъ, чтобы они знали какъ ихъ силу, такъ и ихъ опасность.

Кто ребенкомъ никогда не имѣлъ своихъ карманныхъ денегъ или не могъ свободно распоряжаться ими, кому, слѣдовательно не представлялось случая по своему желанію увеличивать сбереженія или уменьшать ихъ расходами, тотъ не можетъ научиться наукѣ жизни, не заплативъ соотвѣтственно высокую плату за обученіе.

Я держусь того взгляда, что каждый ребенокъ долженъ получать опредѣленную, хотя и незначительную сумму денегъ, съ правомъ располагать ими по своему усмотрѣнію; для того же, чтобы научиться распоряжаться ими, онъ долженъ отдавать въ нихъ отчетъ отцу или матери, но разумѣется не съ тѣмъ, чтобы подвергаться

выговорамъ или наказанію за случайныя ошибки, а чтобы извлечь изъ нѣжнаго родительскаго совѣта полезное для себя наставленіе.

Я считаю отличнымъ воспитательнымъ средствомъ, чтобы ребенокъ получалъ на свои школьныя издержки, т. е. на покупку тетрадей, карандашей, перьевъ и т. п., смотря по классу, большую или меньшую сумму карманныхъ денегъ, съ которыми и долженъ хозяйничать самъ. Чѣмъ небрежнѣе обходится онъ со своими тетрадями, тѣмъ чаще будетъ являться необходимость возобновлять ихъ и тѣмъ меньше у него останется денегъ для себя лично. Такимъ образомъ ребенокъ до извѣстной степени пойметъ цѣну денегъ и скоро узнаетъ, что при разумной бережливости можно всегда сберечь что-нибудь даже и изъ ничтожнаго дохода; и если родители употребятъ всѣ старанія показать своему ребенку, какъ велико удовольствіе доставлять радость другимъ, то такая бережливость не поведетъ его ни къ скупости, ни къ эгоизму, а лишь къ умѣренности въ расходахъ на свои собственные нужды, къ разумному ограниченію своихъ желаній и прихотей, съ другой стороны научить его давать отъ всего сердца другимъ.

Если не будутъ примѣняться эти средства, то нечего удивляться тому, что сыновья порядочныхъ семействъ, какъ говорится, представляютъ собой вырождающіеся типы. Еще вреднѣе

дѣйствуетъ выдача значительной суммы карманныхъ денегъ безъ отчета въ ихъ употребленіи; но самое худшее вліяніе на развитіе характера оказываетъ то, когда родители, соотвѣтственно своему состоянію или доходу, живутъ большимъ домомъ и заставляютъ дѣтей принимать участіе въ ихъ роскоши, хотя и знаютъ, что сыновья ихъ, въ послѣдствіи, предоставленные самимъ себѣ, не будутъ въ состояніи вести подобной жизни. Они выросли, пріучившись къ роскоши, комфорту и нѣгѣ, привыкнувъ ни въ чемъ не отказывать себѣ; цѣнность денегъ осталась имъ неизвѣстна; не естественно ли, что они дѣлаютъ долги, чтобы продолжать ту жизнь, къ которой привыкли?

Такіе долги являются тяжелымъ упрекомъ для родителей. Разумѣется, отъ каждаго человѣка должно требовать, чтобы онъ, вникнувъ серьезно въ свое положеніе, самъ нашелъ надлежащій изъ него выходъ; разумѣется человѣкъ никогда не долженъ оправдывать себя своимъ несовершеннымъ воспитаніемъ; но и родители не могутъ избавиться отъ нареканія за неисполненіе своего долга и должны принять несчастіе сына, какъ справедливое наказаніе за свою небрежность или беспечность. Дѣтская есть фундаментъ, на которомъ создается характеръ, и кто-то не безъ основанія сказалъ: «колыбель народовъ находится въ дѣтской». Ни одинъ отецъ или мать не должны забывать этого.

Но если долги не являются, какъ было сказано, слѣдствіемъ извѣстнаго склада жизни съ дѣтства, а вытекаютъ изъ безумнаго стремленія къ беспорядочнымъ удовольствіямъ, то и здѣсь въ нѣкоторыхъ случаяхъ виной является воспитаніе, напримѣръ, когда слабая мать скрывала отъ отца легкомысленные поступки сына или когда самъ отецъ не придавалъ имъ большого значенія, или, наконецъ, когда ребенку не доставало хорошаго примѣра. Обыкновенно же такіе долги являются слѣдствіемъ недостатка энергіи; желаніе прослыть богачомъ, опасеніе показаться смѣшнымъ или скрягой, живя скромно по своимъ средствамъ, стремленіе приобрѣсти репутацію щедраго, лихого малаго, влеченіе къ внѣшнему блеску, нѣтъ, женщинамъ, вину и картамъ заглушаютъ всякую энергію, всякое благородное стремленіе, украшающее человѣка, и жалкій сластолюбецъ становится подобенъ тонкому тростнику, который колеблется отъ самаго тихаго дуновенія вѣтра.

Долги, являющіеся слѣдствіемъ страстей, позорны для каждаго и тѣмъ болѣе для офицера. Если истинная честь требуетъ отъ тебя, чтобы ты проявлялъ ее во всѣхъ своихъ поступкахъ и образѣ мыслей, то само собой разумѣется, что каждый долгъ, который ты дѣлаешь вслѣдствіе беспорядочной жизни, пятнаетъ твою честь и это пятно остается на ней все время, пока ты нахо-

дишься подъ бременемъ долговъ въ зависимости отъ своихъ кредиторовъ. Слѣдовательно, каждый такой долгъ есть долгъ чести.

Нерѣдко долги являются слѣдствіемъ какого-нибудь несчастнаго случая и тогда, разумѣется, они не затрагиваютъ чести должника. То продолжительная болѣзнь потребовала много непредвидѣнныхъ расходовъ, которые не могутъ быть покрыты ни сбереженіями, ни доходами; то пожаръ уничтожилъ имущество и убытокъ не можетъ быть возмѣщенъ страховымъ вознагражденіемъ, то явились потери вслѣдствіе кражи или тому подобнаго несчастія, противъ которыхъ человѣкъ оказывается безсиленъ. Но и въ этихъ случаяхъ всякій долгъ есть долгъ чести, и, чтобы не запятнать ее, офицеръ долженъ употребить всѣ свои силы на то, чтобы погасить его, какъ можно скорѣе. Ты, безъ сомнѣнія, обратилъ вниманіе на то, что всякій долгъ офицера я называю долгомъ чести, и ты, разумѣется; пожелаешь узнать пообстоятельнѣе разницу между долгами вообще и долгами чести; постараюсь помочь тебѣ въ этомъ.

Всѣ долги, какого бы рода они ни были, требуютъ отъ тебя, на основаніи вышеизложенныхъ причинъ, возможно скорого погашенія. Всякое излишнее замедленіе уменьшаетъ довѣріе, оказываемое твоей честности. Въ этомъ смыслѣ всякій долгъ можетъ, разумѣется, назваться долгомъ чести; но не трудно понять, что честь стра-

даетъ тѣмъ въ большей степени, чѣмъ постыднѣе причина происхожденія долга. Изъ этого видно, что кромѣ такъ называемыхъ долговъ на честное слово, къ долгамъ чести должны быть причислены и карточные долги. Военнымъ уставомъ и постановленіемъ о судахъ чести азартныя игры безусловно воспрещены офицерамъ; если же ты не обратишь вниманіе на это воспрещеніе, то совершишь проступокъ противъ долга и чести, и возникшіе благодаря этому долги будутъ въ особенности долгами чести, скорое погашеніе которыхъ должно составлять важнѣйшую твою заботу. Къ подобнымъ долгамъ чести я причисляю еще—и думаю, что большая часть офицеровъ раздѣляетъ мой взглядъ—всѣ долги деньщику, прачкѣ, домохозяину, мелкому ремесленнику и т. п. Начальнику строго воспрещено занимать у подчиненнаго, и хотя я не допускаю, чтобы офицеръ сдѣлалъ когда-нибудь такую ошибку, тѣмъ не менѣе довольно часто случается, что деньщикъ платитъ за своего лейтенанта и такимъ образомъ совершается косвенный заемъ. Но такого рода поступокъ не можетъ быть одобренъ даже и въ томъ случаѣ, если офицеръ своевременно заплатилъ выданныя деньщикомъ деньги. Если деньщикъ долженъ вести расходы, то необходимо давать ему деньги вдругъ; израсходовавъ ихъ, онъ долженъ отдать въ нихъ отчетъ и получить новый авансъ.

Уплата расходовъ деньгами деньщика есть, разумѣется, тотъ же заемъ, лишь въ иной формѣ, такъ какъ совершенно одинаково, получаешь ли ты наличныя деньги, чтобы купить на нихъ товаръ, или вмѣсто денегъ получаешь прямо товаръ. Такіе поступки роняють твою честь и честь всего сословія, тѣмъ болѣе, что деньщикъ не смѣетъ отказать тебѣ въ займѣ, боясь оскорбить тебя недостаткомъ довѣрія. Тоже происходитъ и съ прачкой, и съ домохозяиномъ, и съ мелкимъ ремесленникомъ, которые открываютъ тебѣ кредитъ, относясь съ тѣмъ же довѣріемъ къ твоей честности и молчатъ до тѣхъ поръ, пока можно, такъ какъ боятся жаловаться, чтобы не потерять часть своихъ заказчиковъ, другими словами, считаютъ себя вынужденными давать тебѣ въ займы. Если же ты не выполняешь по отношенію къ нимъ своихъ обязательствъ, то помимо того, что лишаешься самъ чести, ты наносишь вредъ репутации всего твоего сословія, такъ какъ несомнѣнно, что эти люди не стануть молчать въ подобныхъ случаяхъ и своими разказами набросать тѣнь на всю корпорацію офицеровъ. Кромѣ того ты не долженъ забывать, что для подобныхъ людей заработокъ представляетъ единственныя средства къ жизни, что они вовсе не въ состояніи оказывать тебѣ кредитъ и что твоей небрежностью ты наносишь прямой вредъ ихъ матеріальному благосостоянію; слѣдовательно тебѣ должно

быть ясно, что происхожденіе такихъ долговъ оскорбляетъ честь и что они по праву должны быть причислены къ долгамъ чести.

Указавъ тебѣ значеніе долговъ, я считаю своею обязанностью указать и средства къ избѣжанію ихъ. Такихъ средствъ два: правильное расходование денегъ и нравственная сила.

Ты получаешь каждый мѣсяцъ определенное жалованье и прибавку отъ отца, отчисляя изъ нихъ ежемѣсячные вычеты, которые колеблются лишь въ незначительныхъ предѣлахъ, такъ что тебѣ должна быть строго извѣстна цифра твоего дохода. Это съ самого начала облегчаетъ веденіе хозяйства, такъ какъ ничто не содѣйствуетъ до такой степени точному распределенію расходовъ, какъ вычисленія съ извѣстными величинами, а съ другой стороны ничто такъ не затрудняетъ разсчета, какъ неопредѣленность дохода. Кромѣ твоего дохода, ты изъ опыта долженъ знать сумму, необходимую для твоихъ экстренныхъ или непредвидѣнныхъ расходовъ. Само собой разумѣется, что ты скорѣе увеличишь цифру этихъ расходовъ, чѣмъ уменьшишь ее хотя на одинъ пфенигъ и отложишь эти деньги въ сторону, считая ихъ неприкосновенными. Такой запасный фондъ, подобно тому, какой установленъ самѣмъ закономъ въ большихъ предпріятіяхъ, напри- мѣръ, въ акціонерныхъ обществахъ, составитъ для тебя опору, къ которой ты, при надлежащей

бережливости, можешь прибѣгнуть въ случаѣ необходимости тѣмъ свободнѣе, что онъ каждый мѣсяцъ пополняется вновь. Основаніе такого фонда есть, слѣдовательно, первая необходимость, за которой слѣдуетъ опредѣленіе средней цифры твоихъ повседневныхъ расходовъ.

При такомъ распредѣленіи ты никогда не станешь дѣлать опрометчивыхъ расходовъ, но во всякомъ случаѣ будешь строго сообразоваться со средствами, отказываясь отъ нѣкоторыхъ удовольствій и развлеченій и даже отъ радости выразить другимъ какой-нибудь знакъ особеннаго вниманія, и никогда не рискнешь войти въ долги. Но секретъ искусства не выходитъ изъ бюджета состоятъ не въ томъ, что ты говоришь себѣ: «я могу ежедневно тратить столько то,—вотъ я это и трачу», но въ томъ, что ты въ началѣ мѣсяца благоразумно воздерживаешься отъ всякой безусловно необходимой траты и этимъ можетъ быть сберегаешь нѣкоторую сумму; и чѣмъ ближе подходитъ столь страшный для нѣкоторыхъ конецъ мѣсяца, тѣмъ лучше становится твое финансовое положеніе. Въмѣсто того, чтобы тоскливо ждать перваго числа и употребить первую получку на покрытіе дефицита предыдущаго мѣсяца, ты начинаешь новый мѣсяцъ, имѣя въ карманѣ нѣкоторое сбереженіе.

Если ты, при такомъ хозяйствѣ, одинъ день истратишь меньше, то остатокъ отложи въ видѣ

сбереженія; если же тебѣ когда-нибудь придется превысить свой ежедневный расходъ, то ты возьмешь разницу изъ сдѣланныхъ сбереженій, но съ твердой рѣшимостью снова пополнить ихъ. Но то, что ты дѣйствительно скопилъ въ теченіе мѣсяца, ты долженъ отчислить къ запасному фонду, который никогда не можетъ быть достаточно большимъ, если имъ должны покрываться всѣ случайности. Но для порядочнаго хозяйства необходимо, чтобы ты привыкъ платить за все безъ исключенія наличными деньгами, такъ какъ лишь такимъ способомъ ты сохраняешь возможность наблюдать за состояніемъ своей кассы. Забирать въ кредитъ гдѣ бы то ни было—въ магазинѣ, у портного, въ казино или ресторанѣ—уже само собой поощряетъ къ излишнимъ тратамъ, такъ какъ ты гораздо легче рѣшаешься на удовлетвореніе своего желанія, если твое портмоне не опустошается отъ этого, и наоборотъ, ты гораздо осторожнѣе соображаешь, можешь ли ты или не можешь позволить себѣ извѣстный расходъ, если наличный платежъ является для тебя закономъ. Но заборъ въ кредитъ заставляеть тебя казаться болѣе богатымъ, чѣмъ ты есть на самомъ дѣлѣ. Ты находишь въ своемъ кошелькѣ много наличныхъ денегъ и такъ какъ въ эту минуту не думаешь о другихъ потребностяхъ или придаешь имъ мало значенія, то получаешь фальшивое представленіе о своей кассѣ, и впоследствии бу-

дешь поставленъ въ затрудненіе, когда счета будутъ предъявлены къ уплатѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что ты хорошо ведешь свои денежные дѣла, если въ концѣ мѣсяца, хотя и при тощемъ кошелькѣ, ты не имѣешь еще въ перспективѣ уплаты по счетамъ, и наоборотъ, плохо твое хозяйство, если представленные счета превышаютъ хотя бы и на незначительную цифру ту сумму, которой ты еще можешь располагать.

Но если ты не хочешь обманывать самого себя и желаешь оградить себя отъ нежелательнаго превышенія расхода надъ доходомъ, то помимо урегулированія расходовъ, ты долженъ расплачиваться всегда на наличныя деньги.

Многіе считаютъ хорошимъ хозяйственнымъ приѣмомъ распредѣлить свои деньги на отдѣльныя суммы для каждой мелкой потребности, но я не совѣтую дѣлать этого, такъ какъ самъ испыталъ всю невыгоду этого приѣма; дѣло въ томъ, что при изсяканіи одного фонда, послѣдній пополняется суммами, заимообразно взятыми изъ другого, и что такой заемъ, хотя онъ и ограничивается собственными средствами, въ концѣ концовъ ведетъ къ займу у товарищей, слѣдовательно открываетъ двери безпорядочному обращенію съ деньгами. Благодаря тому, что заемъ становится привычкой. Напротивъ того, хозяйство, основанное на принципѣ бережливости и рекомендованнаго мною наличнаго платежа, приноситъ

одни хорошіе результаты, такъ какъ удовольствіе видѣть свои финансы въ полномъ порядкѣ увеличиваетъ стремленіе къ умѣренности и сбереженію. Это стремленіе преодолеваетъ всякое препятствіе, и ты вступишь въ ошибку, если станешь утверждать, что мои предложенія хороши лишь въ теоріи; въ этой ошибкѣ ты самъ убѣдишься, если попытаешься примѣнить ихъ на практикѣ. Не говори мнѣ, что знакомство съ другими классами общества, напримѣръ съ людьми науки, отъ котораго ты, конечно, не откажешься уже ради своего дальнѣйшаго образованія, стоитъ очень дорого, такъ какъ большая часть этихъ господъ располагаетъ болѣе значительными средствами, точно они придаютъ особенную цѣну тому, что ты пьешь много пива или ѣшь дорогія закуски! Если ты дома съѣлъ свой скромный обѣдъ, то можешь смѣло итти въ ресторанъ и тамъ спросить себѣ стаканъ пива, чтобы выпить его въ интересной компаніи. Это удовольствіе можно разрѣшить себѣ даже и при самомъ скромномъ лейтенантскомъ жалованьи. Но если ты, поѣвъ и попивъ дома, не можешь удержаться отъ желанія продолжить это матеріальное удовольствіе, то израсходуешься вдвойнѣ и на тебѣ одномъ будетъ лежать вина, если ты станешь жертвой обстоятельствъ.

Если ты возразишь, что только такими тратами и можешь поддержать свои знакомства, что-

бы сохранить себѣ почетное положеніе въ ихъ кругу, то я на это тебѣ отвѣчу, что въ такомъ случаѣ твой прямой долгъ отказаться отъ этихъ знакомствъ, такъ какъ люди, которые опредѣляютъ достоинство своихъ знакомыхъ лишь по суммѣ ихъ доходовъ, расходовъ и долговъ, не должны составлять кругъ твоего знакомства; они даже опасны для тебя, такъ какъ ихъ привычки и образъ мыслей мало-по-малу притупятъ въ тебѣ стремленіе къ идеальнымъ благамъ жизни и отклонятъ отъ исполненія высокихъ обязанностей твоего званія.

Можешь ли ты такъ распоряжаться своими средствами, согласно моимъ указаніямъ, въ состояніи ли ты противиться искушеніямъ, которыя представляютъ тебѣ отчасти твои собственные чувства, отчасти знакомства и само твое положеніе,—все это зависитъ лишь отъ степени твоей нравственной силы. Никакая добрая воля, никакое строжайшее сознаніе своихъ ошибокъ, даже никакая практическая ловкость во всѣхъ хозяйственныхъ дѣлахъ не защитятъ тебя отъ разоренія, если у тебя нѣтъ силы быть твердымъ при искушеніи; поэтому и здѣсь ты обязанъ бороться самъ съ собой. Не думай, что ты достаточно твердъ, чтобы устоять, такъ какъ и ты, по твоему собственному признанію, тоже человѣкъ, съ человѣческими ошибками и слабостями: поэтому съ перваго же раза бѣги отъ искуше-

нія, чтобы на тебѣ не оправдалась старая поговорка: «Кто идетъ навстрѣчу опасности, тотъ погибаетъ отъ нея», если обстоятельства не позволяютъ тебѣ бѣжать отъ нея, то напряги всѣ свои силы, чтобы сдержать себя и не погибнуть.

Для того, чтобы ты видѣлъ, къ чему можетъ увлечь тебя легкомысліе, какіе поступки могутъ привести тебя къ долгамъ, я приведу тебѣ нѣкоторые примѣры, могущіе предостеречь тебя отъ опасности.

Какую печальную иллюстрацію къ исторіи долговъ далъ процессъ игроковъ въ Ганноверѣ! Подробное обсужденіе его въ рейхстагѣ и въ печати обнаружило передъ всѣмъ свѣтомъ тотъ фактъ, что офицеры могли забыться настолько, что не только преступили завѣты долга, но и вели, ради остраго возбужденія, игру съ такими людьми, съ которыми при ясномъ самосознаніи не стали бы вести знакомства ни въ какомъ случаѣ. И самое худшее то, что они не подпали въ этомъ случаѣ минутному искушенію, увлекшись недозволенной игрой, но съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ явились въ общество какихъ-то темныхъ людей, чтобы въ одинъ вечеръ потерять такія суммы, которыя для большей части ихъ товарищей могли составить цѣлое состояніе и которыхъ съ избыткомъ хватило бы на то, чтобы облегчить тяжелое существованіе многихъ честныхъ людей или спасти тысячи несчастныхъ

отъ нищеты. А сколько еще денегъ было брошено при этомъ на пьянство и разгуль!

Какъ слабо было развито чувство чести въ этихъ офицерахъ, если, забывъ при присягѣ священную клятву честно исполнять свой долгъ, они не подумали даже о томъ, что своимъ преступнымъ легкомысліемъ набрасывали тѣнь на всю корпорацію офицеровъ, подрывая довѣріе къ ней всѣхъ другихъ сословіи!

Мы живемъ въ такое время, когда духъ раздора и разрушенія, порожденный завистью и ненавистью, захватываетъ все большіе и большіе слои народа, въ такое время, когда болѣе, чѣмъ когда либо, отъ насъ требуется серьезный взглядъ на жизнь и тѣсная сплоченность вокругъ королевскаго трона. Мы должны помнить, что за нашими дѣйствіями наблюдаетъ враждебная партія, которая для своихъ цѣлей накопляетъ изъ нашихъ ошибокъ цѣлый капиталъ, который употребляетъ на то, чтобы повредить положенію офицерскаго корпуса и еще болѣе усугубить ту пропасть между арміей и народомъ, которая бы вовсе и не должна существовать. Съ какимъ злорадствомъ эти партіи воспользовались упомянутымъ процессомъ для своихъ нечистыхъ цѣлей, съ какимъ усердіемъ и горячностью писали онѣ пасквильныя статьи противъ ненавистнаго имъ юнкерства и распустили сплетни о набившемъ имъ оскомину милитаризмѣ! Съ какой сатанин-

ской радостью перенесли онѣ преступленіе этихъ отдѣльныхъ лицъ на цѣлую корпорацію, какъ готовы были ради этихъ немногихъ осудить все сословіе!

Но несмотря на мрачную тѣнь, которую бросаютъ на корпорацію подобные случаи, послѣдніе имѣютъ и благотворныя послѣдствія, такъ какъ сознаніе всей тяжести такой вины, подобно голосу совѣсти, проникаетъ въ ея среду и въ сердце каждаго отдѣльнаго ея члена; они, какъ грозный призракъ, предостерегаютъ насъ отъ повтореній на будущее время и ясно показываютъ всякому, до какой степени подобные процессы способны увеличить пропасть между народомъ и арміей, служа нашимъ врагамъ орудіемъ для поселенія ненависти и раздора.

Игра въ конецъ расшатываетъ самое прочное матеріальное положеніе, губитъ тѣло, душу и честь. Поэтому карточный долгъ всегда остается пятномъ на чести. Если ты пунктуально уплатишь свой карточный долгъ, то хотя и поправишь свою вину, вытекающую изъ преступнаго легкомыслія, но никогда не очистишься отъ проступка, оскорбляющаго долгъ повиновенія и чести, никогда твоя совѣсть не оправдаетъ его. Не проигрышь и вызванный имъ долгъ оскорбляютъ твою честь, а сама игра, заставляющая тебя забыть долгъ, такъ какъ даже и въ случаѣ выигрыша ты поступаешь противъ чести и долга: счастье,

благопріятствующее тебѣ, отнюдь не можетъ избавить тебя отъ тяжелыхъ укоровъ совѣсти, если ты еще не заглушилъ ее своей порочною привычкою. Развѣ воръ не остается воромъ, если безъ помѣхи совершилъ свое преступленіе и избѣгнулъ земного правосудія?

Кто увлекается игрою, тотъ во всякомъ случаѣ оскорбляетъ честь, и мнѣ совершенно непонятно, какъ честный человѣкъ можетъ радоваться выиграннымъ деньгамъ въ то время, какъ онъ долженъ сознать, что выигрышъ его обусловливается оскорбленіемъ его чести и ввергаетъ другихъ въ горе и нужду, нерѣдко приводя ихъ къ гибели и смерти; мнѣ кажется вполне непонятнымъ, какъ кто-либо можетъ находить удовольствіе въ самой игрѣ, когда долженъ думать о томъ, что вмѣстѣ съ состояніемъ ставить на карту и свою честь.

Возвращаюсь еще разъ къ долговымъ обязательствамъ, заключеннымъ по легкомыслію; я не стану больше упоминать о пьянствѣ, разгулѣ и другихъ излишествахъ, которые во всѣхъ моихъ письмахъ подверглись достаточно строгому осужденію, но хочу коснуться нѣкоторыхъ ложныхъ сужденій, которыми люди иногда стараются заглушить совѣсть. Какъ часто я слышалъ, что молодые люди говорили: «сколько бы долговъ я ни имѣлъ — для дѣла это безразлично—все равно я ихъ заплачу», или «сколько бы ни бы-

ло долговъ, которые я не могу уплатить—это не измѣняетъ дѣла». Но такой образъ мыслей во всякомъ случаѣ нечестенъ, такъ какъ ты не станешь отрицать того, что болѣе крупный долгъ труднѣе погасить, чѣмъ болѣе мелкій и что ты тѣмъ больше безчестишь себя, чѣмъ большее число людей обманываются въ своемъ довѣріи къ твоей честности. Такой образъ мыслей показываетъ непростительное легкомысліе, полнѣйшій недостатокъ нравственной силы; долгъ въ этомъ случаѣ понимается, какъ неприятность или какъ неудобное бремя, которое нужно сбросить во что бы то ни стало, но не по долгу чести, которая вмѣняетъ въ обязанность возможно скорѣйшее погашеніе долга, но единственно съ цѣлью усыпленія совѣсти.

Кромѣ того, что бы ты подумалъ о честномъ человѣкѣ, который благодаря своему легкомыслію поставилъ бы себя въ большое затрудненіе и рѣшился бы сдѣлать заемъ, обязуясь уплатить долгъ въ назначенный срокъ, хотя бы прекрасно зналъ, что скорѣе небо упадетъ на землю, чѣмъ онъ будетъ въ состояніи уплатить въ этотъ срокъ свой долгъ.

Во всякомъ случаѣ, хочетъ ли онъ пріобрѣсти средства къ привольной жизни или устранить минутное затрудненіе, онъ имѣетъ въ виду лишь свое собственное спокойствіе. О томъ, что честь предписываетъ ему въ точности испол-

нить свое слово, онъ не думаетъ,—онъ довольствуется тѣмъ, что вышелъ изъ затруднительнаго положенія. Чтобы достигъ этого, онъ не отступаетъ передъ ложью изъ боязни не получить денегъ безъ опредѣленнаго обязательства возвратить долгъ, или же онъ такъ глубоко погрязъ въ легкомысліи, что на самомъ дѣлѣ надѣется на счастливый слѹчай, который къ этому сроку доставить ему богатство.

Чтобы поборотъ такое легкомысліе, нѣтъ другаго средства, какъ работа: помимо того, что она удерживаетъ отъ всякихъ излишествъ, она имѣетъ еще то важное преимущество, что дѣлаетъ тебя серьезнымъ и нравственно твердымъ, даетъ извѣстное направленіе твоимъ благороднымъ стремленіямъ, сохраняетъ твое здоровье и расширяетъ твои знанія. Такимъ образомъ работа есть въ дѣйствительности твой лучшій другъ, который всегда будетъ вѣренъ тебѣ, во всѣхъ случаяхъ жизни, не одурманивая и не ведя къ гибели, какъ легкомысліе, но будя умъ и оживляя сердце, какъ утренняя роса.

Каждая причина, какъ ты самъ несомнѣнно наблюдалъ много разъ, производитъ на различныхъ людей и различное дѣйствіе, смотря по роду ихъ возрѣній на честь и по степени ихъ нравственной силы.

Такъ, напр., предположимъ, что нѣкто потерялъ все свое состояніе. Одинъ беретъ тогда

за пистолетъ и кончаетъ самоубійствомъ, такъ какъ ему кажется невозможнымъ влечить жалкую жизнь бѣдняка, такъ какъ онъ слишкомъ слабъ волею, чтобы отказаться отъ роскоши и наслажденій; онъ не думаетъ при этомъ ни о женѣ и дѣтяхъ, которыхъ ввергаетъ въ горе и нужду, ни о своихъ кредиторахъ, которые будутъ позорить его и послѣ смерти, ни о спасеніи своей души, отягченной грѣхомъ, но лишь о томъ, чтобы избавить себя отъ лишеній и страданій. Другой, наоборотъ, не впадаетъ въ бессильное отчаяніе, но говоря себѣ: «Я, слава Богу, здоровъ, силенъ и могу еще работать», съ удвоенной энергіей снова вступаетъ въ борьбу за существованіе и вмѣсто того, чтобы видѣть въ своей семьѣ тяжелое бремя, почерпаетъ въ ней великую силу и утѣшеніе.

Или, напр., умираетъ мать семейства и безутѣшный супругъ, окруженный своими осиротѣлыми дѣтьми печально стоитъ у гроба своей горячо любимой жены. Иной стрѣляется, такъ какъ жизнь, не согрѣтая любовью, кажется ему невыносимой; онъ не думаетъ о томъ, что дѣти составляютъ наслѣдіе его дорогой покойницы, которое онъ обязанъ свято охранять и въ которомъ со временемъ долженъ отдать отчетъ Богу; онъ лишь думаетъ о своей скорби, т. е. о самомъ себѣ. Другой не въ состояніи вынести постоянной, грызущей его печали, ищетъ разсѣянія и старается утопить горе въ различныхъ изли-

шествахъ, привыкаетъ вести изо дня въ день недостойный образъ жизни, и въ концѣ концовъ незамѣтно для самого себя идетъ къ окончательной гибели. Третій, наконецъ, весь отдается работѣ и находитъ въ ней дѣйствительное утѣшеніе.

Такимъ образомъ работа оказывается благодѣяніемъ, единственнымъ надежнымъ другомъ во всякомъ горѣ и страданіи; но и тогда, когда тебя угнетаетъ тоска и забота, она остается тѣмъ же надежнымъ другомъ, представляющимъ тебѣ утѣшеніе и развлеченіе, помимо другихъ выгодъ. Если ты сдружился съ трудомъ, то не разрывай съ нимъ никогда; съ каждымъ днемъ ты будешь все сильнѣе чувствовать благодѣяніе этой дружбы. Работа есть не только утѣшеніе въ горѣ, но и сильнѣйшая защита отъ всякихъ искушеній, отъ всякаго зла, вытекающаго изъ нашего легкомыслія. Если ты полюбилъ трудъ, если работа составляетъ твое привычное занятіе, то ты спасенъ, такъ какъ она не только охраняетъ отъ соблазна твою душу, но и укрѣпляетъ тѣло, развиваетъ умъ и энергію.

Для тебя не долженъ быть труденъ выборъ между трудомъ и праздностью: послѣднюю ты долженъ отвергнуть потому, что она есть начало всѣхъ пороковъ. Если ты не знаешь, какъ убить время, то скоро становишься самъ себѣ въ тягость, въ твое сердце закрадывается несносная

гостя — скука, и тогда начинается погоня за всякаго рода развлеченіями, безпокойное стремленіе постоянно возбуждать и шекотать расшатанные нервы; легкомыслію открывається здѣсь широкой просторъ, и такъ какъ доходы не успѣваютъ рости соотвѣтственно расходамъ, то появляются долги со всѣми ихъ печальными послѣдствіями; смыслъ твоей жизни теряется, и ты въ цвѣтъ лѣтъ обращаешься въ развалину.

Работа же, не давая мѣста праздности, охраняетъ тебя отъ легкомыслія и долговъ, развиваетъ знанія и энергію, побуждаетъ къ дальнѣйшей дѣятельности и такимъ образомъ ровной и вѣрной дорогой ведетъ тебя къ высшимъ ступенямъ твоего поприща, доставляя уваженіе другихъ людей.

Но если ты, несмотря на строгую самодисциплину, какъ-нибудь поддался искушенію или благодаря какому-нибудь несчастному случаю, поставленъ въ печальную необходимость обратиться къ займу, то передъ тобою возникаетъ вопросъ: «къ кому обратиться за деньгами!»

Весьма естественно, что ты прежде всего подумаешь при этомъ о своихъ друзьяхъ или близкихъ товарищахъ; обратиться къ отцу или съ помощью командира прибѣгнуть къ полковой кассѣ — запрещаетъ тебѣ чувство стыда, вытекающее изъ нечистой совѣсти, которая подсказываетъ тебѣ, что ты долженъ стыдиться своего положе-

нія; поэтому ты предпочитаешь обратиться за помощью къ другу или, что еще хуже, дѣлаешь это изъ нежеланія связывать себя срокомъ платежа, надѣясь, что другъ всегда окажется въ этомъ случаѣ снисходительнѣе.

Но разъ ты поставленъ въ необходимость обратиться къ чужой помощи, то долженъ выбирать путь не самый удобный для тебя, а самый трудный, ужъ ради одного того, чтобы хорошенько наказать себя за легкомысліе, приведшее тебя къ долгу. Ты ни въ какомъ случаѣ не долженъ обращаться къ этомъ съ просьбой заплатить твой долгъ; неужели ты станешь требовать, чтобы твой старый отецъ лишилъ себя послѣднихъ грошей и терпѣлъ нужду для того, чтобы доставить тебѣ возможность дѣлать долги и жить въ нѣгѣ?

Въ каждомъ полку существуетъ болѣе или менѣе долгое время, имѣется капиталъ, изъ котораго ты можешь за весьма умѣренныя проценты взять заимообразно опредѣленную сумму, съ обязательствомъ ежемѣсячно уплачивать часть долга; тамъ же, гдѣ такого капитала не существуетъ, ты можешь обратиться къ офицерской кассѣ взаимопомощи для займа на такихъ же условіяхъ. Такимъ образомъ твоею первою мыслью должна быть самопомощь, и если по какимъ-либо причинамъ ты не въ состояніи помочь себѣ самъ, то лишь тогда можешь обратиться къ по-

мощи своего отца или товарищей, но отнюдь не къ ростовщику или тому подобному лицу.

Если твое матеріальное положеніе такъ плохо, что ты не въ состояніи выплачивать ежемѣсячной суммы для погашенія долга, не войдя въ новыя матеріальныя затрудненія, тогда, конечно, ты не можешь занимать изъ вышеупомянутаго фонда, а равно не имѣешь права просить помощи и у отца, но долженъ обратиться къ товарищамъ.

Но въ такомъ случаѣ честь предписываетъ не дѣлать легкомысленныхъ обѣщаній, а заранѣе заявить: «я не могу дать обязательства уплатить свой долгъ въ какой-нибудь опредѣленный срокъ, но буду считать обязательнымъ для себя закономъ погасить его, какъ можно скорѣе». Я увѣренъ, что такимъ образомъ ты скорѣе найдешь товарищей, согласныхъ помочь тебѣ, такъ какъ твоя честная искренность не уменьшитъ, а напротивъ того увеличитъ довѣріе къ тебѣ, и отъ твоего добросовѣстнаго отношенія къ долгу будетъ зависѣть сохранить это довѣріе.

Для должника постыдна не величина долга сама по себѣ, а сумма долга по отношенію къ возможности погасить его. Ясно, что 500 м. долга для того, кто не имѣетъ ни состоянія, ни родственниковъ, могущихъ заплатить за него, составляютъ несравненно большее бремя, чѣмъ 2000 м. долга для того, кто имѣетъ 100000 м. капитала,

если, конечно, и у того, и у другого одинаково затронуту чувство чести и долги являются слѣдствіемъ недостатка нравственной силы или рѣшительнаго легкомыслія.

Поэтому вполне справедливо, что офицеръ увольняется изъ полка даже изъ-за незначительнаго долга, если онъ не въ состояніи покрыть его, такъ какъ этимъ пятнаетъ честь и репутацію цѣлаго сословія.

Скажу еще нѣсколько словъ объ уплатѣ долговъ. Погашеніе долговъ всегда требуетъ нѣкоторыхъ жертвъ, и сдѣлавъ долгъ, ты долженъ вести совершенно замкнутую жизнь, чтобы имѣть возможность выполнить данное обязательство; дѣло не измѣняется и въ томъ случаѣ, если твой долгъ явился слѣдствіемъ несчастія. Отъ этого уплата долга становится дѣломъ труднымъ, но для тебя оно будетъ легко, если живое чувство чести дѣлаетъ для тебя долгъ тяжелымъ бременемъ, отъ котораго ты стремишься освободиться какъ можно скорѣе. Можетъ однако случиться, что, вслѣдствіе новаго несчастія или новой ошибки съ твоей стороны, ты не будешь въ состояніи въ точности сдержать своихъ обѣщаній; тогда ты обязанъ тотчасъ же отправиться къ своему кредитору, признаться ему въ своей новой нуждѣ и просить его объ отсрочкѣ. Ложный стыдъ препятствуетъ тебѣ слѣдовать этому указанію долга и даже побуждаетъ оставлять безъ

отвѣта письма, напоминающія тебѣ о твоемъ обѣщаніи. Но подобнымъ образомъ дѣйствій ты наносишь себѣ лишь вредъ: въ то время, какъ откровенное признаніе твоего положенія можетъ лишь укрѣпить довѣріе къ тебѣ, твое упорное молчаніе омрачаетъ твою честь и даетъ право твоимъ кредиторамъ сомнѣваться въ ней.

Поэтому еще разъ повторяю: «Всякій долгъ есть долгъ чести, такъ какъ честь и долгъ повелѣваютъ тебѣ уплатить его во что бы то ни стало. Помни, что всѣ твои ошибки происходятъ отъ слабости характера, — поэтому ты долженъ бороться противъ своего сластолюбія и жадности всей силой своей воли.

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ.

О бракѣ.

Введеніе. — Честь. — Выборъ жены.

Мой милый сынъ!

Въ твоемъ послѣднемъ письмѣ мнѣ бросилось въ глаза твое увлеченіе нѣкоторымъ семействомъ, которое, по твоимъ словамъ, славится своими блестящими балами и сердечною, привѣтливою гостеприимностью хозяевъ. Роскошь, господствующая въ этомъ домѣ, совсѣмъ свела тебя съ ума,

и ты не находишь достаточно словъ, чтобы описать его изящную обстановку. Въ твоёмъ письмѣ ясно сквозитъ желаніе перемѣнить свое скромное, но обеспеченное положеніе на беззаботную свѣтскую жизнь, разумѣется не изъ стремленія къ жизни, полной довольства, не изъ желанія блистать богатствомъ или именемъ, а изъ увлеченія дѣйствительно соблазнительною мыслью стать прочно на ноги въ матеріальномъ отношеніи и дать возможность другимъ извлекать выгоду изъ твоего благопріятнаго положенія, пользуясь или твоимъ гостепріимствомъ, или твоею дѣйствительною помощью.

Безъ сомнѣнія подобныя мысли не омрачаютъ твоей чести; если ты не занимаешься накопленіемъ своихъ сокровищъ изъ тщеславной радости обладать ими или не стремишься наживать проценты на проценты, руководясь низкой скупостью, если не даешь своему сердцу зачерствѣть отъ прикосновенія къ золоту, но радуешься своему богатству потому, что оно даетъ тебѣ власть смягчать нужду и заботы другихъ людей, то ты достоинъ обладать имъ, и оно въ твоихъ рукахъ обратится въ благословеніе. Но увѣренъ ли ты, что обладая имъ, сохранишь сердечную теплоту и не поддашься эгоизму? Уже многіе, преслѣдовавшіе идеальныя цѣли въ то время, когда имѣли скромныя средства, окончательно погружались въ тщеславную расточительность, когда

дѣлались богатыми, и ставъ въ тягость самимъ себѣ, накладывали на себя руки, будучи не въ состояніи нравственно возродиться, вслѣдствіе отсутствія моральной опоры. Не мало такихъ, которые, будучи въ бѣдности, всегда находили возможность дѣлиться своими скудными средствами съ нуждающимися, а обогатившись дѣлались черствыми и безсердечными. Можешь ли ты увѣренно сказать про себя, что ты, при измѣнившихся обстоятельствахъ, останешься тѣмъ же? Не приходится ли тебѣ видѣть ежедневно, какъ различно дѣйствуетъ счастье или несчастье на людей, повидимому даже одинаковаго характера? Такъ, иной, внезапно сдѣлавшись богатымъ человекомъ, остается скромнымъ труженикомъ на своемъ поприщѣ; другой впадаетъ въ жадную скупость; третій дѣлается гордымъ и высокомернымъ; четвертый, наконецъ, пускается въ погоню за удовольствіями, чтобы вознаградить себя за долгія ожиданія; и тогда первый изъ нихъ встрѣтитъ всякое несчастье, хотя и съ глубокимъ горемъ, но смиренно, покоряясь волѣ Божіей и ища утѣшеніе въ усердной работѣ; другіе же, наоборотъ, погружаются въ мрачное отчаяніе или, забывъ Бога, будутъ заглушать свою печаль беспорядочными удовольствіями, пока не захлебнутся въ жизненной грязи.

Но не говори про себя, что ты останешься твердымъ въ этомъ случаѣ. Излишняя самона-

дѣянность можетъ ускорить твое паденіе; потому старайся избѣгать искушеній, а не итти имъ навстрѣчу съ дерзкимъ вызовомъ; если же нельзя избѣгнуть опасности, то встрѣть ее мужественно, спокойно смотря ей въ глаза и уповая на Божью помощь. Не бросай своего поприща изъ-за того, что путь его усыпанъ не однѣми розами, но и терніями; выжидай спокойно и терпѣливо лучшихъ дней, имѣя въ виду, что и розы могутъ отравить тебя своимъ благоуханіемъ, а съ другой стороны терніи могутъ поддерживать въ тебѣ своими уколами осторожность. Поэтому не стремись къ богатству и блеску обстановки, такъ какъ при нихъ ты можешь утратить бдительность по отношенію къ самому себѣ.

Все это я говорю тебѣ потому, что изъ строкъ твоего письма усматриваю намѣреніе погнаться за богатой невѣстой. Но если это такъ, то ты гонишься за призракомъ и не видишь зіяющей передъ тобой бездны, въ которой окончательно погубишь свое сердце со всѣми его благородными стремленіями. Если ты хочешь жениться, то я могу только радоваться этому, но заключеніе брака должно основываться не на внѣшнихъ соображеніяхъ, а на прочной взаимной любви, незыблемой какъ утесъ. Если кто-нибудь изъ моихъ молодыхъ пріятелей станетъ выхвалять мнѣ красоту, образованіе и таланты своей невѣсты, богатство и блескъ ея имени, я разумѣется ради

соблюденія формы, принесу ему свое поздравленіе; но если онъ не можетъ достаточно нахвалиться ея скромностью, женственностью и хозяйственными знаніями, я поздравлю его отъ чистаго сердца, радуясь его счастью.

Почвой, на которой возрастаетъ прочное супружеское счастье, служить не красота, увлекающая большинство, не таланты, образованіе и умѣнье вращаться въ обществѣ, полезные лишь для пріятнаго препровожденія времени, не богатство, могущее служить лишь желаннымъ придаткомъ, но искренняя вѣра въ Бога и самоотверженная, довѣрчивая любовь къ супругу. Съ богатствомъ часто связано высокоуміе, изнѣженность, любовь къ наслажденіямъ и даже недостатокъ совѣстливости, съ красотой—легкомысліе и кокетство; таланты и умѣнье вести разговоръ часто требуютъ похвалы и поклоненія пошлыхъ льстецовъ, такъ что всѣ эти достоинства приводятъ къ самообожанію и фарисейству.

Ты долженъ помнить, что бракъ установленъ самимъ Богомъ и имѣетъ громадное значеніе для всей послѣдующей жизни. Поэтому онъ можетъ быть признанъ достойнымъ и благословеннымъ лишь тогда, когда супруги взаимно дополняютъ другъ друга въ своихъ качествахъ, образуя здоровое и гармоническое цѣлое, такъ чтобы каждый, представляя половину, могъ сказать другому: «Ты составляешь необходимое дополненіе

моего существа, недопускающее никакого другого соединенія». Соединеніе же это образуется исключительно на почвѣ любви—но не чувственной и эгоистической, а чистой и самоотверженной. Такая любовь должна вытекать изъ свободнаго влеченія,—никакая другая власть не можетъ вызвать ее, кромѣ голоса сердца, въ которомъ мы признаемъ голосъ Божій; но разъ она скрѣплена торжественной клятвой передъ Богомъ и людьми, то дѣлается долгомъ и требуетъ полнаго самоотреченія и вѣрности.

Кто въ состояніи разорвать разъ заключенный брачный союзъ, тотъ признаетъ ложнымъ свое обѣщаніе быть вѣрнымъ въ любви, а кто даетъ брачную клятву безъ любви, тотъ произноситъ ложь уже на первыхъ порахъ. Никакой обманъ, равно какъ и какое самообольщеніе, не могутъ быть извиняемы при вступленіи въ бракъ: всякій знаетъ, что онъ ненарушимъ, и потому долженъ заключаться лишь послѣ зрѣлаго, всесторонняго размышленія и испытанія. Ничто, кромѣ смерти, не можетъ разлучить супруговъ, если ихъ любовь искренна и крѣпка: но они могутъ сами разлучить себя, если во взаимныхъ отношеніяхъ дадутъ мѣсто безсердечію, недоувѣрію и тому подобнымъ стремленіямъ, если допустятъ чужихъ людей стать между нами и дадутъ мелкимъ, легко примиримымъ разногласіямъ разростись въ глубокой и непоправимый разладъ. Такая внут-

рення рознь обратить брачное благословеніе въ проклятiе: вмѣсто того, чтобы быть неистощимымъ источникомъ счастья, оно сдѣлается источникомъ страданія и всякихъ искушеній, являя собою примѣръ холоднаго и даже враждебнаго столкновенія передъ лицомъ свѣта и собственной семьи.

Любовь и довѣріе—вотъ два столпа счастливаго супружества, свѣточи брака, которыхъ не можетъ затмить никакое облако раздора, недовольства и подозрѣнія; если же оно и затмитъ ихъ на одно мгновеніе, то тѣмъ ярче засвѣтятъ они по окончаніи недоразумѣнія, тѣмъ теплѣе согрѣютъ они сердца супруговъ.

Что можетъ еще недоставать для истиннаго счастья, если мужъ въ своей дѣятельности и стремленіяхъ подкрѣпляется сознаніемъ, что, свято исполняя свой долгъ, онъ доставляетъ отраду и обезпеченіе не только себѣ, но и своей дорогой женѣ, если жена ради любимаго мужа дѣйствуетъ въ семьѣ такъ, что часы досуга и развлеченія, проведенные около нея, доставляютъ ему отдыхъ и обновленіе силъ, если она безъ нужды не ищетъ въ немъ поддержки въ своей слабости, а наоборотъ своею кротостью и дружелюбіемъ смягчаетъ его раздраженіе, если они такимъ образомъ находятъ другъ въ другѣ полное удовлетвореніе, а появленіе дѣтей, требующихъ родительской любви, не ослабляетъ ихъ взаимной привязанности, а скрѣпляетъ ее еще прочнѣе?

Запомни это, если ты намѣреваешься вступить въ брачный союзъ и рассчитывай на счастье лишь въ томъ случаѣ, если ты способенъ на чистую, безкорыстную любовь, если твое сердце говоритъ тебѣ, что только къ этой избранной тобою женщинѣ ты можешь питать искреннюю, прочную привязанность.

И такъ, тебѣ должно быть ясно, что при выборѣ супруги ты долженъ руководиться лишь чувствомъ любви, не принимая во вниманіе никакихъ другихъ соображеній, будь это кажущаяся внѣшняя необходимость, надежда на беззаботную и комфортабельную жизнь, желаніе богатой женитьбой покрыть старые грѣхи, убѣжденія другихъ лицъ, хотя бы ты былъ обязанъ оказывать имъ повиновеніе и почтеніе, перспектива блестящей карьеры, отличія и т. п., увлеченіе внѣшней красотой и изяществомъ или сходство въ нѣкоторыхъ взглядахъ или склонностяхъ. Пусть заставитъ тебя задуматься надъ этимъ вопросомъ и значительное число несчастливыхъ браковъ. Какъ часто приходится видѣть между супругами открытую антипатію, когда внутреннее отчужденіе не прикрыто холодною вѣжливостью! Этому нечего удивляться, зная, что у однихъ бракъ есть лишь торговая сдѣлка или семейный договоръ, у другихъ—дѣло каприза, минутной вспышки страсти или самообольщенія, при которомъ за истинное влеченіе принимается эгоистическое

побужденіе, не имѣющее ничего общаго съ чистой любовью. Немудрено, что счастье, построенное на такомъ зыбкомъ основаніи, рушится отъ первой бури или просто отъ времени, и чѣмъ оно казалось выше и прекраснѣе, тѣмъ скорѣе и непоправимѣе наступаетъ его разрушеніе.

И поэтому здѣсь имѣютъ глубокое значеніе слова Шиллера:

«Drum prüfe, wer sich ewig bindet,
Ob sich das Nerz zum Nerzen findet» *)

То, что я говорилъ до сихъ поръ, относится лишь къ христіанской, этической сторонѣ брака, которая, разумѣется, и есть самая главная, но ты, какъ офицеръ, долженъ еще принимать во вниманіе и требованія сословной чести. Предполагая, что благородство и другія преимущества, хотя бы и ослѣпившія тебя случайно, не могутъ ввести твоего сердца въ заблужденіе, и что ты при выборѣ будешь руководиться лишь долгомъ христіанина и офицера, я не закончу этого письма, не напомнивъ тебѣ о томъ, что твоя жена раздѣляетъ съ тобою твою честь и положеніе. Постараюсь объяснить, что я этимъ хочу сказать.

Въ наше легкомысленное время, когда низкій матеріализмъ и себялюбіе широко охватили всѣ слои народа; когда служеніе королю и отечеству

---

*) И такъ, пусть тотъ, кто хочетъ на вѣки связать себя, испытаетъ, подходитъ ли одно сердце къ другому».

сдѣлались смутнымъ неяснымъ понятіемъ; когда большинство тѣхъ, кто еще вѣритъ въ Бога, называются глупцами, а тѣ, кто стремится къ идеальнымъ цѣлямъ—смѣшными мечтателями; когда, вообще, серьезный смыслъ жизни, отходить на задній планъ и религія перестаетъ быть исходной точкой во всѣхъ нравственныхъ вопросахъ,—всякому грозитъ опасность заразиться нездоровымъ духомъ времени; и уже есть не мало офицеровъ, которые подверглись этой заразѣ. Не безъ основанія можно сказать, что офицерство въ прежнее время отличалось бѣдностью, такъ какъ, прежде чѣмъ рѣшиться на окончательный выборъ подруги жизни, офицеръ испытывалъ свое сердце и вмѣстѣ съ тѣмъ принималъ въ соображеніе репутацію семейства, къ которому принадлежала избранная имъ дѣвушка. Что же мы видимъ теперь? Какъ много тѣхъ, которые отложили въ сторону всѣ этическія и сословныя соображенія и легкомысленно предалися поклоненію маммону. Семейство невѣсты, его образъ мыслей и нравы не играютъ никакой роли, и чѣмъ значительнѣе его богатство, тѣмъ значительнѣе могутъ быть и его недостатки. Никто не хочетъ отстать отъ другихъ въ блескѣ и славѣ, всякій желаетъ задавать пышные пиры и считаться въ числѣ тѣхъ, чьи дома служатъ средоточіемъ общества, сборнымъ пунктомъ золотой молодежи. Но черезъ это бракъ лишается своего почетнаго

одѣянiя и облакается въ лохмотья старьевщика: въ немъ уже не соединяются любящiя сердца, а за тысячи покупается или продается извѣстное положенiе въ свѣтѣ, покрываются новой позолотой завядшiе листья гнилого родословнаго дерева и обмѣниваются на милліоны графскiе титулы. Но стоитъ лишь этимъ торговцамъ посмотреть вокругъ себя, и они скоро увидятъ, что ихъ окружаютъ и передъ ними преклоняются лишь служители маммона, льстецы и лицемѣры,— всѣ же серьезные и честные люди только покачиваютъ головами и сторонятся отъ нихъ, тѣсно сплотившись въ отдѣльный недоступный имъ кружокъ. Если бы они могли также заглянуть въ будущее, то скоро поняли бы, что подобный образъ жизни ведетъ лишь къ пресыщенiю, и что друзья покинутъ ихъ, какъ крысы, бросающiя тонущiй корабль, какъ только рушится все ихъ обаянiе. Какое ужасное пробужденiе предстоитъ имъ тогда!

А что станется съ вѣрностью и другими обязанностями, если чувство будетъ притуплено этою легкомысленною жизнью? Онѣ будутъ лишь тяжелымъ бременемъ,—да и какъ можетъ быть усерднымъ офицеромъ тотъ, кто предается нѣгѣ? какъ можетъ переносить онъ всѣ мелкiя непрiятности и тягости службы, строго и неуклонно исполнять свой долгъ, когда у него текутъ слюнки отъ одной мысли объ устрицахъ и шампан-

скомъ, когда онъ думаетъ лишь о томъ, какъ бы разнообразить свои удовольствія?

Такъ погибаетъ скромный рыцарскій духъ, служащій единственнымъ украшеніемъ офицера, такъ теряетъ значеніе его высокое призваніе служить воспитателемъ своего народа, все болѣе и болѣе исчезая въ потокѣ времени, такъ превращается въ зло богатство, которое при правильномъ употребленіи могло бы оказать неизмѣримо благотворное дѣйствіе, а теперь обращается въ постоянное искушеніе, въ непрерывно возрастающую опасность, передъ которой не могутъ устоять люди, не подвергающіе постоянному контролю свои чувства и поступки.

«Слава Богу», говорилъ фонъ-дер-Гольцъ въ своемъ сочиненіи. «Вооруженный народъ». — «Слава Богу, что наши офицеры бѣдны, какъ церковныя крысы!» — и я сказалъ бы вмѣстѣ съ нимъ: «слава Богу, если бы и теперь было то же»!

Кто не хочетъ признать, что роскошь и изнѣженность увеличились среди отдѣльныхъ офицеровъ, кто не хочетъ видѣть, что вмѣстѣ съ этимъ уменьшилось благородство нравовъ и рыцарство (напоминаю здѣсь о ганноверскомъ процессѣ игроковъ), и что страсти постоянно совращаютъ свои жертвы съ пути чести и долга, — тотъ умышленно закрываетъ глаза, такъ какъ то, что онъ видитъ, приводитъ его въ ужасъ.

Богатство не даетъ счастья, но можетъ заглушить всѣ благородныя побужденія сердца; оно не даетъ силы, но часто дѣлаетъ человѣка слабымъ и неспособнымъ сопротивляться жизненнымъ бурямъ, и если защищаетъ отъ матеріальной нужды, то не можетъ защитить отъ сердечныхъ невзгодъ; наоборотъ, бѣдность, хотъ и связана часто съ заботой, но усиливаетъ нравственное мужество, укрѣпляетъ вѣру въ Бога, научаетъ терпѣнію и выносливости въ несчастіи. Богатство избѣгаетъ всего, что приноситъ неудобства, дѣлаетъ человѣка чувствительнымъ къ порицанію, вслѣдствіе чего богатый легко рѣшается развязаться со службой, которая была для него лишь пустой формой; бѣдность же, наоборотъ, проявляетъ настойчивость въ исполненіи долга, и изъ самага порицанія бѣднякъ старается извлечь для себя пользу. Я разумѣется не говорю здѣсь о той бѣдности, которая представляетъ цѣлую цѣпь тяжелыхъ заботъ, перебивается изо дня въ день и не знаетъ сегодня, чѣмъ будетъ питаться завтра; я подразумѣваю ту бѣдность, которая хотъ и свободна отъ тяжелыхъ, непрерывныхъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ, но и не дозволяетъ отвлекаться отъ дѣла и тратить время на пустяки,—т.-е. средства ограниченныя, въ сравненіи съ обильнымъ достаткомъ.

Изъ того, что я указывалъ тебѣ на опасности, присуція богатству и наоборотъ, называлъ бѣд-

ность полезною, ты можешь заключить, что я вообще противъ того, чтобы офицеры женились на двѣдушкахъ съ состояніемъ. Но это было бы неправильнымъ заключеніемъ, такъ какъ я вовсе не отрицаю богатство само по себѣ и самъ даже указывалъ, какое благо можетъ оно принести съ собою,—а лишь осуждаю намѣренное исканіе богатства.—Если ты, при всѣхъ необходимыхъ качествахъ ума и сердца, помимо желанія находишь у своей избранницы еще и матеріальныя блага, или другими словами, если ты затѣялъ сватовство не ради богатства, при которомъ сама двѣвица часто считается неприятнымъ придаткомъ, но изъ желанія дополнить свое существованіе, соединившись съ достойнымъ человѣкомъ, и если при этомъ богатство не было для тебя предметомъ желанія, а лишь пріятной придачей, то оно не представляетъ для тебя опасности и можетъ сдѣлаться въ твоихъ рукахъ источникомъ добра.

Но если ты стремишься къ довольству и думаешь лишь о своемъ комфортѣ и удовольствіяхъ, то богатство представляетъ для тебя опасность, отъ которой ты погибнешь рано или поздно, если не одумаешься во время.

Но и красота, изящество и другія преимущества, о которыхъ я упоминалъ раньше, не должны соблазнять тебя, такъ какъ онѣ обыкновенно связаны съ тщеславіемъ, эгоизмомъ и властолюбіемъ, которое невольно и незамѣтно сообщается

и тебѣ; такимъ образомъ властолюбивая жена убьетъ въ тебѣ человѣческое достоинство и погубить счастье твоего супружества. Не выбирай такой жены, которая можетъ лишить тебя энергіи и мужества или отвлечь отъ твоего призванія; напротивъ того, любовь къ женѣ должна укрѣпить въ тебѣ рѣшимость твердо исполнять свой долгъ и поддержать тебя въ минуту слабости. Жена должна не одними устами, но и сердцемъ говорить тебѣ: «куда ты пойдешь, туда пойду и я, гдѣ ты останешься, тамъ останусь и я; твой Богъ будетъ и моимъ Богомъ».

И если ты встрѣтилъ дѣвушку, которую украшаетъ истинная, благородная женственность, которая съ тѣмъ же довѣріемъ и нравственной силой готова слѣдовать за тобой, какъ по пути славы и почести, такъ и по пути нужды и горя,—то не упускай ее и береги какъ драгоценную жемчужину.

Если я теперь скажу: ищи себѣ подругу жизни въ бѣдности,—ты поймешь, что это значить: не ищи ее въ средѣ тѣхъ, кто видитъ цѣль своей жизни въ блескѣ, богатствѣ, комфортѣ и рачительности, а бери тамъ, гдѣ человѣкъ измѣряется по его внутреннему достоинству.

Дочь богатаго человѣка предъявляетъ большія требованія, идущія въ разрѣзъ со всѣмъ складомъ офицерской жизни; она не находитъ удовлетворенія въ простотѣ и дѣлается, благодаря

своему недовольству, бременемъ для мужа и даже его искусительницей, ослабляя изо дня въ день его тонкое чувство чести! Дочь скупца, не имѣя понятія объ истинной чести, будетъ видѣть свою честь въ обладаніи золотомъ; при близкомъ общеніи съ такой женой, мужъ теряетъ глубину чувства и все болѣе и болѣе опошливается. Дочь честолюбца, кичащаяся положеніемъ отца или своимъ высокимъ происхожденіемъ, одержима высокомѣріемъ и, желая достигъ черезъ мужа высокаго положенія, убиваетъ въ немъ благородство; подъ ея вліяніемъ онъ научается устранять, не разбирая средствъ, все, что мѣшаетъ ему на его дорогѣ, и хладнокровно идетъ по трупамъ своихъ товарищей.

Но тѣ качества, которыми обладаетъ женщина, заложены въ нее уже въ дѣтскомъ возрастѣ: все, что привилось въ сердцѣ ребенка, благодаря воспитанію или примѣру родителей, развилося потомъ въ дѣвушкѣ и окончательно созрѣло въ женщинѣ; такимъ образомъ въ стремленіяхъ твоей жены ты можешь признать слѣды вліянія ея дѣтской. Поэтому, при выборѣ подруги жизни ты долженъ обращаться въ такія семейства гдѣ господствуетъ истинная честь, благородные нравы и рыцарскій духъ, и гдѣ этотъ образъ мыслей отражается во всѣхъ ихъ поступкахъ. Что поддерживаетъ и руководитъ человекомъ, —

это поученіе отца, просьбы и благословенія любящей матери; что съ раннихъ лѣтъ и, слѣдовательно, неизгладимо запечатлѣлось въ сердцѣ ребенка,—берется юношей съ собою въ жизнь, а дѣвушка служитъ путеводною нитью всего ея развитія; съ этимъ достояніемъ юноша смѣло и радостно вступаетъ въ борьбу за существованіе или же трусливо и даже постыдно погибаетъ въ ней; съ этимъ достояніемъ дѣвушка становится помощью и опорой матери, съ лихвой возвращая ей затраченныя на нее самое заботы и жертвы или принося эти жертвы у собственнаго домашняго очага; или же это достояніе дѣлается сѣменемъ, изъ котораго вырастаютъ плевелы и заглушаютъ всѣ добрые порывы ея души.

По этому отправляйся на поиски за подругой жизни лишь въ такую семью, гдѣ отецъ служитъ дѣтямъ свѣтлымъ примѣромъ честности и строгаго исполненія долга, а мать — образцомъ женственности и хозяйственнаго умѣнья, гдѣ отецъ и мать, соединенные взаимной любовью и довѣріемъ, образуютъ одно цѣлое, питая въ сердцѣ глубокое національное чувство, преданность императору и самоотверженную любовь къ дорогому отечеству. Хотя, разумѣется, такое требованіе не указано въ точныхъ словахъ какимъ-либо параграфомъ закона, но оно ясно вытекаетъ изъ духа самого введенія къ постановленіямъ о судахъ чести.

Если офицеру прямо ставится на видъ,—въ особенности теперь, когда повсюду увеличивается роскошь и комфортъ,—что достоинства его положенія могутъ сообщить ему не матеріальныя блага, а лишь соблюденіе завѣтовъ чести—какъ можетъ онъ гнаться за богатствомъ? Если ему предписывается искать знакомствъ исключительно въ тѣхъ кругахъ, гдѣ господствуютъ добрые нравы; какъ можетъ онъ при выборѣ подруги жизни, стать на другую точку зрѣнія? Если наконецъ, отъ офицера требуется, что бы истинная честь отражалась во всѣхъ его поступкахъ и мысляхъ, то какъ можетъ онъ, при заключеніи брака, поставить на карту свою честь? Въдѣ онъ долженъ знать, что съ честью несомвѣстима погоня за богатой невѣстой, хотя бы ложное сомообольщеніе и представляло ему дѣло въ иномъ видѣ.

И такъ при выборѣ невѣсты, совѣтуйся лишь со своимъ сердцемъ и совѣстью, которая говоритъ тебѣ, что и въ этомъ дѣлѣ ты долженъ слѣдовать завѣтамъ истинной чести, избирая себѣ подругу, достойную быть женой честнаго христіанина и офицера

Бглавленіе.

Преисловіе	3
1 письмо.—Подготовленіе къ военному званію. . .	5
2 » Вѣрность	33
3 » Боевая готовность.	44
4 » Мужество и храбрость.	56
5 » Повиновеніе.	68
6 » Честь.	78
7 » Честное поведеніе на службѣ.	99
8 » Дурное обращеніе.	111
9 » Достойное поведеніе внѣ службы . . .	128
10 » Долги	140
11 » Бракъ	168

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

слѣдующія книги:

- Ф. Массонъ. — НАПОЛЕОНЪ и ЖЕНЩИНЫ. Цѣна
1 руб. 25 коп.
- Р. Крафтъ. — МИШУРНЫЙ БЛЕСКЪ. Критика поло-
женія офицеровъ германской арміи. Цѣна 75 коп.
- Д. Гомерра. — 9 МѢСЯЦЕВЪ въ ПЛѢНУ у МЕНЕЛИКА.
Воспоминаніе военно-плѣннаго въ Шоа. Ц. 75 к.
- Х. Е. Яна. — БАРАБАНЩИКЪ УДАРЪ. Картинки міра и
войны. Цѣна 50 коп.
- Ульрихъ фонъ - Гассель. — ХРИСТИАНСКАЯ ВѢРА И
ВОЙСКО. Цѣна 30 к.

НА ДНЯХЪ выйдеть изъ печати

второй выпускъ

„НАСТАВЛЕНІЯ КЪ САМОДИСЦИПЛИНѢ

И САМОВОСПИТАНІЮ“.

Содержаніе: 1) Товарищество; 2) Суды чести; 3) Пое-
динокъ; 4) Воспитаніе роты эскадрона и т. п. ихъ ко-
мандирами. Цѣна 75 коп.

ИМѢЕТСЯ НА КОММИССИИ

Что такое женщина?

Поэзія въ прозѣ. Цѣна 20 коп.

Главный складъ книгоиздательства „Иностранная Армія“.
Москва, Большая Дмитровка, типографія Борисенко и Брес-
лингъ, куда и просить обращаться съ требованіями; книги
высылаются и паложеннымъ платежомъ.

Продажа во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

2011137041